

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ

МУСО ТОШМУҲАММАД ЎҒЛИ
ОЙБЕК

МУКАММАЛ АСАРЛАР ТЎПЛАМИ

УН ТУҚҚИЗ ТОМЛИК

Таҳрир ҳайъати:

Марат Нурмуҳамедов, Комил Яшин,
Шоназар Шоабдурахмонов, Иззат Султон,
Ҳомил Ёқубов, Зарифа Саидносирова

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ

А. С. ПУШКИН НОМИДАГИ ТИЛ ВА АДАБИЕТ ИНСТИТУТИ

МУСО ТОШМУҲАММАД ЎҒЛИ
ОЙБЕК

МУКАММАЛ АСАРЛАР ТЎПЛАМИ

УН ТУҚҚИЗИНЧИ ТОМ

РУС ТИЛИДА ЁЗИЛГАН
ПУБЛИЦИСТИК ВА АДАБИЙ-ТАНҚИДИЙ
МАҚОЛАЛАР

ТОШКЕНТ — 1982

Изоҳлар билан нашрга тайёрловчилар:

*Омон ТОШМУҲАМЕДОВ,
Раъно ИБРОҲИМОВА*

Масъул муҳаррирлар:

*Нинель ВЛАДИМИРОВА,
Наим КАРИМОВ*

О $\frac{70403-1821}{355(06)-82}$ 102—82

© Ўзбекистон ССР «Фан» нашриёти, 1982 й.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я — уроженец Ташкента. Родился 10 января 1905 года в старой части города в небогатой семье кустаряткача.

Память моя сохранила одно из ярких впечатлений далекого детства: я стою рядом с матерью на плоской крыше нашего глинобитного домика в ясную лунную ночь. По небу плывет белая полная луна, она мне кажется прекрасной, я тянусь к ней руками и настойчиво повторяю: «Мама, дайте мне луну». До сих пор я ощущаю восторг, охвативший меня в те минуты.

И еще хорошо я запомнил первый день ученья. Стояла ташкентская осень, та пора, когда прохладные ночи сменяются жаркими, прогретыми солнцем днями, а в пышной листве деревьев едва пробивается желтизна. Таким осенним солнечным утром дедушка привел меня в одну из школ мечети Старого города. Старик нес завернутые в платок тридцать больших свеженьких лепешек и пакет китайского чая, а в кармане его халата лежал заветный рубль — плата за ученье. Я же бережно держал в руках новенькую деревянную дощечку.

Учитель привычным жестом принял подношение, начал благодарить деда, стараясь быть особенно учтивым и ласковым. Старик отвечал ему тем же. Узнав, что меня зовут Муса, учитель выразил надежду, что я непременно буду муллой. «Поручаю его вам, — сказал на прощанье дед, — сделайте из него человека. Если нужно, учите построже, бейте, но не убивайте».

Я сгорал от нетерпения попасть скорее в помещение, где проходили занятия. Учитель ввел меня в большую комнату с низким потолком и пыльным земляным полом; в комнате стоял гул разноголосицы. Более пяти

десятков мальчиков в возрасте от семи до семнадцати лет на все лады читали каждый свое. Малыши выкрикивали беспрерывно отдельные слова; те, кто постарше, с трудом произносили несложные изречения из Корана, более старшие бойко повторяли основные религиозные правила, а самые старшие нараспев, покачиваясь, читали мистические газели Аллаяра и на таджикском языке — Хализа и Бедиля.

В страшном шуме трудно было понять, кто чем занимается, но как только становилось тише, учитель бил палкой всех без разбору, и мальчики снова начинали кричать. Трудно было чему-нибудь научиться в этой школе, более семидесяти процентов учащихся выходили из нее неграмотными.

В мусульманских школах изучали лишь древнеклассическую и духовную литературу. Постигая туманную премудрость этих произведений, ученики не знали ни истории, ни математики, ни географии. Когда в четырнадцатилетнем возрасте я впервые увидел глобус, он показался мне непонятной игрушкой.

И вот пришла революция, новая жизнь. Поразителен был на первых порах разрыв между осведомленностью учеников медресе в сложнейших стихах мистических поэтов и отсутствием элементарных знаний в других областях. Поэтому мне, уже кончавшему старометодную школу, пришлось поступить во второй класс советской школы, сидеть рядом с малышами, осваивая начатки знаний. Правда, я быстро освоился, тем более что, живя в интернате при школе, все время испытывал на себе здоровое влияние советской педагогики. Я начал досрочно переходить из класса в класс и нормально закончил школу.

Мой путь в годы ученья весьма типичен для узбекской молодежи того времени.

В 1925 году, в двадцатилетнем возрасте, я окончил педагогический техникум и поступил на экономическое отделение факультета общественных наук Среднеазиатского государственного университета (САГУ). В 1927 году перевелся в Ленинградский институт народного хозяйства. Нас, молодежь, тянуло тогда в Россию — колыбель великой революции, хотелось изучить русский язык. Закончив высшее учебное заведение в 1930 году, я начал читать курс политэкономии и

Ойбек. 1952 йил.

марксизма-ленинизма на экономическом факультете САГУ. С 1932 по 1935 год оставался ассистентом при той же кафедре. Все эти годы литература, которой я начал заниматься еще в школе, была моей второй профессией.

Но вот в 1935 году настал момент, когда я почувствовал необходимость выбирать между профессией ученого-экономиста и писателя, и понял, что истинное мое призвание — литература. К этому времени у меня уже вышло несколько сборников стихов, и я печатался довольно систематически.

Мы все начинали с поэзии, имевшей в узбекской литературе многовековую традицию, в то время как прозаических произведений до революции почти не было. Революция видоизменила и жанры поэзии, советские поэты ушли от древнеклассического размера «аруз» и стали писать размером народных песен (эпоса) — «бармак», практиковавшимся уже нашим замечательным писателем, основоположником узбекской советской литературы во всех ее жанрах Хамзой Хаким-заде. Бармаком начал писать и я.

Мой первый литературный опыт,— если можно его назвать столь пышно,— увидел свет в выпускаемой школьниками стенной газете, которая имела тогда огромное значение как место приложения творческих сил нашей молодежи. Само стихотворение стерлось в моей памяти, помню лишь, что это была пейзажная зарисовка, именовалась она «Зима».

Собственно началом я могу считать, не помню уж в какой газете опубликованное, стихотворение «Рабочим», после чего я начал активно печататься в газетах, откликаясь на события дня. Одним из важнейших событий тех лет была земельная реформа, в результате которой землю получили батраки и малоземельные крестьяне. Этому событию также посвящено одно из моих ранних стихотворений «Чья земля?».

В первых моих стихах еще много противоречий, исканий. Наряду со стихами, откликавшимися на животрепещущие события эпохи, есть и абстрактные стихи-раздумья, пронизанные беспричинной элегической грустью. Первый мой стихотворный сборник под названием «Чувство» вышел в 1926 году, второй — «Флейты сердца» — в 1929.

Но каковы бы ни были уводящие иногда от действительности мотивы в моих ранних стихах, передо мной была ясная цель. В стихотворении «В пути» я писал: «Иду, спотыкаюсь, но движусь вперед. Назад не поверну. Как бы ни было трудно, сил хватит, идеал мой высок, ничто не преградит мне путь». Я твердо сказал в другом стихотворении «Мой голос»: «Борются две силы, а я буду смотреть, что ли? Я пойду с теми, у кого молот!»

Мне все время хотелось рассказать о тех, «у кого в руках молот». В узбекской литературе почти ничего не было написано о рабочем классе. Так я подошел к теме своей поэмы «О кузнеце Джуре», где вывел двух рабочих — борцов за Советскую власть, погибших во время белогвардейского восстания в Ташкенте в 1919 году. Эта поэма была написана в 1934 году. До нее я выпустил еще сборник стихов «Факел» (1932), почти целиком посвященный строительству новой жизни. В ту пору я мог с полным правом сказать о себе словами моих стихов: «Меня влекла луна, а теперь в моей крови уголь, железо, сталь! Я все время рядом, вокруг, в себе самом ощущаю дыхание великой эпохи. Я расстался с луной, но она каждую ночь роняет мне на стол свои рукава, склоняет голову к моей груди. Впрочем, это уже ее последний каприз».

Особенно увлекала меня тогда тема раскрепощения женщины. Эта тема имела уже сложившуюся традицию, идущую от Хамзы, — мимо этой важнейшей в наших условиях проблемы не прошел ни один советский узбекский писатель. От коротких стихов: «Девушке, живущей в слепоте», «Девочке, с которой вместе играл», «Счастье узбекской девушки» и других я пришел к своей первой поэме «Дильбар, дочь эпохи» (1932). В ней я попытался рассказать о новой, освобожденной революцией женщине Узбекистана, о трудностях, какие еще стояли на пути к полной свободе, о бытовых предрассудках. Поэма, очевидно, была своевременной; любопытная подробность: после ее опубликования имя Дильбар, довольно редко встречавшееся до того, стало чуть ли не массовым.

Следующая моя поэма — «Мечь» (1933) вводила в дореволюционное прошлое. Я считал, что нужно раскрыть все мрачное и тяжелое, угнетавшее в прошлом

народ, чтобы ошутимее предстали завоевания революции. Я хотел показать в этой поэме, как страшна была судьба женщины, принужденной к браку с нелюбимым. Моя героиня Лейли гибнет во цвете лет от невыносимых страданий.

Возникали и другие образы прошлого, образы борцов за свободу. В памяти моей хранилось много песен и легенд, услышанных в разных местах моей родины и в Казахстане, где я с юных лет часто бывал с отцом. Разъезжая верхом на коне по казахским степям, я уже тогда охвачен был опьяняющим чувством вдохновения, во мне пробуждалось острое желание творить. Там слагались первые строки моих стихов. И вот из недр памяти всплыли мотивы прелестной сказки о красавице девушке-казашке, купленной богатым ташкентским купцом, и о ее возлюбленном—народном певце, поднявшем в Ташкенте восстание ремесленников и батраков против бая и освободившем свою любимую. Так была написана в 1934 году поэма-сказка «Бахтыгуль и Сагындык».

Таким образом, за первую половину 30-х годов я написал несколько поэм, но меня все больше тянуло к прозе, я чувствовал огромную потребность создать широкое обобщающее произведение на современную тему. Это удалось не сразу. Я начал работать над романом «Студенты», но не закончил, чувствуя, что нужно расширить свой жизненный и литературный опыт, сказать свое, а не идти проторенным путем.

Новое зрело во мне: я стоял на перепутье. В это время я занялся очень важным для Узбекистана той поры делом. Почти все узбекские писатели переводили на родной язык художественные и научные произведения, входящие в золотой фонд культурных достижений мира. Я тоже занялся переводом, перевел ряд глав из «Капитала» Карла Маркса, отрывки из «Фауста» Гете, «Божественной комедии» Данте, «Каина» Байрона, но главным в своей работе переводчика я считаю перевод пушкинского «Евгения Онегина».

Многому я научился у великих русских писателей, а Пушкин останется навсегда самым близким мне и любимым. Через много лет после первого знакомства с ним я писал в одном стихотворении:

Он мне по милости своей
И сердца свет, и свет ума —

Как бы поэзия сама —
Дарил, как песню новых дней.

Я занимался переводами и вынашивал замысел романа. Я хотел рассказать в нем о жизни узбекского народа в предреволюционный период, о нараставшем в народе стремлении бороться за свои права, вылившемся в знаменитом восстании 1916 года.

Хотя в период, к которому относится действие романа, я был еще почти ребенком, теперь я имел уже достаточный жизненный опыт, чтобы сказать: я это видел сам. Я видел быт народа, я видел темные, душные жилища бедняков и простонародья, комфортабельные дома богачей, расположенные в садах с прохладными водоемами, окруженные высокими дувалами.

В детстве я не раз влезал на дерево, чтобы заглянуть в байский сад. Я жадно наблюдал чужую жизнь и уже тогда понял многие стороны социальных отношений, изображенных впоследствии в моем романе. Я видел в моих героях — людях из народа, будущих революционных борцов, строителей советского общества. Так рождался роман «Священная кровь», который был написан почти единым духом летом 1938 года. В 1940 году роман был опубликован на узбекском языке и в этом же году напечатан в русском переводе в журнале «Литература и искусство Узбекистана». Впоследствии роман неоднократно переиздавался и в Советском Союзе, и в зарубежных странах.

Размышляя о судьбах своего народа, я пришел к новой теме. Мне давно хотелось писать о великом узбекском классике Алишере Навои, чьими произведениями я зачитывался с детства. Образ великого гуманиста, подобно светлomu факелу, озарившего тьму средневековой ночи, завладел моим воображением. Я написал поэму «Навои»; образ Навои возникает во многих моих лирических стихотворениях, и наконец, в 1942 году я закончил роман «Навои», опубликованный впервые на родном языке в 1944 году, а в русском переводе — в 1945.

Изучив в процессе работы над романом бессмертные произведения великого поэта и его эпоху, я написал также ряд историко-литературных работ о жизни и творчестве Навои. Эти мои труды наряду с исследованиями творчества узбекских классиков конца XIX — на-

чала XX века Мукими, Хамзы и ряда других послужили основанием для избрания меня в 1944 году действительным членом Академии наук Узбекской ССР. За роман «Навои» в 1946 году я был удостоен Государственной премии СССР.

В годы войны я начал работать над новым романом — «Солнце не померкнет», где стремился показать узбеков на фронтах Великой Отечественной войны. Я поехал на фронт в составе артистической бригады. Но, попав туда, я откололся от бригады, ибо понимал, что написать о войне можно, лишь глубоко изучив обстановку, людей, и несколько месяцев пробыл на фронте.

Но уже в процессе создания романа, когда я опубликовал несколько отрывков из него, я почувствовал, что не могу не откликнуться на героический труд наших людей в тылу, особенно женщин, на долю которых выпала огромная тяжесть войны. Так была написана поэма «Девушки» — о пяти юных героинях, чей беззаветный труд, вливаясь в труд миллионов других людей, помогал побеждать.

И вот победа пришла. Какая гигантская работа потребовалась для восстановления разрушенного войной! И с каким рвением принялись люди, еще не остывшие от боев, за дело! Можно ли писателю, современнику и свидетелю этого гигантского труда, не рассказать об увиденном? С таким чувством я писал свой роман «Ветер золотой долины». В образе солдата Уктама, вернувшегося с войны в родной колхоз, я хотел показать наших людей, героев, энтузиастов-тружеников.

Для меня было большой радостью получить письмо, написанное на имя моего героя, в котором благодарят Уктама за пример доблестного труда. Письмо это долго пропутешествовало, прежде чем догадались, кому его передать. Немало писем на имя Уктама приходило и от колхозников-узбеков. Роман встретил и критические замечания, учитывая которые, я внес ряд исправлений и дополнений. В послевоенные годы я много путешествовал, побывал в Пакистане. В результате этой поездки написаны очерки «По ту сторону Гиндукуша» и повесть «В поисках света», опубликованная в 1958 году на узбекском языке и в 1959 — на русском, а также цикл стихов.

В 1958 году я, наконец, закончил военный роман «Солнце не померкнет».

Меня всегда волновал образ моего замечательного современника — Хамзы Хаким-заде. Мои мысли о нем, мои чувства к нему вылились в стихах. В 1949 году я написал поэму «Хамза».

Голова полна новых замыслов. Закончил первую часть повести о детстве. Автобиографический характер носит и моя маленькая поэма «Дед». Приступаю к новому роману «Великий путь», который по замыслу должен охватить первые годы после Октябрьской революции, с 1917 по 1922 год. Рассказать об этом — моя давнишняя мечта. Это тема образования и развития Советского Узбекистана, тема широкая, показывающая всесторонне расцвет жизни узбекского народа — политической, хозяйственной, культурной, по существу тема второго рождения народа.

И я не успокоюсь, пока не воплощу мой замысел в жизнь. Я обязан сделать это перед народом, который неоднократно облакал меня своим доверием, выбирая депутатом в высший орган нашей власти — Верховный Совет.

Народ и партия всегда давали мне вдохновение и силы, и весь мой труд, вся моя любовь до последнего дня моей жизни принадлежат им, строителям будущего — коммунизма.

1959 г.

ПУБЛИЦИСТИКА

СМЕРТНЫЙ ЧАС ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Красная Армия покрыла себя славой, вечно сияющей, подобно солнцу. История не знает другого примера такой мощи и героизма, какой показала наша армия, изумившая своими подвигами весь мир.

Сердце советского бойца полно любви к Родине. Советская Родина сделала его человеком, хозяином своей судьбы, открыла перед ним пути к сияющим вершинам науки, культуры и совершенства. И он никогда не мог хоть на миг смириться с мыслью, что кто-нибудь может лишить его любимой Родины.

С легкостью покорившие почти всю Европу, немецко-фашистские разбойники, напав на СССР, впервые встретили мощное сопротивление. Против фашистских головорезов встал сильный духом советский человек, смело идущий и на смерть во имя жизни и свободы Родины. И этот советский человек вдребезги разбил миф о непобедимости фашистской армии.

Красная Армия гнала полчища гитлеровцев от Волги до Одера, от Сталинграда до Берлина. Ничто — ни горы, ни реки, за которые отчаянно цеплялись гитлеровцы, не смогло остановить могучее наступление Красной Армии, блестяще усвоившей гениальную военную стратегию, овладевшей передовой советской техникой.

И вот под могучими ударами Красной Армии пала главная крепость гитлеризма, очаг коричневой чумы — Берлин. Этот город проклинали все, кто уважал честь и свободу, истину и справедливость. Его проклинали и ненавидели все народы, испытавшие ужасы, горечь и страдания, которые обрушил на них фашизм.

А ныне свершилась мечта, которой мы жили все эти годы. Весь мир облетела праздничная весть о полной

победе, величайшей в истории человечества. Гитлеровская Германия, поверженная в прах нашими победоносными воинами, капитулировала. Свершилось. Великие дни переживаем мы, современники исторического события, торжества наших идей, нашей воли, нашего советского народа.

Гитлеровская Германия жаждала мирового господства, она хотела захватить богатства мира, высосать кровь всех народов и племен. Все бредовые мечты теперь похоронены на веки веков.

Сегодня по дымящимся улицам капитулировавших германских городов гордо шагают бойцы Красной Армии — орлы великих побед, замечательные сыны советского народа, возвысившие до небес славу своей Родины.

Советский народ гордится своими сынами-героями. Их множество, но они едины сердцем, мыслями и чувствами со всем советским народом.

Вместе с русскими богатырями рука об руку мужественно дрались украинцы, белорусы, грузины, армяне, узбеки, казахи, туркмены и другие народы Советского Союза. Все они, не щадя своей крови и самой жизни, вместе дружно дрались за великую, единую Советскую Родину, за ее свободу и независимость, за судьбу человечества. Их, доблестных воинов армии-освободительницы, со слезами радости целовали девушки, женщины, дети и старики разноязычных городов и сел, освобожденных Красной Армией от фашистской кабалы.

Красная Армия вонзила острый штык в черное сердце врага. Наступил долгожданный смертный час фашистской Германии. Словно утренняя заря, сияет наше знамя Победы.

1945 г.

ЧИТАТЕЛИ О БИБЛИОТЕКЕ

Библиотека очень много сделала для развития советской культуры и широкого распространения знаний среди трудящихся. Читатели всегда встречают в библиотеке хороший прием, ее работники, с любовью относящиеся к своему делу, умеют из тысяч книг отобрать именно ту, которая больше всего вам нужна.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла трудящимся широкую дорогу к культуре и науке, народ стал грамотным, полюбил книгу, наша библиотека превратилась в народное достояние.

Желаю дальнейшего расцвета и еще большего роста этому большому очагу культуры узбекского народа.

1945 г.

НАГРАДА ОБЯЗЫВАЕТ

Я глубоко взволнован радостной вестью о присуждении мне Государственной премии СССР за мой скромный труд над историческим романом «Навои». Я бесконечно благодарен за это родному советскому правительству, мудрой партии Ленина.

Лишь в советскую эпоху, под руководством партии большевиков, узбекские писатели и поэты смогли создать произведения, которые находят у народа столь высокую оценку.

Присуждение мне Государственной премии СССР является показателем роста узбекской советской литературы и обязывает нас, узбекских писателей, создавать новые произведения, достойные великой эпохи, в которой мы живем.

Многие узбекские поэты и писатели готовят сейчас крупные произведения. Писатель Абдулла Каххар закончил роман «Кошчинар» («Две чинары») о колхозном строительстве, поэт Шейхзаде пишет пьесу о борьбе узбекского народа за воду, драматург Яшен работает над пьесой, героем которой является офицер-узбек.

Я пишу главы романа «Солнце не померкнет» — об участии узбекского народа в Великой Отечественной войне. Однако мною создано еще очень мало. Наша советская действительность чрезвычайно богата темами, которые ждут своего отображения в литературе. Меня очень волнует тема об образовании и развитии Советского Узбекистана.

В работе над этой темой я не пожалею своих сил, приложу все свои способности и знания, чтобы как можно лучше, правдивее и величественнее отобразить ее в новом произведении. Я постараюсь, чтобы это произведение было достойно подвигов народов Советского Союза, идущих под предводительством Коммунистической партии к сияющим вершинам человеческого счастья.

1946 г.

ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА

Достижения Узбекистана в области народного хозяйства и культуры поистине громадны. В годы Советской власти за сравнительно короткий срок узбекский народ совершил путь материального и духовного развития, которого не знала и не могла знать его седая история на протяжении веков. Пятьсот лет назад великий узбекский поэт Алишер Навои вдохновенно и зорко воспел образ благородного камнетеса — Фархада, который киркой раздробил неподатливое сердце горы, чтобы пустить воду в безжизненную пустыню.

Образ камнетеса стал образом литературным. Этот образ любим узбеками, он переходит из одного поколения поэтов в другое. Этот образ ушел в далекие кочевья — с Востока на Запад, в Европу.

Теперь и сам Фархад удивился бы богатырской силе своего народа, его тонкому искусству, тому, как и чем узбеки воздвигают крупнейшее Каттакурганское водохранилище. Это детище наших лет мог бы воспеть сам великий Алишер. В республике закончены большие ирригационные работы, это творят дети камнетеса Фархада.

Многие узбекские поля, покрытые верблюжьей колючкой, сухими побегами чийника, не будут отныне испытывать недостатка в воде. Увлажненная обильно узбекская земля уже дает богатые урожаи хлопка. Это достойно новых песен и первых наших производственных романов. Всюду перед писателем земля ирригаторов и мелиораторов. Всюду перед писателем напоенные водами тучные поля, покрытые легкими белыми звездами хлопчатника. Это звезды, земные звезды нашей земли; их дивный орнамент словно подсказывает новейшие стихи, в которых слит индустриальный мотив с мелодией древнего труда. Собирая хлопок, юные девушки соревнуются в ловкости с джигитами, старики не хотят уступать своим сыновьям и дочерям в трудовой доблести.

В хирманах (место для сбора хлопка) возвышаются огромные мягко-белые горы, собранные неутомимыми

• Ойбек. 1944 йил.

руками тружеников. По перепутьям, пересекающим плантации, по всем широким дорогам тянутся караваны машин, верблюдов, высококолесных арб: узбеки везут «белое золото», чтобы сдать его государству.

Узбекистан — родина не только хлопка, садов, униженных плодами и разрезанных, словно жилками мрамора, синевой журчащих арыков. Республика обладает теперь мощной индустрией.

От Навои пошла слава Фархада. От советских пятилеток — устами поэтов — должен быть воспет район Беговата. Здесь недавно пущен красавец — Узбекский металлургический завод.

Романистам еще предстоит проследить, как началась эта стройка. Русские мастера отдавали свои знания и силы, учили узбекских колхозников работе плотников, каменщиков, бетонщиков, арматурщиков.

В новеллах, в романах, которые могут сделать честь братским идеям всего человечества, будет рассказано, как под руководством северян — сибиряков, кировцев, уральцев — наши узбеки-колхозники научились варить прекрасное варево — сталь. Будет рассказано в патетических произведениях, как узбеки научились прокатывать ее, управлять послушными громадами электрокранов.

Так случилось в стране, где до революции было много мечетей и много «ханака» — мест, где созерцательно отдыхали дервиши. Было много строений, украшенных майоликой. Но для грамотности узбеков, а не для суеверия, не было пристанища. Не было ни одной начальной школы, где молодежь могла бы учиться грамоте. А под высокими узорчатыми сводами медресе наиболее обеспеченные юноши монотонно зубрили учение пророков и средневековую схоластику.

Теперь древний город Самарканд превращен в город университета, Ташкент — столица республики — насчитывает десятки научно-исследовательских институтов, Академию наук УзССР. Молодые узбекские ученые-специалисты работают над важнейшими вопросами техники, науки и культуры. Узбекские писатели создают новые произведения о людях Советского Узбекистана.

1946 г.

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Огромный зал переполнен народом. Это знатные люди, приехавшие на курултай хлопкоробов Узбекистана. Я с волнением смотрю на них. Вот о ком надо писать романы, поэмы, повести, стихи!

С пристрастием оцениваю произведения узбекских литераторов и прихожу к выводу: о герое-хлопкоробе еще до сих пор нет по-настоящему хорошей художественной книги, а таких героев вокруг нас много.

Среди делегатов — председатель колхоза Янгй-Юльского района Хамракул Турсункулов. Я с любопытством вглядываюсь в его лицо, точно вижу впервые. Он, как всегда, говорит страстно, но убеждают и вызывают восторг не его горячие слова, а чудесные дела, которыми славится колхоз. Пытаюсь представить себе то, о чем говорит Турсункулов, и предо мной возникает покрытая чахлой растительностью солончаковая пустыня. Вокруг, насколько хватает глаз, ни деревца, ни жилья. Но вот сюда приходит Хамракул Турсункулов. Хозяйским глазом окидывает он пустыню и говорит: «Дайте мне эту землю».

И возникает колхоз. В солончаки вносят удобрения. Исчезают колючий янтак и чахлые травы, на их месте зеленеют плантации хлопчатники. Колхоз богатеет с каждым годом. На пастбищах нагуливают жир тысячи баранов, пасутся стада свиней, коров. Среди былой пустыни вырастают городского типа домики — жилища колхозников, вместительный клуб, гостиница для приезжающих, радиоузел, электростанция, всевозможного рода мастерские. Но самое замечательное в этом колхозе — люди, свободные, беспокойные, смелые, они ломают все устаревшее, косное, борются за высокую тех-

нику, за социалистическую культуру, строят невиданный ранее общественный строй — коммунизм.

В зале, где проходит курултай, долго не утихают аплодисменты. Ими делегаты отвечают на слова Хамракула Турсункулова: «...Наш колхоз широко механизует трудоемкие виды полевых работ и, строго придерживаясь устава колхозной жизни, поднял урожайность хлопка до 44,1 центнера с каждого из засеянных 520 гектаров. Мы выполнили обязательство, взятое на курултае в прошлом году...

В результате высокой урожайности колхоз получил 9 миллионов 160 тысяч рублей дохода. На трудодень выдано по 30 рублей 18 коп. деньгами, по 1,8 килограмма зерна, а члены передовых звеньев получили на трудодень по 4—5 килограммов зерна.

За этими скупыми словами и цифрами я вижу высокую поэзию колхозного труда, героические усилия людей, подвиги послевоенного времени. И это очень знаменательно, эти подвиги свершаются во многих передовых колхозах нашей республики.

В любом узбекском кпшлаке с уважением произносят имена Тешабая Мирзаева, Таштемира Рахимова, Нуриддина Убайдуллаева и многих других лучших людей Узбекистана. Процесс становления каждого из этих колхозов, жизнь каждого из этих людей — большая и значительная тема для писателя. Сумела ли узбекская литература поднять эту тему? Есть ли у нас произведения, равные по художественному значению «Поднятой целине» Шолохова, овейанные духом нового, как «Сыновья» В. Смирнова и книги В. Овечкина? Почти нет.

В прошлом году, после третьего курултая, Союз советских писателей Узбекистана составил сборник «Песни о хлопкоробах». Сюда вошли стихи, очерки, рассказы, одноактные пьесы. Когда книга попала в руки одного передового колхозника, он недовольно пожал плечами: «Мертвые в книжке люди, неинтересные, читать не хочется».

И он был прав. В рассказе «Девушка, которая творит чудеса» Ш. Сагдулла хотел показать самоотверженную работу Замиры Муталовой, знатной звеньевой колхоза имени Ильича Ташкентской области. Но автор встал на явно порочный путь — действительность он сме-

шал с фантастикой. Героиню рассказа — советскую девушку превратил в сказочную пери, трогательную и наивную, которая обращается с мольбой то к небу, то к земле, умоляя оказать ей милость.

В этом же сборнике напечатаны три слащаво-сентиментальных очерка Тураба Тулы. В них показаны колхозные бригады. О чем думают эти люди, каковы их заветные мечты, автор не считает нужным рассказать. Естественно, что в сознании читателя такие очерки оставляют бледный, едва заметный след.

Справедливой критике подверглась и пьеса Уйгуна «Рискованная шутка». Драматург искажил жизнь и быт колхозников; герон этой пьесы — недалекие, малокультурные люди. С. Абдулла и М. Мухамедов взяли для пьесы «Орзу» благодарную и нужную тему — борьбу узбекских крестьян за высокий урожай хлопка, но пьеса построена на ложном конфликте, и отсюда невысокая идейность ее. Главная героиня пьесы Орзу борется за механизацию сельскохозяйственных работ. Против нее выступает группа колхозников, не желающих расстаться с кетменем. Если такой конфликт в какой-то степени был характерен для колхозной действительности в 1929—1930 годах, когда на узбекских полях впервые появились тракторы, то сейчас не только взрослые, но даже дети понимают, какое огромное значение имеет машина в трудоемких сельскохозяйственных работах.

На фоне этих серых, малоинтересных произведений выделяется жизненной правдивостью пьеса Туйгуна «Любовь». Сюжет пьесы прост, с фронта возвращается Герой Советского Союза Равшан Садыков. Он становится парторгом колхоза и совместно с членами артели и председателем колхоза добивается высоких урожаев хлопка, строит в колхозе гидроэлектростанцию. Автор показал внутренние пружины, душевные побуждения, которые заставляют колхозников поступать так, а не иначе. В пьесе есть запоминающиеся характеры (председатель колхоза Джурахон Ташматова, Равшан Садыков).

Многие наши писатели глубоко поняли, что надо делать, чтобы их творчество было идейным и современным. Они убедились, что, сидя в кабинетах, много не увидишь. Все чаще и чаще писатели отправляются на

длительные сроки в колхозы, на новостройки. Результатом такого общения с действительностью явился роман Абдуллы Каххара «Кошчинар». Пока опубликовано несколько глав романа. По-видимому, я не ошибусь, если скажу, что произведение будет одним из самых значительных об узбекском колхозе.

В перерывах между заседаниями курултая я беседовал с женщинами. Одна из них, прищурив глаза, спросила: «Почему вы обижаете женщин? Почему так мало и скучно пишут о нас?» И она приводила цифры, которые мне и без того хорошо известны. Я знаю, что 37 тысяч женщин Узбекистана награждены орденами и медалями Советского Союза, 14 — выбраны депутатами Верховного Совета СССР, 106 — депутатами Верховного Совета УзССР. Мрачные стены «ичкари», где раньше томилась оторванная от жизни узбекские женщины, черная сетка «чачвана», которой они раньше закрывали лицо,— все это кануло в невозвратное прошлое. Наряду с мужчинами наши женщины самоотверженно трудятся на фабриках и заводах, в колхозах и учреждениях. Мы знаем женщин токарей, слесарей, горных мастеров, врачей, учителей, мастеров высокого урожая хлопка, хлеба. Этим женщин народ ценит за героическую самоотверженную работу. Имена героинь колхозного труда — председателя колхоза Турсуной Каримовой, бригадира Таджихон Аскаровой, звеньевых Мин-ой Урзабековой, Замиры Муталовой, Назик Бурпевой и других окружены всенародной любовью.

Я принял вопрос моей собеседницы как большой, несложный заказ, который наши писатели должны в кратчайшие сроки выполнить.

И много у нас в Узбекистане тем, которые все еще ждут писательского пера.

ЦК ВКП(б) принимает меры по подъему сельского хозяйства и дальнейшему укреплению колхозной жизни. Для этого потребуются огромное напряжение. Нужно будет освоить сотни тысяч гектаров земель, которые раньше считались неплодородными. В верховья Сыр-Дарьи еще в прошлом году переселились люди из малоземельных районов Ферганы и других областей. В нынешнем году на вновь орошенных землях будет организовано сто колхозов. Мимо чувств людей, приехав-

ших на эти места, их упорной борьбы с природой не могут пройти писатели.

В нашем народе издавна популярна поговорка: «Где вода — там цветущий сад, нет воды — кладбище». Веками узбекский народ мечтал об орошении пустынных земель. Сейчас эта мечта превращается в явь: строится грандиозная Фархадская ГЭС, будут усмирены буйные воды Сыр-Дарьи. Наш народ в необычайно короткие сроки построил Большой Ферганский канал, Ташкентский, Северный Ферганский каналы. Перед узбекским народом выдвинуты очередные задачи — сооружение новых ирригационных объектов. По разветвленной сети каналов воды устремятся в пустыни и помогут человеку превратить их в цветущие колхозные поля, плантации хлопка, зеленые сады и виноградники.

Драматург Шейх-заде не одну неделю пробыл на стройках, он собрал интересный материал, который лег в основу пьесы. Борьба народа за воду, превращение пустынных территорий в цветущие сады — такова основная тема этого произведения. Но тема эта так значительна, свежа и дорога народу, что ее нельзя исчерпать одной драматургической формой, об этом нужно писать многотомные романы.

Послевоенная действительность богата замечательными людьми. Проникнуть в их психологию, создать яркие многообразные характеры, в первую очередь написать повести и романы о замечательных тружениках колхозных полей, — вот над чем должна работать творческая мысль наших писателей.

1947 г.

К СОЛНЕЧНЫМ САДАМ КОММУНИЗМА

Первым президентом узбекской республики был потомственный батрак из Ферганы покойный Юлдаш Ахунбабаев, человек большого государственного ума и замечательных организаторских способностей. Нашими предприятиями, колхозами, университетами руководят бывшие рабочие, батраки, чабаны и их сыновья и дочери.

Женщина Узбекистана, вчерашняя рабыня, затворница «ичкари» сейчас управляет государством, принимает непосредственное участие в разрешении важнейших политических и хозяйственных задач республики. Кто не знает Турсуной Каримову, талантливого организатора и пылкого оратора? Она — депутат Верховного Совета СССР и председатель большого колхоза.

Таких людей у нас в Узбекской республике много. И это вполне естественно. В Советской стране, в государстве подлинной демократии, люди свободны от оков и ограничений старого общества, каждому гражданину предоставлены все возможности для развития способностей и наиболее полного применения их в жизни.

Буржуазия кичится своей «демократией». Она с пеной у рта всячески пытается доказать ее «преимущества». Напрасный труд... Демократия буржуазии отражает жестокую природу капитала. Хороша демократия, дающая право кучке владельцев денежных мешков господствовать над миллионами тружеников, обогащаясь за счет их пота и крови!

Буржуазия говорит о свободе и в то же время держит сотни миллионов людей в своих колониях, в железных тисках нищеты и бесправия, в состоянии невежества и дикости. Оскорбляет и попирает их честь про-

поведью расового превосходства белых. Не есть ли это высшая степень подлости и лицемерия?

Лакеи и продажные писаки империализма Англии и Америки злобно клеветуют на нашу советскую демократию. Летучие мыши не любят солнца. Но оно все щедрей будет сиять на весь мир, поддерживая в сердцах поработанных народов надежды на лучшее будущее.

В дружеской семье советских народов узбекский народ за тридцать лет Советской власти достиг таких успехов, которые немыслимы в иных социальных условиях. Дехкане, мечтавшие о тощем клочке земли, о ленточке журчащей воды, получили в колхозах огромные массивы поливных земель, целые реки воды, обузданные волей большевиков. Площадь посевов расширяется с каждым годом: узбекский народ отвоевывает у пустынь сотни тысяч гектаров целинных земель, превращая их в цветущие сады и хлопковые плантации, дающие невиданно высокий урожай.

На полях республики работают тысячи машин, выпускаемых предприятиями тяжелой индустрии самого Узбекистана. От немногочисленных маслобойных, лимонадных заводиков и кустарных мастерских к металлургическим гигантам Беговата — вот показатель успехов узбекского народа за тридцать лет в области промышленности.

До революции в мусульманских школах дети разных возрастов, сидя на корточках на земляном полу вокруг дремлющего муллы, в течение многих лет, день за днем, заучивали непонятные им слова Қорана. Ныне Узбекистан имеет сотни учебных заведений, научно-исследовательские институты, музеи, библиотеки. Создана Академия наук — штаб научной мысли республики.

Молодой ученый, будущий академик изучает проблемы ирригации и освоения пустынь. Его товарищ на опытном участке выращивает новые сорта хлопка. Седобородый старик в очках, склонив голову над толстой книгой, пожелтевшей от времени, изучает древнюю рукопись. Его дочь пишет диссертацию по математике.

Русские ученые, русские книги научили узбеков овладевать высотами науки и культуры. И сердце узбекского народа переполнено любовью к старшему заботливому брату — великому русскому народу.

Октябрь открыл эпоху в истории развития узбекской литературы — одной из древнейших литератур Востока. Новое содержание привело к коренной ломке традиционных форм и приемов, к переоценке эстетических понятий. Классическая литература знала только один жанр — поэзию. Теперь в нашей литературе имеются роман, новелла, драма и т. д. Узбекская литература твердо вступила на широкий путь социалистического реализма. В книгах наших писателей находит отражение богатая событиями социалистическая действительность.

Старые народные поэты, бахши под аккомпанемент домбры и кобыза исполняют не только освященные сединой древности поэмы и легенды, но и создают вполне современные песни о героях наших дней, о счастливой жизни, о Советской Родине.

Английские и американские поджигатели войны стремятся превратить кости миллионов людей в горы золота.

Пусть попробуют!

Есть страна, показывающая всем труженикам мира пример того, как нужно организовать жизнь, основанную на принципах свободы и равенства, разума и справедливости, страна, воплотившая в себе лучшие надежды и идеалы прогрессивного человечества.

В дружественной семье народов этой страны народ Узбекистана уверенно идет к солнечным садам коммунизма.

1947 г.

[УЗБЕКСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ]

Организация Узбекского общества по распространению политических и научных знаний имеет огромное значение в развитии культуры народов нашей республики, в успешном осуществлении четвертой пятилетки восстановления и дальнейшего развития нашей страны. Советская наука — самая передовая наука в мире — она базируется на великом учении Маркса, Энгельса, Ленина. Советская наука служит народу, помогает ему правильно познать мир, строить новую, счастливую жизнь. Политический и культурный уровень узбекского народа, в недавнем прошлом отсталого народа, неизмеримо вырос. Всем известны достижения узбекского народа в области экономики, культуры, литературы и искусства. Но все это лишь первые шаги. Мы должны идти все вперед, не останавливаясь на достигнутом, завоевывать все новые и новые вершины культуры и техники.

Узбекский народ любит книги, и с каждым днем глубже понимает значение науки и техники. Он стремится к тому, чтобы по-настоящему вооружиться достижениями передовой науки. Теперь и ферганский хлопкороб и чабан из Кашка-Дарьи читают книги и сочиняют стихи и песни, требуют умных, содержательных книг. До сих пор наши ученые, писатели, а тем более издательства не сумели удовлетворить потребность, жажду широких масс в знании, в книгах. Научное общество должно прийти на помощь, систематически организовывать лекции и доклады, создавать брошюры по важнейшим отраслям знаний и обеспечить необходимый тираж.

Художественная литература является могучим фактором культуры и замечательным средством воспитания народа и молодежи. Партия поставила перед советскими

писателями почетнейшую задачу — создание произведений, воспитывающих советский народ, нашу замечательную молодежь бодрыми, смелыми, не боящимися трудностей. У писателей, конечно, самая широкая аудитория, значит, большие возможности. Художественную литературу очень любят у нас, любят миллионы читателей. Писатели, критики, журналисты, литературоведы, объединенные в научном обществе, по плану этого общества должны пропагандировать художественную литературу — лучшие произведения современной советской литературы и памятники русской и мировой классики, организовывать лекции и доклады о выдающихся произведениях советской литературы, о творчестве великих мастеров художественного слова прошлого, устраивать конференции читателей, читки и обсуждение хороших книг и т. д.

Мы уверены, что под руководством Коммунистической партии общество с честью выполнит свой высокий долг перед народом.

1948 г.

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ

Навечно вычеканены на страницах Советского закона права наших народов на равенство, на свободу, на труд и творческое развитие.

В обществе, основанном на эксплуатации человека человеком, на угнетении слабого сильным, на грабеже и сдирании семи шкур с колоний, не может быть и речи о демократических свободах. В бреде сумасшедшего больше смысла, чем в болтовне современных империалистов о свободе и демократии.

В нашей стране, стране Советов, нет народов-пасынков, есть сплоченная, крепкая, здоровая семья равных.

Народы бывших окраин царской России достигли колоссальных, невиданных успехов. От старых средневековых форм хозяйства и жизни эти народы пришли за короткий срок к победоносному строительству социалистического общества. Перед их взорами алеет утренняя заря коммунизма.

Противоположность двух эпох — дореволюционной и социалистической — во всей своей наглядности видна на примере Советского Узбекистана.

На месте старого кишлака с его бедными мазанками, с его непроходимыми улочками и переулками, с могилами «святых», с гнетом баев и чиновников, стоит новый колхозный кишлак со школами, клубами, распланированными кварталами новых домов, с высокими стройными тополями, под которыми звонко журчат светлые воды арыков, кишлак со своими музыкальными ансамблями, театральными подмостками, радио. По вечерам от колхозной гидростанции во всех уголках вспыхивают электрические звезды.

Советский строй воспитал новых людей, которых не знал раньше Узбекистан.

Замечательна молодежь нашей республики. Поразительны ее успехи в области науки, искусства, во всех отраслях производства и сельского хозяйства. Кто в Узбекистане не знает имени Героя Социалистического Труда Замиры Муталовой — мастера высокого урожая хлопка!

За годы советских пятилеток в Узбекистане создана мощная индустрия, на предприятиях, освоенных в годы Отечественной войны, трудятся тысячи замечательных рабочих-стахановцев узбеков, прекрасно овладевших современной техникой, умеющих обращаться со сложнейшими машинами.

В вузах седого Ташкента, Самарканда, в институтах древнего Хорезма десятки тысяч студентов-узбеков овладевают высотами науки. В республике насчитывается несколько десятков научно-исследовательских учреждений, где тысячи ученых разрабатывают важнейшие вопросы народного хозяйства и культуры Узбекистана.

Новые люди Узбекистана, их замечательные качества, новые отношения, создавшиеся на основе социалистического строя, находят все более верное отражение в литературе Узбекистана. Узбекский народ за годы Советской власти создал литературу, которая по своему содержанию и форме является совершенно новой и глубоко народной. Художественные произведения стали достоянием широких масс. Произведения советских поэтов и писателей ныне встречаешь в самых далеких кишлаках. Каждое новое хорошее художественное произведение любого жанра делается предметом горячего обсуждения.

Социалистический строй развивает все творческие способности человека. Во всем мы чувствуем постоянное, огромное стремление к науке, культуре. Я не однажды видел в колхозных хатах-лабораториях, с каким вниманием слушаются лекции о достижениях мичуринской науки. Мой друг, председатель колхоза Саттар Каюмов готовит и скоро защитит диссертацию на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Ученый — председатель колхоза систематически выступает с рассказами о достижениях передовой биологии и агрономии. Он учит применять на практике указания Мичу-

рина — этого великого преобразователя природы. И такие читатели, как Каюмов, культурно и политически неизмеримо выросшие, ставят перед литературой новые задачи, предъявляют к ней более высокие требования. Они все настойчивее требуют произведений, правдиво и художественно рассказывающих о замечательных людях нашей страны.

Писателями и поэтами Узбекистана за последний год создано много произведений — рассказов, песен, очерков. В нашей литературе явно ощущается стремление к реалистическому изображению героев нашего времени, правдивому воспроизведению их чувств и мыслей. Ведущие писатели Узбекистана окрепли творчески, учась у мастеров слова русской литературы. А сегодня и молодежь проходит эту замечательную школу, усваивая новые для узбекской литературы приемы художественного мастерства.

Однако наряду с большими успехами у нас имеются серьезные недостатки. Литература Узбекистана все еще отстает от бурного роста советской действительности. Произведениям узбекских писателей еще не хватает идейной глубины и художественного совершенства.

Нашему обществу свойственно непрерывное движение вперед. Литература не может отставать от этого движения. Советская литература — это мощная симфония, в которой слышится могучая поступь нашей эпохи. Советская литература Узбекистана будет достойно звучать в этой великой симфонии.

1948 г.

ЛИКОВАНИЕ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Великий Октябрь! Как много говорят эти слова сердцу каждого узбека! Узбекский народ видит в Великой Октябрьской социалистической революции, по-новому направившей его судьбы, свое освобождение от колониального и векового феодального рабства, гнета, бесправия и насилия. Великая Октябрьская социалистическая революция воплотила в жизнь тысячелетние мечты узбекского народа о свободе и счастье, о торжестве справедливости и разума. Поэтому так близок, так дорог узбекам день седьмого ноября, когда все трудящиеся Советского Союза единой братской семьей празднуют годовщину революции, обеспечившей «коренной поворот от старого, капиталистического мира к новому, социалистическому миру».

Я бесконечно счастлив, что мне, тогда еще юноше, довелось видеть самое зарождение великого праздника Октября, участвовать вместе с моим народом в праздновании первой годовщины нашей революции. Я бесконечно счастлив, что теперь мне довелось участвовать в праздновании ее 32-й годовщины.

И каждый раз, в эти истекшие 33 года, я видел, как в единой дружной семье советских народов все ярче расцветала жизнь моего родного узбекского народа, как с каждым годом он приходил к великому празднику трудящихся Советского Союза все с новыми и новыми успехами и достижениями в своем экономическом и культурном строительстве.

Вот и сегодня каждая колонна, каждая группа демонстрантов, стройными рядами проходивших по Красной площади столицы солнечного Узбекистана, мимо памятника Ленину, олицетворяла собой тот гигантский

скачок от нищеты и бесправия к яркой, счастливой жизни, который благодаря победе Октября мой родной узбекский народ совершил под руководством Коммунистической партии.

Вот площадь заполнили учащиеся школ Ташкента, ежегодно открывающих по установившейся традиции шествие демонстрантов. Разве эти школьники не олицетворяют собой культурный рост Узбекистана? Сто семьдесят школ с семнадцатью тысячами учащихся до революции, 4 665 школ и более 1 миллиона 200 тысяч учащихся теперь — таковы цифры, говорящие о росте народного образования в Узбекской ССР, превратившейся за годы советского строя из края почти поголовно неграмотного в республику сплошной грамотности. Вслед за школьниками шли студенты. Раньше в Узбекистане не было ни одного высшего учебного заведения. Теперь в Узбекской ССР 36 высших учебных заведений и более 90 техникумов. Впрочем, в рядах демонстрантов были не только теперешние воспитанники высших учебных заведений и техникумов Узбекистана, но и те, которые, закончив их в прошлые годы, образуют теперь выросшие при советском строе многотысячные ряды национальной узбекской интеллигенции — инженеры, педагоги, агрономы, врачи, деятели науки, литературы и искусства.

В нашей республике создана Академия наук, около 50 научно-исследовательских учреждений. Вместе со своим народом, интересам которого они подчиняют всю свою научную деятельность, в рядах демонстрантов шли видные узбекские ученые — известный математик, президент Академии наук Узбекской ССР, профессор Ташмухаммад Сарымсаков, талантливый узбекский химик, член Академии наук УзССР Абид Садыков, доктор технических наук, профессор Мамаджан Уразбаев, доктор биологических наук Тиша Захидов и другие узбекские ученые, своими трудами помогающие развивать народное хозяйство нашей республики на основе самой передовой в мире советской науки.

Непрерывным потоком одна колонна демонстрантов сменяла другую. Радостно шли коллективы многочисленных предприятий Ташкента. И в этом снова и снова олицетворялись те огромные преобразования, которые благодаря ленинской политике и братской помощи великого русского народа свершились в Узбекистане за 32

года, истекшие со дня Великой Октябрьской социалистической революции. Раньше все изделия промышленности Узбекистан ввозил извне; своих индустриальных предприятий в крае не было. После установления советского строя в Узбекской ССР создана мощная промышленность, и наша республика производит теперь не только для своих нужд, но и для нужд других братских республик самые сложные виды промышленной продукции.

В сегодняшней демонстрации участвовали тысячи национальных индустриальных рабочих, чьими руками создаются отличные ровничные и прядильные машины, горнорудное оборудование и оборудование для электростанций, экскаваторы и другие различные сложные станки и машины с марками заводов Узбекистана, которые можно сегодня увидеть и на Урале, и в Сибири, на Кавказе и во многих других республиках, краях и областях необъятного Советского Союза.

Всеобщее внимание привлекла колонна крупнейшего в Узбекистане завода сельскохозяйственного машиностроения имени Ворошилова. Коллектив этого завода одержал большую победу: он освоил производство высокопроизводительной машины для уборки хлопка. Эта машина, целиком сконструированная инженерами Узбекистана, свидетельствует о том, что нашей республике, прежде отсталой аграрной колонии царизма, теперь под силу решение самых сложных технических задач. Уже в этом году советские хлопкоуборочные машины начинают находить широкое применение на полях колхозов и совхозов. Они вносят полный переворот в методы уборки хлопка и намного ускоряют и облегчают эту наиболее трудоемкую и тяжелую в хлопководстве работу.

Узбекистан, страна хлопка, в дореволюционное время не имел текстильной промышленности, и весь выращиваемый хлопок для переработки вывозился в центральные области страны. В этом наглядно проявлялся однобокий, уродливый характер дореволюционной экономики колониального Узбекистана. Совсем иное теперь — за годы советской власти в нашей республике построены крупные текстильные фабрики, в том числе Ташкентский текстильный комбинат, по своей производственной мощности и технической оснащенности занимающий среди предприятий советской текстильной промышленности одно из первых мест.

На сегодняшней демонстрации ташкентские текстильщики и текстильщицы рапортовали о своих крупных успехах в борьбе за досрочное выполнение пятилетнего плана: 612 стахановцев комбината уже выполнили свои пятилетние задания и дают сейчас продукцию в счет плана 1951 года. Комбинат в целом за счет экономии сырья дал к празднику сверх плана 2 миллиона 400 тысяч метров готовой ткани и еще в июле текущего года достиг уровня производства, запланированного на 1950 год.

Во главе колонны ташкентских текстильщиков и текстильщиц шли лучшие стахановцы. Среди них—знатная ткачиха Нурия Максумова и лучшая прядильщица Турсун Ярмухамедова, выполнившие каждая свой пятилетний план за три с половиной года.

Бесконечен поток демонстрантов! Все о новых и новых достижениях свидетельствуют плакаты, которые они несут. Вот колонна электриков. При царизме даже обыкновенная керосиновая лампа во многих районах республики была редкостью и население пользовалось примитивными масляными светильниками. Теперь в Узбекистане создана сеть крупных государственных гидроэлектростанций, среди которых гордость узбекского народа — Фархадская гидроэлектростанция — самая мощная на Советском Востоке. Электричество прочно вошло в быт населения не только городов, но и сел. Насчитывается 420 колхозных гидроэлектростанций и пуск еще 16 был приурочен к празднику. Коллектив Ташкентского электротехнического завода рапортовал на демонстрации, что к 32-й годовщине Октября он закончил выполнение своей годовой программы.

О досрочном выполнении планов четвертого года послевоенного пятилетнего плана рапортовали на демонстрации коллективы и многих других предприятий Ташкента.

Ярко, красочно были оформлены колонны демонстрантов. На многих плакатах были начертаны слова приветствия народам стран новой демократии, вместе с народами Советского Союза, несокрушимого оплота мира во всем мире, борющихся против происков поджигателей новой войны, возглавляемых американскими монополистами. Участники демонстрации с радостью узнали, что среди присутствующих на трибунах нахо-

дится гостящая сейчас в Узбекистане делегация чехословацких крестьян. Школьники, участники демонстрации преподнесли членам делегации цветы.

Несколько часов Красная площадь была заполнена полыхающим морем красных знамен. Ликующие демонстранты несли портреты руководителей Коммунистической партии, Советского правительства, с которыми советские народы пришли к 32-й годовщине Октября. Демонстранты в своих песнях и возгласах выражали чувства бесконечной любви и благодарности.

1949 г.

К ВЕРШИНАМ ТВОРЧЕСТВА

Истекший год для нашей любимой Отчизны был годом великих побед на хозяйственном и культурном фронте.

И в советской литературе Узбекистана произошли весьма серьезные творческие сдвиги. Писатели Узбекистана создали большие произведения поэзии, драматургии и прозы на современные темы. Особенно радует появление крупных полотен художественной прозы. Трудовые подвиги советских людей являются неиссякаемым источником творческого вдохновения.

В 1949 году я закончил новый роман — «Ветер золотой долины». В нем рассказывается о расцвете социалистического кишлака и о героических делах славных хлопкоробов нашей республики. Но мы, советские писатели, еще в большом долгу перед нашим другом — советским читателем.

Наступающий год — год новых, грандиозных успехов и достижений советского народа на подступах к коммунизму — ставит перед советскими писателями большие творческие задачи.

Недавно я в составе делегации советских писателей посетил Пакистан. Хочу написать книжку, в которой расскажу нашим читателям о своих впечатлениях.

К новым вершинам творчества, мои друзья по перу!

1950 г.

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ

Социализм преобразил лицо узбекской земли, обильно политой потом и кровью народных масс. Этот некогда нищий и темный край, разоренный кучкой помещиков и капиталистов, благодаря мудрой ленинской национальной политике ныне превратился в цветущую республику, которую советские люди гордо называют маяком социализма на Востоке.

Советский строй открыл узбекскому народу, как и всем братским народам страны Советов, путь к вершинам славы и счастья, создал благоприятные условия для невиданного развития творческих сил. Огромны достижения узбекского народа, величественны перспективы его развития.

Недавно я проехал по Голодной степи. Тысячелетиями лежала она в своем тоскливом наряде из колючек. Вода преобразила пейзажи Голодной степи. Над просторами зеленых полей слышатся песни радости. Весело глядят на путника новые кишлаки, окруженные стройными рядами деревьев.

Узбекские колхозники с изумительным упорством и настойчивостью отвоевывают у степи все новые и новые просторы, покрывая землю цветами хлопчатника, садами и огородами. И земля щедро вознаграждает их за честный самоотверженный труд. Узбекский народ, как и все народы Советского Востока, в своем развитии оставил далеко позади себя народы Индии, Ирана, Турции и арабских стран.

Взять, к примеру, Турцию. Правящая клика этой страны, бессовестно грабя народные массы Турции, довела их до неслыханной нищеты. Книга турецкого учителя Махмута Макала, как в зеркале, отражает ужаса-

ющее положение крестьян Турции. А ведь крестьяне составляют подавляющее большинство населения этой страны.

Мне пришлось посетить Пакистан. В этой стране, где и ныне хозяйничают английские империалисты, разорение народных масс достигло немыслимых пределов. Нищету пакистанских крестьян, бедствия и страдания рабочих трудно описать. Живущие в шалашах и нищенских хижинах пакистанские крестьяне-издольщики вынуждены отдавать паукам-помещикам до 70 процентов урожая, выращенного под жгучими лучами солнца в каторжном труде.

Лачуги-кибитки, в которых ютятся рабочие со своими семьями, не отвечают самым элементарным требованиям человеческого жилья. В общежитии рабочих парашютной фабрики в Лахоре в закопченном, темном и грязном строении без окон и пола живут 250 человек, отгородившись друг от друга ветхим тряпьем. Тут и женщины, и дети, больные и здоровые. Нельзя было без слез смотреть на страдания этих изможденных людей, обреченных капиталистами на ужасающую нищету.

Английские «цивилизаторы» глухой стеной отделили пакистанский народ, обогативший мировую культуру многими выдающимися произведениями, от школ и просвещения. Число неграмотных в Пакистане достигло чудовищных размеров. В деревне, расположенной в окрестностях Карачи, нам сказали, что из этой деревни только два мальчика ходят в начальную религиозную школу. Я был очевидцем того, как народные массы Пакистана горячо протестовали против войны, проклинали тех, кто стремится нажить золотые горы на слезах и крови народов. Трудящиеся Лахора и Карачи на своих многолюдных митингах с гневом разоблачали поджигателей новой войны американских империалистов, которые сегодня ведут позорную и преступную войну на территории Кореи. Вместе с тем трудящиеся Пакистана выражали свою любовь и благодарность нашей великой Родине — надежному оплоту мира, свободы и справедливости. Советский народ, руководимый великой партией коммунистов, оправдает доверие и надежды трудящихся всего мира.

16 октября в Москве открывается Вторая Всесоюзная конференция сторонников мира. Советские люди

встречают эту конференцию новыми победами во всех областях творческого труда. Могуч патриотический подъем нашего народа. Рекой радости распространилась по всей необъятной советской стране весть о гигантских стройках коммунизма на Волге, Днепре и Аму-Дарье. Программа строительства величественных гидроэлектростанций открывает перед советским народом перспективу освоения безжизненных пустынь и преобразования природы в масштабах, которых не знала история.

В борьбе за мир и прогресс советский народ демонстрирует свое единство и сплоченность, свою непоколебимую уверенность в то, что силы мира одолеют силы зла.

Мир победит войну!

1950 г.

ГЛАЗАМИ ДРУГА

Вдруг обрывается пыльная, кишашая кочевниками дорога Афганистана. Машина наша въехала в ворота Индии. Мы уже находились на пороге знаменитого Хайбарского перевала. Мои глаза беспокойно бегали по лазурному небу, по горам и скалам, выражая волнение моего сердца. Я не мог не волноваться — в моем сознании раскрывались страницы далекого прошлого моего народа. Ведь по этой земле вихрем пронесся непокорный Джалалиддин, преследуемый полчищами Чингиза, неустанно сражаясь с ними за блеск своей поруганной короны, за честь далекого Самарканда и Хорезма, и перескочив на горячем коне через потоки Синда, грозно поднял свой меч на надменного врага, одинокий, но гордый. Ведь через этот порог вступил в сказочные долины Индии хромой полководец, гроза стран и народов половины мира во главе своих несметных войск. Я даже с улыбкой вспомнил известный анекдот, дошедший до нас сквозь бури веков. Тимур во время похода остановился в одном индийском городке. Повелителю сообщают о том, что этот городок знаменит своими музыкантами. После кровавого боя и грабежа ему захотелось усладить душу пленительными звуками. К Тимуру приводят лучшего музыканта, но музыкант был слепой. Тимур спрашивает его имя. Музыкант говорит, что его зовут Бахт — счастье. Великий завоеватель поражен ответом. «Как, — говорит он, — неужели счастье слепое?». «Да, — невозмутимо твердит музыкант, — если бы счастье не было слепым, то оно не село бы на голову хромого!»

За моим легендарным прадедом из Самарканда шел сюда Бабур — полководец и поэт, в надежде утвердить свою власть в этой древней, мудрой, богатейшей стране.

С детских лет я храню любовь к поэзии Хусрава Дехлеви и Бедиля — выходцев из Средней Азии, творивших свои чудесные газели и поэмы на прекрасной земле. В моей памяти звенели золотые строки родного Алишера Навои, я живо представлял многих героев и героинь его бессмертных произведений, которых вдохновенный поэт в своем воображении водил по вечнозеленым садам, бесконечным просторам Индии. Но все это — история. Деяния моих предков, даль далей, некоторые страницы всегда будут меня пленять своим величием и красотой. А некоторые будут тлеть и исчезнут, как призраки, от дыхания времени.

Итак, вот я стою у «рта» Хайбара — человек совершенно другой эпохи, гордый и счастливый, больше всего, сильнее всего не прошлым, а настоящим. Я из Ташкента, столицы Советского Узбекистана. Узбекская земля как звезда в созвездии составляет одну из жемчужин моей великой Родины — СССР. Эту Родину создал великий гений человечества — Ленин. Четыре буквы, солнцем сияющие на весь мир, — это жизнь и счастье, свобода и разум! Я из страны, где сбылись идеалы и чаяния лучших людей, светлых умов человечества, из страны нового, высшего гуманизма, которая непоколебимо стоит на страже мира, дружбы, демократии и прогресса.

Такую родину любишь всей любовью своего сердца, при одном лишь ее имени душа от радости устремляется к вершинам солнца. Ведь она, моя Советская Родина воспитала меня, сына угнетенного, оскорбленного, разоренного, обескровленного ханами, беками, феодалами, капиталистами, царскими сатрапами народа, который чуть не забыл даже свое имя, народа, стонавшего под ярмом жесточайшей эксплуатации, лишенного самых элементарных прав и искры знаний и просвещения. Сегодня этот мой народ, его сыны и дочери, расправив на весь мир свои могучие крылья, охваченные творческим духом строителей коммунизма, смело и уверенно идут к новым, сияющим вершинам жизни и счастья. Мой народ имеет свои дворцы культуры, театры, академии, университеты, он на своих заводах строит тракторы и самолеты, искусно варит в могучих домнах высококачественную сталь, на чудесных станках своих фабрик ткачи и ткачихи Узбекистана ткут на радость людям

материи, шелк и бумажную ткань, переливающиеся красками цветов. Узбекский народ, испокон веков мечтавший о воде, построил величественные каналы, которые несут свои живительные волны в целые долины богатых хлопковых полей, в цветущие сады и виноградники...

Нас, делегацию советских писателей, вежливо провожает чиновник пакистанской заставы — бородатый старик с пышной чалмой, предварительно угостив густым черным чаем, разговорами о поэзии древнего Гафиза и не так давно умершего Икбала, поэта Пакистана. Машины с красными флажками мчатся по бетонированной спирали врезающейся в ущелья дороги английских стратегов — хозяев страны. Солнце высекает брызги огненных красок на скалах Хайбара, скользит по рельсам, бегущим из туннеля в туннель военной железной дороги. Среди гор и утесов противотанковые сооружения кажутся жалкими крысиными зубами. Бросаются в глаза крепкие глыбы зданий казарм, мелькают редкие глинобитные лачуги пакистанцев. Видно, что английский империализм заботливо охраняет подступы к редкостной сокровищнице своей империи. То там, то тут пестрят квадратики мемориальных плит, вбитых в громады камней; это — в память солдатам, погибшим в сражениях со свободолюбивыми азиатами — от благодарной своры хищников. Да, в этих местах, как по всей Индии, рекой лилась кровь миллионов невинных людей. Их вина в том лишь, что они не хотели быть рабами. Они ненавидели владычество господ колонизаторов. Им не нужен мрамор с надписями. Их светлый образ в сердце народа. Их помнит история. Конечно, вся эта система дорог, огневых точек и других сооружений не только против племен, кочевников...

Выезжаем из объятий гор и скал, перед нашими глазами открывается грандиозная панорама Пешавурской долины. Дорога теперь люднее и живее. Вскоре город Пешавур встречает нас звонкими бубенчиками «тонго», толпами детей — худых, обескровленных, грязных, полуголых или в лохмотьях, просящих своими высохшими ручонками «бахшиш», веселым гомоном разноцветных, разнокалиберных птиц, порхающих над зелеными шатрами громадных деревьев. Недаром поэт Николай Тихонов с горечью сказал: «В Пакистане пти-

цам живется лучше, чем людям». И это сушая правда. В самом деле так. От первых впечатлений сердцу больно. Таково положение там, где хозяин судьбы народа — золотой мешок, где жизнь в безжалостных когтях хищников империализма. Но это не все, мы только сейчас увидели кусочек кровоточащей раны на теле огромной страны, которая входит в «Содружество наций» английской империи.

...На другой день утром мы покинули Пешавур. Мы торопились, нам необходимо было скорее попасть в Лахор, чтобы принять участие в работе конгресса прогрессивных писателей Пакистана. Дорога Пешавур — Лахор хорошая. Хозяева страны строят дороги, конечно, не для удобства населения. Местный человек пусть ходит по шею в грязи, в туче пыли. Но соображения торговли, вывоза сырья из глубин, искусство делать деньги из человеческой крови и другие моменты эксплуатации богатств колонии не терпят проблемы бездорожья. Если пахнет деньгами или иными подземными, надземными богатствами, то капиталисты, колонизаторы и в самый ад вымостят асфальт. Англичане построили эти дороги для разбоя, грабежа, для лучшей долговечной эксплуатации страны и ее народа. Конечно, дорога стоила немалых сумм. Но это уже не касается хозяев. Они не такие уж наивные люди, чтобы из кармана на дорогу бросать фунты или шиллинги. Господа «благоустроители» прокладывали пути-дороги из кармана этого же народа, на деньги колониальных рабов, добытые ими потом и кровью. Это как дважды два — четыре. Какие доказательства? Должен признаться, что я не дорожник, не экономист, я писатель, еду на конгресс литераторов, и чтобы не скучать, через стекло нашей машины смотрю на окружающее и только. Однако грабительскую, колониальную политику британцев показывают мне картины неприглядной действительности, так что глаза мои от испуга готовы выскочить из орбит. От первых впечатлений от страны, о роскошном богатстве которой на протяжении веков народы, поэты, путешественники сочиняли сказки и легенды, сердце мое обливается кровью. Мне все труднее и больше смотреть на моего брата, на человека этой страны. Какая роковая, злая сила осудила его и ввергла в пучину страданий? По всему облику он, как последний нищий, изможден, голоден, в лох-

мотях сказочной нищеты и безмерно унижен. Вот старики, высохшие, в тигле своей кошмарной жизни, двигаются еле-еле, готовые упасть навзничь от тяжести чалмы; молодые на своих тонких ногах бредут за ослами, худые, унылые, оборванные женщины в саване («парды»), оскорбительном для достоинства человека, несут на своих головах огромные связки каких-то дров; дети бледные, грязные, полуголые, старательно собирают навоз, смешанный с дорожной пылью и это вонючее добро в мешке или корзине тоже кладут на курчавые свои головки — на вместилище песен, сказок и знаний, на сокровищницу человеческого гения. О, безобразное, навозной пылью покрытое детство! Нельзя смотреть на все это с малейшим терпением и спокойствием, хоть сердце твое трижды каменное. Но английский империализм — это чудовище, этот бич и коварный умертвитель дьявольски хладнокровно продолжает свое черное дело. Непрерывно всасывает кровь народных масс, обрекая их на мучительную голодную смерть.

Наматываем на колеса нескончаемые ленты, покрытые обильной солнечной пылью дороги. Мчатся поля. Засеянные джугарой, джутом, рисом, сахарным тростником, овощами, мелькают деревни, грохочут мосты, вспыхивают зеркала рек и каналов. Но везде и всюду картина та же — зияющая нищета народных масс. Все говорит о том, что большинство людей этой страны систематически недоедает, а голод частый спутник в их жизненном пути. По облику многих можно догадаться, что голодные матери не могли их досыта кормить своим молоком, когда они еще лежали в люльках и тянули свои губки к соскам...

Вот еще одна деталь, от которой волосы становятся дыбом — в довольно населенном пункте шел человек, в чем мать его родила! Ей богу, не поверил бы, если бы мне не суждено было ездить по этой несчастной дороге. Человек не может быть равнодушным к стыду, если он не дошел еще до предела отчаяния. Смотрите и любуйтесь, леди и джентельмены, воспитанные в стиле высоких традиций и целомудрия.

По дороге в Лахор поражала густота кладбищ, открывающихся то справа, то слева. Неужели у обитателей этих краев есть обычай хоронить мертвецов вдоль дорог, в надежде на даровые молитвы путников — не-

вольно возникает вопрос. Оказывается, никакого такого обычая нет. А просто смерть тут работает интенсивно, ее коса беспощадна и косит миллионы и миллионы жизней преждевременно. Потому, что люди живут плохо, в условиях полуголодного существования. Вспомним одну роковую цифру — средняя продолжительность жизни в этой стране равна двадцати трем—двадцати четырем годам. Таким образом, огромное большинство людей в этих краях уходит в мир иной совсем молодыми, а седеют немногие баловни судьбы. Но зато предприимчивые англичане открыли секрет, как украсть жизнь у других. Дьявольская мудрость — удлинить свою жизнь, прибавив ей солидный отрезок чужой жизни. Ведь общеизвестно, что по последним данным средняя продолжительность жизни в Англии 60—61 год! Изнурительный труд на чужих, жестокий голод режут жизнь колониальных рабов в самом начале, за счет их крови хозяева своей туманной страны живут до правнуков!

Островки усопших чередуются с островками пока еще живых — деревнями. Но и здесь нет ничего, что радовало бы хоть на миг глаз путешественника, напоминая хотя бы отдаленно, смутно об уюте человеческого жилья. Типичный вид деревни — это нагромождения кривых, низких, ветхих кибиток, дувалов из глины, лачуг без куска стекла и железа или разбросанные в беспорядке первобытные шалаши. Крестьянин-кормилец гол и голоден, он разорен, обнищал до немыслимого предела. Это не следствие недорода, неурожая или какого-нибудь стихийного бедствия, а прямой неизбежный результат хозяйничания английских колонизаторов на протяжении сотен лет. Безжалостная эксплуатация, прямой грабеж, всевозможные налоги, повинности, коварная сеть торговых и финансовых махинаций английских капиталистов привели этих древних искусных, трудолюбивых земледельцев, создавших в минувшие времена славу и легендарные богатства своей необъятной страны, к жалким лачугам людей каменного века. Вот они тощие, смуглые, хмурые старательно работают на чужих полях, одни убирают, другие пашут амачом, запряженным буйволами. Амач — орудие «праотца Адама», его просто дико видеть на поле в действии в наш век чудесных сельхозмашин — тракторов, электротракторов, комбайнов и т. д. Но пакистанский крестья-

янин еще во сне даже не видел их. Здесь безраздельно господствуют допотопные орудия, ничего мало-мальски напоминающего какую-либо сельхозмашину. Даже бесхитростного плуга не увидите на здешних полях. Как же это так, ведь Великобритания издавна считалась «мастерской мира»? Почему же господа от этой пресловутой «мастерской», с пеной у рта разглагольствующие «о цивилизаторской миссии» в отсталых странах, терпят деревяшку адамовского амача? На деле английские империалисты действуют в колониях согласно известной на Востоке поговорке: «Пусть даже жалкая коза, лишь бы дала молока». Зачем им, опытейшим эксплуататорам, машины, требующие ремонта, ухода и иных затрат, когда налицо такой источник «молока», как колониальный раб. Они знают, как выжимать его силы, его кровь. Империалистам и местным хищникам — заминдарам нечего заботиться о каких-то химических удобрениях. Крестьянин своим потом удобряет истощенную землю. Если он под тяжестью непосильного труда «протянет ноги», ну что ж, будет «кормом» для голодной земли. Так рассуждают, так думают английские империалисты в большой «жемчужине» своей империи. Нет ничего более тяжкого и преступного, чем злодеяния англичан на этой земле, в стране, которая теперь называется Пакистаном. Здесь все говорит о господстве тупых, жадных, потерявших всякий человеческий облик, коварных, безжалостных варваров. Едем непрерывно навстречу новым и новым картинам действительности, одна отвратительней другой — одни и те же язвы капитализма, палаческой империалистической политики белых господ. Среди нищих деревень, грязных населенных пунктов, на фоне всеобщего опустошения нередко возвышаются роскошные дома, дворцы, виллы, утопающие в зелени стройных пальм, в разноцветном живом огне роз и цветов. В них живут английские богачи, чиновники и их прислужники — заминдары. Больше не хочется смотреть на могильную унылость деревень, на бесстыдную роскошь дворцов и вилл. Душно, тесно в груди. В машине, легко покачиваясь, мы, русские, узбек и таджик, поем:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.

Сразу стало легко, радостно, словно душа поднялась к солнцу.

Ночной Лахор встречает нас тусклыми, синеватыми огнями, невероятным шумом своего базара. Звенящие караваны верблюдов, целые стада нагруженных ослов, блестящие легкие «тонго», регулировщики с видом героев из «Тысячи и одной ночи», красочные толпы людей, снежные комья чалм, вихри из сине-черных волос, голые спины, лохмотья и тряпки одежд, разноцветные переливы шелка, призраки женских фигур в «парде», кальяны, полумесяцы флажков — все в водовороте буйного движения...

* * *

Наша делегация опоздала на конгресс. Как рассказывали друзья, конгресс прошел довольно оживленно и даже не без инцидента. Прогрессивные писатели обсуждали насущные вопросы литературы и культуры. Прогрессивные писатели Пакистана, ставящие перед литературой жизненные вопросы и стремящиеся в своих произведениях выразить надежды и чаяния широких народных масс, естественно не могли ограничиться чисто литературными, творческими проблемами. Нет литературы, оторванной от социальной, политической жизни страны. Некоторые ораторы в своих речах касались некоторых сторон социальной, политической жизни страны и стремились ответить на злободневные вопросы. Все это возвысило значение конгресса, придавая его работе большое содержание. Как раз эти вопросы имели большое значение для дальнейшего культурного и политического развития молодой страны. Но как вороны не хотят слышать о весне, так и американским реакционерам страшны слова о народных делах, о свободе и прогрессе. Конгресс прогрессивных писателей Пакистана лишил покоя и сна американского консула в городе Лахоре. Однако, какое же его дело — могут спросить иные. Дело в том, что американский империализм считает себя почти хозяином страны нового полумесяца и видит его, как многие другие страны, в черной орбите своей грязной политики, далеко идущих авантюристических планов. Поэтому консул США в Лахоре ведет себя отвратительно, нагло сует во все дела свое рыло,

пускает угрозы, везде раздувает зловоние реакции и т. д. Народные массы ненавидят этого болвана, как и его английских друзей. Конгресс, собравший лучших сыновей Пакистана, взбесил этого прилежного воспитанника Уолл-стрита. Сам он идет на собрание литераторов, стоя в углу, за кулисами, подслушивает, как истый «вор слов», выступления ораторов. О, ужас! Сыны смиренных мусульман Пакистана, этих потомственных рабов капитала, поднимают голос, говорят о прогрессе и демократии, о народной литературе и о каком-то свободном стихе. Не это ли пропаганда коммунизма?! Консул, переполненный ядом бешеной злобы, бежит к себе, тут же поднимает группу отъявленных хулиганов и предателей и жестом маньяка велит банде «разогнать конгресс!» Наймиты, вооружившись палками, направляются разгромить прогрессивные силы. Консул, довольный своей решительной мерой, достойной чести своей черносотенной страны, с нетерпением ждет победных вестей. В своем дымном воображении он уже начинает видеть разможенные черепа поэтов.

Но, увы, времена иные. Народы капиталистического, колониального Востока познали лучезарный смысл слова. Они дышат великими освободительными идеалами нашей эры, они охвачены могучим движением демократии и прогресса. Сыны этого Востока, пакистанские рабочие и писатели, достойно встретили зарвавшихся бандитов. Не выдержав удара, наносимого борцами правды и свободы, трусливо разбежались черные псы американского империализма. Так свет победил тьму. А господин консул, организатор сего «инцидента», еще раз опозорил себя и своих «высоких» хозяев в глазах народа.

Конгресс прогрессивных писателей Пакистана плодотворно работал, успешно завершил свою работу.

Состоялась первая встреча советской делегации с прогрессивными писателями Пакистана — участниками конгресса. Ассоциация прогрессивных писателей никакого своего помещения не имеет. Прогрессивные писатели также не имеют ни своей газеты, ни типографии, ни издательства, ни бумаги. Конечно, все это есть, но все это принадлежит здесь капиталу. Для прогрессивных деятелей страны капитал хуже всякой мачехи —

он из реки и капельку не даёт — жалеет. Ну что ж, поговорить можно и под синим небом.

Нашелся такой уголок перед небольшим кафе. Встреча была исключительно теплая, дружеская, душевная. Слова, с которыми прогрессивные писатели Пакистана обратились к нашей великой стране социализма, советскому народу, были словами глубокой сердечности и любви. Вдруг стало ясно, что мы все на самом деле старые друзья, временно разлученные обстоятельствами, но в мыслях, мечтах своих устремленные друг к другу и наяву, и во сне.

Присутствовало на этом собрании много писателей, почти из всех областей Пакистана. Среди них было несколько стариков и только одна женщина, молодая без «парды». В Пакистане религия запрещает женщинам присутствовать в мужском собрании и вообще принимать какое-либо участие в общественной, культурной жизни. Они совершенно бесправны. Эта поэтесса одна из первых ласточек, вырвавшихся из железной сети шариата. Старики в скромных чалмах, в одежде из домотканой материи с живым интересом слушали речи, вежливо аплодировали. Они из далеких деревень. Крестьянские поэты неграмотные, но в своих вдохновенных песнях они воспевают тяжелую долю крестьянства поработанной страны. Старик, улыбаясь во всю седую бороду, берет из моей коробки одну папиросу, любовно смотрит на нее, осторожно прячет ее в складки своей старой чалмы и объясняет мне: «Ведь это же из Советской страны, возьму ее в деревню, покажу своим землякам — они будут очень рады видеть это...»

Его примеру следуют другие, тоже не для дыма, а чтобы показать своим землякам что-нибудь советское и обрадовать их. Все это было очень трогательно. Один из видных поэтов Пакистана, сидевший напротив меня, сказал в подтверждение: «Раньше для нас, мусульман, священным было то, что «ходжи» привозили из Мекки. А теперь для нас священным является все, что из Москвы».

Но вот один за другим выступают со своими стихами прогрессивные поэты Пакистана на языке урду. Здесь стихи слушают всем сердцем, горячо. Движением голов и рук, выкриками, восклицаниями слушатели выражают свое восхищение, одобрение, поддакивают,

вдохновляют поэта. Хорошие, сильные стихи щедро осыпают словами одобрения. Сейчас читались именно сильные, затрагивающие раны сердца, стихи. Это были произведения не на религиозно-мистические мотивы и не газели о тоске и разлуке по «розовотелой», «луноликой» возлюбленной и не песни о розе и соловье. Такая поэзия и ныне есть в Пакистане. Но здесь выступало новое поколение, певцы, которым выпала честь впервые петь о правде жизни, открыть глаза своему многострадальному народу. Они прекрасно понимают, что «касыды» о пророке нужны муллам, поэзией о «розовотелых» красавицах пусть наслаждаются заминдары вдобавок к своим гаремам. А угнетенным, бесправным миллионам нужны слова, призывающие к борьбе за настоящую жизнь, достойную человека. В словах некоторых песен можно как в эхе уловить дыхание могучей поэзии Владимира Маяковского.

Очень интересно было выступление поэтов-рабочих. Поднимаются пять рослых парней, кладут на плечи друг другу свои руки. Все они босые, вместо чалмы у них курчавые волосы, это — поэты от станка, все хором поют песню, поют громко, раскатисто. Уже от первых слов песни народ приходит в движение, дружно смеется, хохочет от души. Эта песня всем нравится, среди народных масс она пользуется шумным успехом.

* * *

...Мы целую неделю провели в Лахоре. Это довольно большой город с миллионным населением. В нем есть широкие прямые улицы, покрытые асфальтом, горят парки в золотом воздухе зеленым огнем своих величественных деревьев, уходят в даль курчавые стены аллей из живых цветов. Но в их пленительном лоне пустынно. Народ думает о куске хлеба, он целиком поглощен кошмаром нужды. Только безнадежность и отчаяние гонят людей под тень изумительных деревьев. Вот они: одни лежат, обнимая траву, другие, сидя на корточках, дремлют, чтобы хоть чуть успокоить грызущий желудок голод. Бродяги и безработные, расположившись вдоль тротуаров, играют в карты, чтобы убить время и угнетающую томительную скуку. Скользят по асфальту машины англичан в пробковых шапках, купцов и замин-

даров в белоснежных пышных чалмах, летят блестящие, легкие «тонго», мерно качая своих франтоватых пассажиров. Выплывают из-под зеленых шатров караваны верблюдов с переливающимся мирным звоном. Верблюды оставляют в городе свои «орешки». Женщины и дети собирают их тут же, не оставляя от них и следа.

Торговые улицы Лахора шумят традиционным гулом восточного базара. Магазины и лавочки полны всяким чужеземным хламом. Пакистан не имеет своей промышленности. В этом вся соль колониальной, неслыханно грабительской политики англичан. Эта богатейшая по своим ресурсам и возможностям страна была в течение сотен лет поистине гигантской базой сырья для английской промышленности и рынком сбыта готовых изделий. Мастера грабежа так приспособили экономику этой страны, чтобы весь сок, весь жир ее ушел на потребу их ненасытного к наживе аппетита. Англичане вывозили и вывозят отсюда горы сырья с тем, чтобы, изменив их формы, втридорога продать на базарах Индии. От такой жульнической политики сам шайтан сгорел бы в огне стыда. В наш век индустриального размаха, стального гула и грохота, пакистанский пейзаж тих в своей средневековой дремоте. На сотни миль в этих краях перед вашим взором не вырисовывается ни одной заводской трубы. Английские колонизаторы лишили Пакистан индустрии. Десятки мелких карликовых предприятий и мастерских — это пустышки для страны с семидесятимиллионным населением. Пакистан — архаггарная страна. Построив у себя дома гигантскую индустрию, английский капитал крепко привязал народ своих колоний к сохе.

На лахорском базаре торгуют чужими и чуждыми для большинства товарами: духами, пудрой, галстуками, авторучками, шелками и панбархатом. Эти товары предлагают купить голытьбе, словно слепому очки. Крестьянин редко ходит на базар. Он не в состоянии купить нужных ему вещей. Батраки, издольщики, работающие на заминдара, на господ с далеких островов, вынуждены сократить свои расходы до такого минимума, что дальше уже смерть решает вопрос — быть или не быть. Предлагают купить игрушки, но кому? Дети бедняков — мальчики и девочки разных возрастов целыми стаями ходят вдоль торговых рядов по

улицам и переулкам этого города, по всей стране, беспрерывно твердя одно единственное слово «бахшиш!» Английский капитал, лорды и джентельмены безжалостно растоптали, погубили их детство. В будущем, когда наступит счастливое время, а оно наступит, историю нельзя повернуть вспять — дети этой страны забудут слово «бахшиш», а филологи вычеркнут его из всех словарей, как нечто унижительное для национальной чести, должны зачеркнуть это слово как символ, олицетворяющий темную эпоху господства английской буржуазии.

В Лахоре томительно скучно. Народ не поет, очень редко слышишь обрывки плачущей музыки. В Лахоре нет театра. Страна Шекспира за двести лет своего господства здесь не привила не только хотя бы понятие о театре, но загубила прекрасное искусство народа, столь развитое когда-то. Некоторые шедевры этого искусства, миниатюры неповторимой красоты и прелести, созданные талантливыми мастерами прошлого, мы видели в небольшом музее Лахора. Когда мы вышли из музея, который здесь называют «Домом чудес», нас пригласили заглянуть в соседнее здание — в художественную школу. Нас поразило «искусство», культивируемое в этой школе. Мальчики, юноши в мастерской старательно копировали разные рекламные безвкусицы из английских и американских журналов. Вот чему учат несчастных потомков великих мастеров! Но и такое копирование реклам, именуемое здесь «искусством», доступно отдельным счастливым. Родители учеников за это ремесло, как за всякий вид учебы, должны пойти на довольно серьезные ежемесячные материальные жертвы. Иначе нельзя, их сыновей не пустят на порог школы, тут никакие мольбы не помогут. Кстати, несколько слов о школе и просвещении в Пакистане. Нечего говорить об их значении для жизни и культуры народа. В Англии грамотность давно уже не проблема. Эта страна прославилась своими университетами, библиотеками, Королевским обществом и другими научными учреждениями. В иных странах мира существуют специальные школы для глухонемых. Но англичане воздвигли в Индии целые Гималаи между просвещением и народными массами. Что же, лошади отлично работают и в темноте! Ин-

дийский пахарь и без грамоты тянет свое ярмо. Даже так лучше. В буквах заложены основы знания. А знания заставляют думать. Бойся раба думающего! Чем темнее, невежественнее голова, тем легче одурачить ее, управлять ею. Этими соображениями, испытанными, проверенными на опыте всех тиранов и грабителей, англичане последовательно руководствовались в Индии. И, таким образом, эти просвященные варвары довели народы, обогатившие в прошлом мировую культуру гениальными творениями философской и научной мысли, до интеллектуального одичания. Сейчас в Пакистане неграмотность составляет чудовищную цифру — 95—96%. Значит, просвещением в стране охвачена совершенно незначительная прослойка. Это, естественно, богачи, представители имущих классов, т. е. по существу к просвещению приобщена антинародная сила, верно служившая своим британским друзьям.

Я еще вчера вспомнил слова наблюдательнейшего Бабура, который в своих заключительных записках писал о некоторых особенностях этой земли: «Индия своеобразная страна, если ее сравнить с нашей страной, то она, Индия,— совершенно своеобразный мир. Ее горы и реки, леса и степи, уезды и вилаяты, животные и растения, народы и языки, дожди и ветры — все своеобразно, не похоже на наше...»

Но вот я смотрю вокруг и вижу, что своеобразие этой страны теперь не в этом, не в характере вождей, языков и т. д.

1950 г.

НАРОДЫ КОЛОНИАЛЬНОГО ВОСТОКА БОРЮТСЯ ЗА МИР

Во всем мире непрерывно растут и крепнут ряды сторонников и защитников мира. Движение борцов за мир все шире охватывает народные массы во всех частях света. Простые люди, труженики, все честные, порядочные люди интеллектуального, творческого труда не хотят войны, которую в своих черных целях всячески пытается поджигать кучка капиталистов, привыкших делать миллиарды золота из крови народов. Но им больше не удастся снова бросить народ в потоки крови, в пучину бедствий и страданий. Скорее всего поджигатели превратятся в пепел в огне гнева народных масс, не желающих даже слышать о новых кровопролитиях, планируемых авантюристами от политики империализма, реакционерами всех мастей.

Движение защитников мира неодолимо. Ибо это движение возглавляет своим высоким моральным авторитетом Советский Союз — оплот свободы, демократии и прогресса. Народы страны победившего социализма полны решимости до конца отстаивать дело мира во всем мире. Поэтому во всех странах все люди труда, все борцы свободы, демократии и прогресса так глубоко любят нашу Советскую Родину, в ней видят воплощение всего лучшего, всего прекрасного и светлого, видят в ней замечательное воплощение в жизнь своих заветных желаний, чаяний и лучших надежд.

МОИ ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

Узбекская поэзия имеет большую многовековую традицию, но реалистическая проза на узбекском языке сложилась лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда наш народ сломал рамки национальной ограниченности и вошел как равный брат в счастливую семью советских народов.

Изучая богатейший творческий опыт великой русской литературы, наши писатели начали работу над реалистической прозой, чтобы осмыслить и показать путь, пройденный узбекским народом от темных времен средневековья к светлой, полной радостного труда жизни Советского Узбекистана.

Вместе с моими товарищами я начал писать прозу еще в начале своей литературной деятельности.

Помня старый, дореволюционный быт нашей страны, я хотел показать борьбу трудящихся моей Родины со своими угнетателями, поэтому свой первый роман «Священная кровь» я посвятил революционным событиям 1916 года.

Меня также глубоко интересовало далекое прошлое моей родной страны, когда складывалась узбекская национальная культура, узбекский литературный язык. Этой теме посвящен мой роман «Навои».

Но прежде всего меня интересует современная жизнь нашего народа, те сложные процессы, которые формируют характеры новых, советских людей. Этот рост людей виден повсюду, в любой области — в промышленности и в науке, в колхозах и на заводах, в труде и в быту.

Чтобы показать образы новых людей, нужны новые творческие методы, новые слова, новые краски. В течение ряда лет я собирал материал для романа о славных хлопкоробах нашей страны. Я стремился

показать, как повседневная забота партии о советских людях помогает им добиваться выдающихся успехов в труде, как этот вдохновенный труд растит людей, воспитывает в них коммунистическое сознание. Я хотел показать благородную, бескорыстную дружбу великого русского народа с узбекским народом, дружбу узбеков и русских, с которыми бок о бок мы сражались в годы войны и теперь вместе строим наше светлое будущее.

Я написал роман о ферганских колхозниках — «Ветер золотой долины». Не все мне удалось там написать так, как хотелось бы. Роман этот уже вышел и на узбекском и на русском языках, но я продолжаю над ним работать и надеюсь во втором издании многое показать лучше и полнее.

Одновременно я работаю над новым романом, который был задуман во время моей поездки по Пакистану.

Я увидел нищету и бесправие талантливого, трудолюбивого народа, живущего на богатейшей, плодороднейшей земле, которая дает по три урожая в год. Но хозяин этой земли гол, бос, голоден и бесправен, потому что все богатства страны захвачены иноземными империалистами и местными капиталистами и помещиками.

Я написал цикл стихов о Пакистане, большая часть которых переведена на русский язык, и поэму.

Сейчас пишу роман о несгибаемой воле простого народа Пакистана к борьбе за свое счастье, за свои права, за свое будущее. Я хочу рассказать о крепкой вере народов Пакистана в свою близкую победу, потому что всех их вдохновляет в этой борьбе пример нашей советской, свободной и счастливой жизни.

Я видел в Пакистане много честных, смелых, замечательных людей. Хочется рассказать о них в большом романе, чтобы советский читатель увидел все то, что сам я видел в этой далекой стране, не только мечтающей, но и стойко борющейся, в стране, где народ слагает песни и сказания во славу Москвы, во славу родины Ленина.

Таковы мои творческие планы на ближайшее время.

1951 г.

**[ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МИТИНГЕ
ПО СЛУЧАЮ ПОДПИСКИ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМ
1952 г.]**

Дорогие товарищи!

Успешно завершив в 1950 году первую послевоенную пятилетку, советский народ под руководством большевистской партии одерживает новые победы в хозяйственном и культурном строительстве и уверенно идет к коммунизму.

Истекший 1951 год был годом дальнейшего подъема социалистической экономики и культуры, дальнейшего повышения материального благосостояния трудящихся нашей страны.

Особенно замечательны победы в развитии тяжелой индустрии, являющейся материальной основой народного хозяйства и могущества нашей Родины. Серьезные успехи достигнуты в области социалистического земледелия и животноводства. Растет и крепнет техническая база колхозов и совхозов. Социалистическое сельское хозяйство получило в прошлом году 137 тысяч тракторов, 53 тысячи зерноуборочных комбайнов, 59 тысяч грузовых автомобилей, а также 2 миллиона сельскохозяйственных машин.

Невиданно широкий размах получило в 1951 году капитальное строительство. Огромные строительные работы, развернувшиеся в нашей стране, находят свое наиболее яркое выражение в сооружении крупнейших в мире гидроэлектростанций и оросительных систем на Волге и Днепре, на Дону и Аму-Дарье.

Советские люди с гордостью называют эти стройки великими стройками коммунизма, которые открывают новые перспективы расцвета производительных сил и дальнейшего развития народного хозяйства СССР. На основе могучего подъема народного хозяйства неук-

лонно растет благосостояние и культура трудящихся нашей страны. С первого апреля 1952 года проведено новое — лятое по счету снижение цен на продовольственные товары.

В 1951 году число обучающихся в СССР составило 57 миллионов человек. Возросло количество библиотек, жилых домов, кинотеатров и других культурных учреждений.

Совершенно иное положение в капиталистических странах. Десятки миллионов работоспособных мужчин и женщин в результате все возрастающей безработицы выбрасываются на улицу, лишаются крова, пищи, обрекаются на нечеловеческие условия существования.

Победы, достигнутые во всех областях народного хозяйства нашей Родины, служат ярким выражением повседневной заботы большевистской партии и советского правительства об интересах народа.

Основным источником доходов советского бюджета и их роста является непрерывно увеличивающееся производство социалистической промышленности и сельского хозяйства, развитие транспорта и рост товарооборота, подъем производительности труда, снижение себестоимости продукции. Значительные доходы государственного бюджета составляют также поступления от государственных займов, размещаемых среди населения по подписке.

Советские государственные займы на первом этапе своего развития оказали существенную помощь в восстановлении народного хозяйства, разрушенного гражданской войной и иностранной интервенцией, в оздоровлении финансов, в создании устойчивой советской валюты. Советский Союз не мог пойти по пути капиталистических стран, которые создавали свою тяжелую индустрию за счет ограбления колоний, за счет контрибуций с побежденных народов, за счет внешних займов. В Советском Союзе для широкого развития тяжелой промышленности и перестройки народного хозяйства нашлись средства внутри страны. Основным источником финансирования являлись доходы промышленности, транспорта, торговли. Очень важно было также привлечь излишки средств, имеющиеся у населения. Наш народ охотно давал и дает средства займы своему государству, зная, что они пойдут на

родное и близкое для народа дело — на укрепление могущества социалистической родины. Государственные займы, пользующиеся неизменной поддержкой народа, получили с тех пор широкое развитие. Советские займы — подлинно народные займы. Средства, привлекаемые по займам, используются для дальнейшего развития экономики, расцвета науки и культуры, т. е. в интересах самого же народа. В нашей стране интересы народа органически связаны с интересами государства, этот принцип лежит и в основе наших займов, которые, способствуя дальнейшему подъему всего народного хозяйства, приносят значительные личные доходы трудящимся в форме выигрышей по облигациям. В текущем году эти доходы составят 7 миллиардов рублей.

Средства Государственного займа развития народного хозяйства СССР выпуска 1952 года будут способствовать дальнейшему процветанию нашей Родины и умножению ее богатств.

Успешно провести подписку на новый заем и обеспечить полное поступление в государственный бюджет средств по этой подписке — важнейшая задача всей советской общественности.

Товарищи! Я призываю всех сотрудников нашего института дружно провести подписку на новый заем, пусть и наши денежные средства служат для развития народного хозяйства нашей любимой Родины и делу укрепления мира во всем мире.

1952 г.

СЛУЖИТЬ НАРОДУ

Мы живем в эпоху великих свершений, в эпоху напряженной и острой борьбы за коммунизм. По всей нашей стране кипит невиданная в мире гигантская созидательная работа. В тесной связи с жизнью советского народа, с великой энергией воздвигающего гиганты промышленности, борющегося за высокий урожай, развивается и крепнет наша многонациональная литература. Состоявшиеся этим летом встречи и беседы советских писателей и деятелей искусства с руководителями партии являются ярким свидетельством того, как партия заботливо и зорко следит за процессами, происходящими в нашей литературе, свидетельством того, что советская литература является подлинно общенародным делом.

...Смелее вторгаться в жизнь, глубже изучать процессы, происходящие в нашей действительности, правдиво и ярко рассказать о советском человеке, чтобы образ его предстал во всем богатстве, во всей глубине мыслей и чувств, — вот к чему зовет нас партия.

...Что может быть почетнее для нас, советских литераторов, чем задача отразить силу и величие нашей Родины, красоту и чистоту облика наших людей! И только отдав все свои творческие силы решению этой большой задачи, мы можем выполнить высокое назначение помощников партии.

Служить народу, быть верным помощником партии — вот смысл деятельности писателя.

1957 г.

НАШИ ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

Старый год ознаменовался для меня тремя творческими радостями: вышла из печати моя повесть «В поисках света» — о жизни современного Пакистана, закончил новый роман «Солнце не померкнет» — об участии узбекского народа в Великой Отечественной войне, в основном завершена работа над повестью «Детство».

В этом году буду писать роман «Великий путь»; начатый в прошлом году. Роман расскажет о первых годах Советской власти в Узбекистане.

1958 г.

ОРЛИНЫЙ ВЗЛЕТ

Вчитываясь в исключительный по глубине и точности анализа проект Программы, нельзя сдержать радостного волнения от сознания близости коммунизма, от уверенности в реальность наших расчетов. Сердце наполняется гордостью за нашу ленинскую партию.

На моих глазах узбекский народ совершил буквально орлиный взлет. Поистине грандиозны преобразования, происшедшие в моей республике. Это достигнуто вдохновенным трудом узбекского народа, благодаря дружбе народов нашей страны, братской помощи русского народа.

Более двадцати лет назад в своем первом романе «Священная кровь» я попытался рассказать, как простой русский рабочий человек раскрыл глаза молодому дехканину-узбеку, помог ему осознать чувство собственного достоинства, право борьбы за человеческое счастье на земле. О том, как помогало людям чувство товарищества и дружбы в тяжелые годы Великой Отечественной войны я рассказал и в романе «Солнце не померкнет». Но меня до сих пор не покидает ощущение, что я не воплотил в художественных образах и десятой доли того чувства огромной радости, которую я испытываю, когда на каждом шагу вижу проявления бескорыстной товарищеской помощи и дружбы людей десятков национальностей и племен, возводящих светлое здание коммунизма.

В этом смысле, мне кажется, предстоит огромная работа нашей молодой литературной смене. Думается, есть смысл добавить в проект Программы: «Одной из основных задач советской литературы и искусства является яркий показ сложившейся в борьбе за новое общество дружбы и сплоченности советского народа и всего социалистического лагеря».

1961 г.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ

Велика роль литературы и искусства в духовном воспитании нашего народа. Именно поэтому Коммунистическая партия Советского Союза во главе с ее создателем Владимиром Ильичом Лениным уделяла деятелям литературы особое внимание с первых же дней утверждения молодого государства рабочих и крестьян.

Волю народа выражает Коммунистическая партия и сейчас, призывая нас — прозаиков, драматургов и поэтов отстаивать высокую идейность от каких бы то ни было происков сторонников чуждого нам абстракционизма и формализма.

Быть всегда с народом — это значит жить его заботами, радоваться его праздникам и победам, выражать его интересы. Об этом с партийной прямоотой напомнили нам руководители партии и правительства в Кремле, на знаменательном обсуждении насущных вопросов развития литературы и искусства. Глубоко содержательные выступления вызывают много мыслей и дум, являются идейным программным документом советской литературы, всегда верно помогавшей партии в великом деле построения нового, коммунистического общества.

Поэтому меня глубоко взволновали проникнутые подлинно ленинской заботой о литературе выступления, призвавшие нас от имени народа и Коммунистической партии оберегать принципы социалистического реализма от враждебной нам капиталистической идеологии. Партия зовет нас, писателей, отдать всю силу нашей мысли, все мастерство своего пера служению народу, его интересам. Что может быть благороднее этой задачи для нас, советских писателей!

Правдивое, мудрое слово партии, сказанное с предельной откровенностью нам, деятелям культуры, заставило меня снова окинуть взглядом то, что вышло из-под моего пера. Писатель не может не думать о своей ответственности перед народом, о том, какой отклик находит его произведение в народе, что оно несет народу. Всякий раз, когда задумываешься над этим, приходишь к выводу о неизбежности поиска. Искать напряженно, упорно, трудолюбиво новые средства идейной выразительности в своих произведениях, искать подлинной народности языка и впечатляющей художественной достоверности. Искать, а не блуждать в лабиринтах модернизма, абстракционизма и прочих «измов», неприметно уводящих художника от прямой дороги, по которой шагает наш народ.

Мне довелось бывать в странах зарубежного Востока. Я видел там прекрасные сооружения, пышные дворцы, великолепные памятники искусства, созданные руками народа, того самого народа, который сегодня влачит полуголодное, нищенское существование.

Разительность социального неравенства и противоречий, вызывающие о помощи глаза и худые протянутые руки больно ранят сердце. Такое невозможно забыть. А ведь до революции и наш народ пребывал в такой же безысходной нищете и несправии. Минуло сорок с небольшим лет — как в сказке расцвел Узбекистан. Отсюда то большое чувство любви к нашей великой Родине, желание отдать до конца все силы во имя коммунизма.

Мы, узбекские писатели, должны подумать и о нашем интернациональном долге. Сейчас, в эпоху краха колониальной кабалы, когда идеи коммунизма проникают в самые глухие углы земного шара, тысячи людей поднимаются на борьбу за свою национальную независимость. Но многие стоят еще на перепутье, потому что империализм дурманит головы лживой пропагандой, навязывает свою идеологию.

В нашу страну, и в Узбекистан в том числе, приезжают немало туристов. Среди них много колеблющихся людей. Они хотят своими глазами увидеть, что же принес социализм узбекскому и другим народам Советского Востока. Такие колеблющиеся сами хотят почувствовать, познать, увидеть эти удивительные для них коренные изменения в жизни нашего Советского Узбеки-

стана, Советского Востока. Но ведь не все могут приехать к нам в качестве туристов. Этим людям писатели должны помочь увидеть нашу страну на расстоянии.

Наши книги — вот что явится волшебным средством виденья на расстоянии. Именно мы, писатели Узбекистана, должны раскрыть им — народам зарубежных стран — богатый духовный мир советского человека, диапазон его героических дел, чувств и мыслей.

Наш долг — отобразить в своих произведениях великую правду нашей жизни.

1963 г.

ЛЖЕЦ-ПОПУГАЙ

Чудесная пора сейчас в Узбекистане. Плоды наливаются соком. Пахари любят всходами. Свободно и спокойно дышит земля. И хочется писать и писать — воспевать человека, чьими руками создается эта красота, воспевать народ, обновляющий жизнь и землю...

Но сегодня я должен на время отложить работу над новой книгой. Я взял в руки перо по другой причине. Сегодня я хочу ответить одному из тех, кого не радуют, а озлобляют наши успехи, красота нашей жизни. Человек этот, насколько мне известно, живет в Западной Германии, в стране, где под крыльями неофашистских «орлов» находят приют люди, предающие свой народ, продающие свою совесть и честь.

Один из этих людей — Баймирза Хаит.

Там же, в ФРГ, рождаются на свет журнальчики типа «Остеуропа» или «Сентрал эшэтик джорнэл». Сей последний издается еще в Гааге. Называет он себя «международным журналом по языкам, литературе, истории и археологии Средней Азии» и щедро предоставляет свои страницы Б. Хаиту, рекламируя его как «западнгерманского профессора, доктора философии».

На первый взгляд можно подумать, что и журнал весьма солидный, и автор — не менее. Но такое суждение было бы правильным, если б звание профессора определялось по степеням лжи.

Б. Хаит в течение ряда лет специализируется по клевете на народы Средней Азии, особенно на их современную жизнь. Разумеется, он не одинок. Успехи республик Советского Востока вызывают ненависть у буржуазных идеологов. А страх и рождает ложь.

Клевета, однако, тоже требует «убедительного оформления». И вот для этого и пускают в ход отщепенцев, изменников родины, титулуя их «докторами» и «профессорами» и спекулируя их восточными именами и фамилиями. Словом, пускают в ход хайтов...

Несколько лет назад узбекские ученые дали достойную отповедь «упражнениям» Б. Хаита на восточно-исторические темы. Теперь он, угождая своим хозяевам, решил поупражняться в области литературы.

Поглядим — не без чувства отвращения, — как он это делает...

Прежде всего Б. Хаит пытается доказать, что узбекской литературы вообще... не существует. «Определенная политическая установка», оказывается, «потребовала наличия национальной узбекской литературы». «Для этого, — продолжает «доктор», — пришлось выделить узбекскую литературу из всей совокупности восточнотюркской литературы, и, дабы обосновать эту тенденцию, Мир Алишер Навои был провозглашен основоположником узбекской литературы».

Видали такого «профессора» и такую «логику»? Мол, до Октябрьской революции и до середины 20-х годов была одна, общая для всех тюркоязычных народов Средней Азии «чагатайско-тюркская литература», а узбекской вовсе не было.

Подобная «теория» новоявленного «доктора философии» — грубая и глупая ложь. У каждого из народов Средней Азии еще задолго до Октябрьской революции начала формироваться своя богатая, самобытная литература, своя национальная культура. Так, узбекский народ обладает очень древним по своим истокам и богатым литературным наследием, формирование и развитие которого связано с древнейшими культурами. Достаточно назвать Ахмада ибн Махмуда Югнаки и Ахмада Яссави, творивших в XII веке. Их стихи написаны выразительным народным языком и являются высоким образцом древнеузбекской поэзии. А взять таких замечательных поэтов, как Хорезми (XIV в.), Дурбек (конец XIV — начало XV в.), Атои (XV в.), Лутфи (XV в.). Все они, предшественники Навои, сыграли большую роль в развитии узбекской литературы, в формировании узбекского литературного языка.

Поэзия Навои и Лутфи, Бабура и Машраба, Муками и Фурката и многих других узбекских поэтов — самый убедительный ответ на «теории» Ханта. Их произведения (я уж не говорю об узбекской устной народной поэзии) были глубоко любимы народом, бережно хранятся в народном сердце, пронесены через многовековую историю. И поныне наш народ поет их песни. Я сам еще на школьной скамье (в старой узбекской школе не было скамей) разучивал их.

Другие тюркоязычные народы — казахи, туркмены, киргизы — также издавна имеют свою богатейшую литературу, которой законно гордятся все народы Советской страны.

Думается мне, что Б. Хаиту все это известно. Хоть он «профессор» определенного толка, но грамоте ведь и он учился. Все дело в том, что он не только предатель, готовый утверждать все, что нужно тем, кто ему платит. В его лице мы видим и убежденного пантюркиста, панисламиста. Вот почему для него нет ни узбекского, ни киргизского, ни казахского, ни других народов нашего Востока, а есть один «туркестанский народ».

Идеи пантюркизма-панисламизма для нас не новы, они появились в начале XX века, когда с развитием революционного движения, особенно накануне Октябрьской революции, буржуазные националисты стали проповедовать «свой путь» развития Востока, желая отвлечь народные массы от подлинно революционной борьбы — борьбы за социализм...

Меня всегда волновала тема жизни родного народа накануне Октябрьской революции. И в поэзии и в прозе я часто возвращался к этой теме. Она волнует меня и сейчас. В последнее время я работаю над романом «Великий путь», который посвящен победе Октябрьской революции в Узбекистане. Читаю газеты и журналы того времени, знакомлюсь с документами. Передо мной вырисовывается очень сложная, интересная эпоха, когда всевозможные буржуазно-националистические организации и группы усиленно вели активнейшую проповедь среди трудящихся масс идей пантюркизма и панисламизма. Чтобы одурманить трудящихся, отравить их ядом национализма, отвлечь от революционной борьбы, они стремились посеять вражду между народами Средней Азии, натравить их против русского народа. Национа-

листы всеми средствами пытались убедить узбеков, казахов, туркменов, киргизов в том, что якобы среди них нет каких-либо классовых противоречий. Разглагольствуя о создании «тюрокской империи от Алтая до Босфора» они уверяли, что «святой ислам не разделил мусульман на нации и классы. Мусульмане всего мира составляют одну нацию, и ислам — это международное братство».

Б. Хаит — лишь подражатель своих предшественников. Но если идеи пантюркизма и панисламизма это узконационалистические, узкоклассовые, клерикально-изуверские идеи не имели успеха даже в начале XX века, убедительным свидетельством чего является победоносный Октябрь на нашем Востоке, тем более не могут они иметь успеха в наше время — время великого торжества интернационального братства народов, строящих коммунизм.

«Доктор философии» не видит, вернее, делает вид, что не видит огромного прогресса, которого добились народы Средней Азии и Казахстана благодаря Октябрьской революции. Какой социальной почвой, «профессор», объясните вы великие успехи свободных народов Средней Азии — успехи в развитии экономики, культуры, искусства? Ведь читающий мир знает имена казаха М. Ауэзова, узбека Г. Гуляма, таджика М. Турсунзаде, киргиза Ч. Айтматова, туркмена Б. Кербабаева и многих других выдающихся писателей.

Но что за дело Б. Хаиту до читающего мира и до истины?!

Сегодняшняя узбекская литература тоже «интересует» Б. Хаита и его покровителей. «Интересует» в тех же целях. И удовлетворяется этот «интерес» тем же способом... Метод социалистического реализма в узбекской литературе? Да что вы — это опять же искусственное наслоение! И вообще, сокрушается Б. Хаит, «литературная жизнь в настоящее время должна быть трагичной, так как советские руководители пытаются склонить писателей к идеологическим тенденциям коммунизма. Можно почти опасаться, что узбекская литература находится на грани потери своей художественности».

«Пытаются склонить» — каково?

Когда слепой и глухой человек страдает от своих недостатков, можно его пожалеть. Когда клеветник

сознательно слеп и глух, да еще говорит, что он-то лучше всех видит и слышит, а другие слепы и глухи,— такая фигура может вызвать только омерзение.

Читательские конференции, поток писем со всех концов страны от людей разных профессий и возрастов, дни поэзии, поездки наших писателей по родному краю, в братские республики, за границу — все это свидетельство популярности наших произведений, любви к ним.

Конечно, все это весьма трагично... для хаитов!

Б. Хаит, клевета на узбекскую советскую литературу, оказался в роли старого глупого попугая. Вслед за другими, подобными себе, он узрел причину «трагического положения литературы» в партийном руководстве ею, хотя тут же вынужден признать, что у нас «вырос целый ряд одаренных писателей».

В числе последних он упомянул и меня. Мой долг, долг советского писателя, повелевает мне сказать следующее малопочтенному «профессору».

В моей творческой судьбе, как и в судьбе всех моих товарищей, роль партии огромна. Она вырастила и воспитала меня, и всем, что я сделал для родной литературы, я обязан ей, ее вниманию и заботе. «Идеологические генденци ксммунизма», к которым нас якобы «пытаются склонить», — в нашем сердце. Я тоже служу делу партии, а это значит — народу.

Об этом я писал еще в самом начале своего творческого пути:

Я ясно понял, где заря
И где обманчивый мрак.
Я не хочу и не могу
В часы, когда шумит прибой,
Глядеть на дальнем берегу,
Как две волны вступают в бой.
Нет, я с тобой, рабочий класс,
В одном ряду, в одном строю.

(«Мой голос», 1928 г.)

С тех пор прошло очень много времени. Но и сегодня я с гордостью повторяю эти свои слова.

Хантам, как и всем другим прислужникам империалистического Запада, не понять нашей свободы, свободы творчества в нашей стране. Привыкшие жить подачками с хозяйского стола, они рассуждают о свободе,

исходя из норм своей жизни. Что ж, их «свободу» мы охотно оставляем им самим...

«Советское общество,— говорится в Программе КПСС,—обеспечивает действительную свободу личности. Высшее проявление этой свободы — освобождение человека от эксплуатации. В этом прежде всего подлинная социальная справедливость».

Вот правда, правда истории, и никакой «профессорской» ложью ее не победить, не затушевать, не поколебать!

1963 г.

ИМЕНИ НАВОИ

Есть города, своей судьбой врастающие в самую историю страны и народа и как бы отражающие их историю. Таков и Ташкент, милый моему сердцу. Ведь каждому как-то особенно дорого и близко место, где он родился, где впервые открыл глаза и увидел мир.

Я стою на широкой и оживленной площади Хадра, являющейся как бы центром города; отсюда расходятся широкие магистрали. Передо мной проспект, носящий имя великого узбекского поэта и гуманиста Алишера Навои, который писал много веков назад, что его «сердце жаждет света и добра». Во времена мрачного средневековья поэт мечтал о счастье народа, и вот теперь свободный и счастливый узбекский народ назвал центральную улицу своей столицы его именем. Эта улица — моя родная. Здесь я провел детские и юношеские годы.

Как, какими словами передать те чувства, которые охватывают меня сейчас? Картины прошлого встают, как живые, и мысли, думы проносятся чередой. История моей улицы может рассказать историю народа, раскрыть его душу, показать, какой путь прошел Узбекистан. Память моя сберегла каждую улочку этого города, каждый тупик, каждый дом на моей родной улице. И я рассказываю сейчас о том, какова была улица Навои для тех, кто не видел ее вообще, и для тех, кто ходит по ней и не знает ее прошлого.

Ташкент — один из древнейших городов Средней Азии: впервые он упоминается в летописях за два века до нашей эры. Древние источники именуют его Чачкентом, Бишкентом. Более поздние средневековые источники называют его Тошкандом.

Происхождение имени города еще полностью не раскрыто. Но в народе говорят, что слово «Ташкент» означает каменный город, потому что за свою двухтысячелетнюю историю город множество раз выдерживал натиски завоевателей. Так гласит предание. И действительно, Ташкент, расположенный на мировых торговых путях, всегда был вожделенной целью для захватчиков. Войны на протяжении всей истории города, до середины 60-х годов XIX века, потрясали его. И история Ташкента — это история постоянной борьбы за независимость. Город видел многочисленные набеги кочевников в древности, был разрушен ордами Чингиз-хана, через него проходила армия Тимура, направлявшаяся в северные походы — на Золотую Орду. Даже в первой половине прошлого столетия на Ташкент совершались набеги, он переходил из рук одних завоевателей в другие. Кокандское, Бухарское и Джунгарское ханства вели борьбу за обладание им. Все эти войны, межфеодалные распри тяжело отражались на положении населения.

До революции Ташкент состоял из двух частей — Старого и Нового города, разделенных рекой Анхор. Это были два мира, живших своей обособленной жизнью. Старый город — это однообразные глиняные, приземистые постройки, лабиринт извилистых, глухих пыльных улочек.

Новый же город — город чиновников и коммерсантов, «господ ташкентцев», по меткому выражению Салтыкова-Щедрина. Правильно распланированные, обсаженные деревьями улицы. Здесь была резиденция туркестанского генерал-губернатора. Салтыков-Щедрин писал: «Если вы находитесь в городе, о котором в статистических таблицах сказано: жителей столько-то, приходских церквей столько-то, училищ нет, библиотек нет, богоугодных заведений нет, острог один и т. д., — вы можете сказать без ошибки, что находитесь в самом сердце Ташкента».

Эти времена канули безвозвратно. Октябрьская революция объединила эти два города. Ташкент — древний город, но не седой стариной веет от него. В нем все дышит новизной и молодостью. Вместе со всей республикой, со всей страной изменяла свой облик и столица Узбекистана. Рядом со старым Ташкентом, одноэтажным и глиняным, каким его знали века, вставал новый

Ташкент с просторными и широкими городскими магистралями и площадями, высокими и нарядными зданиями.

Ташкент сегодня — это крупный индустриальный, культурный и научный центр. И самое большое и важное изменение — это люди: взгляните в их лица, и вы увидите преисполненных сознанием своего чувства достоинства строителей прекрасной жизни, строителей коммунизма.

Если говорить о том, как изменился облик Ташкента, то это наглядно можно показать на судьбе проспекта Навои.

До революции эта улица имела столько же названий, сколько и кварталов: Урда (крепость, в древние времена здесь был ханский дворец), Қоғ егди (снег идет), Қози куча (улица судьбы), Шейхантаур (здесь была могила шейха), Қатор терак (тополинный ряд), Баланд маҷит (высокая мечеть), Хадра и Чорсу (четыре стороны, то есть перекресток).

Улица была узкой и извилистой. Столь узкой, что когда проходила конка, люди на тротуарах прижимались к заборам. Она представляла собой однообразную серую глиняную линию, лишь в некоторых домах были узенькие низкие двери. Окна глинобитных жилищ не выходили на улицу, чтобы любопытный взор не мог проникнуть внутрь. Байские дома выделялись лишь железными крышами. От этой улицы отходили еще более кривые закоулки, далее — тупики, и до того они были узкие (до метра шириной), что называли их чертовыми улочками.

Лишь в отдельных местах этой ничем не примечательной улицы выделялись лавки, чайханы. Каждый квартал имел маленький базар — гузар. В начале века появились первые новшества — конка, а затем и трамвай. И каждый день я бегал поглазеть на него. Мне в те времена посчастливилось лишь один раз прокатиться на трамвае.

Многое видела эта улица. В революционном 1917 году здесь проходили бурные митинги, в особенности у медресе Шейхантаур. В некоторых чайханах рабочие развесили портреты Маркса и Ленина. Тогда-то я впервые услышал имена великих вождей пролетариата.

По этой улице шли демонстранты с красными знаменами. Они направлялись в Новый город на митинги русских революционных рабочих и солдат. В свою очередь, оттуда приходили депугации, демонстранты. По этой улице в грозные и решающие октябрьские дни шли по зову гудков железнодорожных мастерских рабочие-узбеки на помощь восставшим русским рабочим и солдатам. Так революция сломала барьер между Старым и Новым городом.

Проспект имени Навои начинается с Аллеи любви. Это тенистый парк на берегу Анхора — излюбленное место отдыха жителей города. В жаркий полдень здесь есть где укрыться от палящих лучей солнца. В парке есть чайхана. В воздухе веет прохладой, пахнет шашлыком, и трудно пройти мимо, не заглянув туда. Под развесистыми деревьями у самой воды — скамейки. Через Анхор переброшен широкий железобетонный мост, по которому движутся нескончаемым потоком автомобили, троллейбусы, трамваи. За мостом целый ряд многоэтажных зданий. Это жилые дома, магазины, аптеки, государственные учреждения. Вот, например, справа от моста высится пятиэтажное здание с элементами узбекской национальной архитектуры. Архитекторы учли особенности жаркого климата: окна и двери этого здания крыли в пролетах высоких и стройных арок. Любопытно то, что здесь вы не встретите законченных архитектурных ансамблей. Может быть, это и плохо, но мне нравится своеобразие этой улицы, где рядом стоят современные здания из бетона и стекла и многоэтажные кирпичные дома с ажурными балконами, украшенными орнаментом — резьбой по ганчу.

Каждое здание — это свой автор, свой стиль. Они очень не похожи друг на друга. И, конечно, трудно перепутать «Узгоспроект» — серое многоэтажное здание с большими квадратными окнами с новым светлым общежитием политехнического института, построенным студентами. Я завидую студентам, которые живут в этом общежитии: рядом с ними находится краса и гордость Ташкента — центральный стадион «Пахтакор» на 60 тысяч мест. А вот в прошлом году, когда футбольная команда «Пахтакора» играла с успехом, в нем свободно размещались и все 80 тысяч зрителей. Большое внимание уделяется в Ташкенте физической культуре и

спорту: в городе 7 стадионов, несколько водных станций, до 50 спортивных залов, сотни других спортивных площадок, ипподром.

Чуть далее разбит теннисный сквер, где в центре установлен памятник Алишеру Навои. Поэт стоит в раздумье, в руках у него книга. За сквером целый комплекс зданий, в которых разместились институты Академии наук УзССР и Ташкентский облисполком. Институт востоковедения имеет хранилище восточных рукописей. Здесь уникальные древние трактаты по истории, астрономии, химии, философии, музыке. Это богатейшее культурное наследие среднеазиатских народов; хранилище — одна из сокровищниц мировой культуры. Посмотрели бы вы, с каким благоговением и бережливостью перелистывают и изучают древние рукописи научные сотрудники Института востоковедения. Посмотрели бы вы на их лица, когда они склоняются над миниатюрами, переносящими ваше воображение на многие века назад.

Над сквером возвышается 180-метровая ажурная вышка телевизионного центра. На этой же улице находится и Центральный телеграф, где совсем недавно сдан в эксплуатацию видеотелефон. Рядом выросло большое светлое здание, которое можно назвать пресс-центром столицы. На пяти этажах этого здания размещены издательства и редакции газет, журналов, Министерство культуры республики. Недалеко от Комсомольской площади стоят три многоэтажных здания, близкие по стилю. Стоят, как здания-братья. Они очень нарядны, богаты красочным узором узбекского орнамента.

На противоположной, левой стороне проспекта еще сохранились, как память о прошлом, несколько десятков старых глинобитных хибарок, которые скоро будут снесены. На их месте намечено строительство водоемов, большой зеленой зоны, панорамного кинотеатра и других зданий из цветного стекла, пластика, бетона и металла.

Рассматривая эти проекты, я вспомнил, как впервые в 20-х годах был разбит крохотный парк «Рохат боғ» («Сад наслаждений») площадью не больше гектара.

И, глядя на новый Ташкент, новую улицу Навои, думаю о том, какой же подлинный революционный скачок совершил мой народ в течение жизни одного поколения. И мы никогда не забудем, что свое светлое счастье приобрели в тесной и нерушимой дружбе наших народов.

1963 г.

НЕУГАСИМОЕ СОЛНЦЕ

У каждого народа имеются свои праздники, знаменательные даты в истории. Но есть один праздник очень близкий и дорогой для всех народов нашей страны, для народов стран социалистического лагеря, для всех прогрессивных людей мира — праздник Великого Октября. Этот праздник шествует по миру дорогами немеркнущих людских надежд, солнцем озаряя вокруг себя все.

Октябрьская революция — это грандиозные перевороты в исторических судьбах народов мира и личных судьбах каждого в отдельности человека нашей страны и многих многих людей за рубежом. Поэтому в дни Октябрьского праздника каждый из нас невольно задумывается о судьбе своего народа. Когда задумываешься в эти праздничные дни над своей собственной судьбой, судьбой своего народа, с особой силой понимаешь все величайшее значение Октябрьской революции.

Со времени свершения Октябрьской революции не прошло и полстолетия. Сорок шесть лет — время небольшое. Тысячи и тысячи поколений людей жили на земле. Но только жизнь нашего поколения прошла под животворными, солнечными лучами Октябрьской революции, озаренная светом счастья, свободы и вдохновенного труда.

Мне выпало большое счастье видеть сказочный рост моего народа, грандиозные перемены в его жизни. Беспросветно темным представляется сейчас окружавший меня мир в недалеком прошлом. Детство мое прошло в Ташкенте, в среде типичных мелких ремесленников-ткачей, сапожников и мелких торговцев. Мне довелось видеть их жизнь, весь смысл которой был в том, чтобы зарабатывать кусок хлеба себе и своим детям. Сколько

слез, горя, печали, безысходности было в этой среде. А каким безжалостным бичом были для нас тогда долгие и суровые зимы. Голодные, разутые, оборванные, мы еле-еле перебивались. Отцы наши шли тогда на поклон к богатым купцам, чтобы выклянчить немного денег или продуктов, достаточных только для того, чтобы мы не умерли с голоду, унижались и закабалялись на долгое время. Эту трагедию переживали не только мои родные и соседи, но и все простые, трудовые люди моего народа.

Как живо в моей памяти встают окружавшие меня тогда люди. Никогда мне не забыть их лица, исхудалые и серые, их безотрадные заботы. Но в их сердцах теплилась надежда, жили мечты о другой, новой, счастливой жизни. Эти мечты, зародившиеся у народа много веков назад, не могли убить ни беспощадная эксплуатация, ни тяжелая, беспросветная жизнь.

Обращенные в будущее мечты согревали их, давали силы для жизни. Мечты о счастливой жизни, свободной и светлой, слышались в песнях безвестных народных сказителей, в народных сказках, в произведениях лучших поэтов народа. И я счастлив, что смог увидеть, как сбылись эти надежды, счастлив видеть, как расцвел мой народ, мой родной край — Узбекистан. Октябрь 1917 года открыл перед моим народом широкие горизонты новой светлой жизни, вывел его на счастливый путь. Он стал хозяином своей судьбы.

С чувством непередаваемой радости и гордости смотрю я на свой народ, на свою великую Родину. Я люблю сейчас Узбекистан еще больше, чем когда-либо раньше, потому что вижу его лучезарное будущее.

Прекрасен ныне мой родной край, край радостного и вдохновенного труда. Свободный узбекский народ на своей богатой земле выращивает хлопок и зерно, разводит сады, прокладывает новые дороги и каналы. Сейчас в республике идет невиданное в истории моего народа и других народов мира колоссальнейшее ирригационное строительство. Народ переделывает природу своего края.

Узбекская земля всегда была полна богатств. Но только Октябрь дал возможность использовать их на радость освобожденного народа. Дымятся заводские трубы, в пустынях встает лес нефтяных вышек и элек-

трических мачт, открываются все новые и новые сокровища недр, возникают новые города.

И самая большая гордость — это возвращенные нашей родной Коммунистической партией люди нового Узбекистана, трудолюбивые, умные, дерзновенные и стойкие, наши рабочие и колхозники, наша трудолюбивая интеллигенция.

Мой народ совершил гигантский скачок вперед. Мой народ идет навстречу солнцу.

Все это могло совершиться только потому, что узбекский народ побратался с великим русским народом, со всеми народами нашей огромной и великой страны. Наша великая Родина — Союз Советских Социалистических Республик — не просто союз республик, это союз братства, это дружба миллионов сердец, объединенных высокими идеями Коммунистической партии. Это великое братство дружбы и труда в нашем сердце, во всей нашей жизни. Только благодаря ему мой народ обрел счастье. Плоды дружбы и братства народов проявляются во всем, во всей ежедневной жизни, в большом и малом. И все, чем мы гордимся, все наши успехи в экономической и культурной жизни — это плоды дружбы с русским народом, со всеми народами нашей страны.

Ярко проявилось нерушимое братство узбекского и русского народов в эти праздничные дни, в дни декады русской культуры в Узбекистане. Декада русской литературы и искусства явилась радостным праздником и демонстрацией той любви и уважения, которые мы питаем к великой культуре русского народа. С глубоким волнением я следил за тем, как проходила декада. И с еще большей силой я понял, какую большую роль играет русская культура в духовной жизни моего народа, как она помогает воспитывать высокие эстетические вкусы. Мы должны еще больше пропагандировать достижения русской культуры, больше и лучше переводить произведения русских писателей и поэтов.

За дни декады мы еще глубже полюбили русский народ, его талантливых писателей, поэтов, артистов и художников. Мы ближе познакомились с богатой и многогранной культурой близкого, дорогого нам народа. Декада русской культуры особенно ярко продемонстрировала братство и единство наших культур, наших народов.

Все это — плоды подлинно титанической деятельности нашей Коммунистической партии. С волнением и благодарностью думаешь о ней, от всего сердца, искренне хочется сегодня еще и еще раз выразить чувства любви к ней.

Родная партия, великая и мудрая. Все то радостное, светлое, что мы сделали и делаем, мы сделали под твоим руководством, вдохновляясь твоими великими идеями, бессмертным учением твоего создателя и руководителя Владимира Ильича Ленина. Волей твоей в прежде пустынных местах прорыты каналы, цветут сады и поля, построены и действуют заводы-гиганты. Ты взрастила чудесное поколение — могучее, богатырское, умное. Под твоим руководством народы нашей страны уверенно и радостно строят свою жизнь, свое светлое будущее — коммунизм. Так веди и дальше вперед нашу страну, и пусть всегда светит в веках ярко и неугасимо солнце Великого Октября, солнце перушимой дружбы и братства народов!

1963 г.

КРЫЛЬЯ ДРУЖБЫ

Праздничное настроение сейчас у нас в Узбекистане. Чарующей красотой принарядила волшебница осень поля и сады. Вдохновенно и горячо трудится узбекский народ, собирая богатые плоды своего труда. И мы очень рады, что эта замечательная пора отмечена большим событием — декадой русской культуры. Добрая весть отозвалась радостью и гордостью в сердце каждого узбекистанца. Потому-то у нас сейчас вдвойне праздничное настроение.

В эти дни взволнованного ожидания встречи с представителями русской советской культуры невольно размышляешь о могучих крыльях дружбы народов нашей страны, о ее многонациональной культуре и о влиянии русской литературы на узбекскую, об их взаимосвязи.

Для нас, узбекских литераторов, встречи с русскими писателями всякий раз полны глубокого смысла, ибо на всем пути своего развития узбекская советская литература испытывала животворное влияние русской литературы. С первых же шагов становления, когда молодая узбекская литература искала новых путей, высокий пример русских писателей, их вдохновенные книги давали нам силы и уверенность. По мере своего роста узбекская литература делала для себя все больше открытий в сокровищах русской литературы.

Русская литература — могучая и многогранная — всеми своими корнями связана с жизнью народа.

В лице русских писателей мы видели и видим страстных борцов; активно вторгающихся в жизнь, помогающих партии в решении грандиозных задач. Мы видим в них верных друзей, бескорыстно и искренне стремящихся помочь нам.

Ойбек. Қозоғистонда бўлиб ўтган ўзбек адабиёти ва санъати кунларида. 1962 йил.

За беспредельное служение делу народа и партии, за партийную страстность и принципиальность, за щедрую силу сердца и за чувство боевого, верного товарищества навсегда полюбили мы Горького, Маяковского, Фадеева, Шолохова, Федина, Тихонова, Суркова, Щипачева, Си-монова и многих других писателей.

Мне хочется сказать о каждом из них, о том, какой большой след в нашей жизни и нашем творчестве оставляют незабываемые встречи и дружба с ними.

С чувством глубокого уважения хочется вспомнить и о переводчиках. Ведь многие из ведущих русских писателей и поэтов немало потрудились над переводами наших книг, сделав их достоянием народов нашей страны и зарубежных читателей.

Мы, узбекские писатели, с волнением ждем встречи с нашими русскими собратьями! Мы будем рады показать нашим гостям, какие преобразования произошли и происходят в республике, как близка и дорога нашему узбекскому народу русская культура. Они увидят, что произведения русских писателей и поэтов стали родными и для узбекского читателя. Думаю, что это будет самым дорогим подарком для наших гостей.

1963 г.

БЛАГОТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ

Русская культура и прежде всего русская литература с ее революционными традициями, народностью, гуманизмом, с ее высоким художественным мастерством оказали и продолжают оказывать благотворное влияние на развитие узбекской советской литературы. Мы, первое поколение узбекских советских писателей, почувствовали это с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции.

...С детских лет я любил читать. С упоением, с трепетным волнением в сердце читал стихи Навои, уносясь в мир поэзии. Под глубоким впечатлением находился я и от прекрасных газелей большого азербайджанского поэта-лирика Фузули. В двадцатые годы сам начинаю пробовать писать стихи: сначала подражал знаменитым поэтам, а потом стал находить свои ритмы, свой поэтический размер. Но в то время у нас не было книг по литературе на узбекском языке.

Вот тогда-то и пришли мне на помощь русские учителя. Началось с изучения русского языка. Мой учитель Горянов, веселый, жизнерадостный человек, часто на уроках, когда трудно было понять то или иное русское слово, чертил на классной доске различные фигурки. Движением рук, выражением глаз, мимикой он старался научить нас русскому языку. Это он, дорогой моему сердцу, глубокоуважаемый учитель, первым дал почувствовать силу и красоту русского слова, понять и полюбить навсегда русскую литературу, найти в ней истинное наслаждение.

1964 г.

СПЛОЧЕННЫМ ВСЕ ПО ПЛЕЧУ

Ташкент. Прекрасны весны на нашей советской земле. А нынешняя по-особому радостна. Во всем чувствуется праздник обновляющейся природы, и как-то особенно остро ощущаешь в эти дни безудержное цветение родной земли.

Каждая весна несет нам новые перемены. Взгляните вокруг, взгляните в жизнь! Как удивительно изменилась и продолжает меняться она! Перемены особенно ярко видны на примере моего родного края — Узбекистана.

Узбекистан — основная хлопковая база Советского Союза, край «белого золота». В канун Первомай труженики села одержали первую желанную победу в борьбе за высокий урожай. Успешно завершён сев хлопчатника. На раздольных колхозных и совхозных полях уже четко обозначились зеленые квадраты. Всюду кипит упорный труд.

Узбекистан — республика большой индустрии. Во многие страны мира идут изделия промышленных предприятий Ташкента, Самарканда, Ферганы, Чирчика, Бухары.

В недрах Кызыл-Кумов взяла начало гигантская трасса газопровода Бухара — Урал. На пустырях, про которые говорили прежде, что здесь и змеям жить неуютно, вырастают новые города — Навои, Газли, Комсомольск-на-Усть-Юрте, Зеравшан... Да разве можно хотя бы бегло рассказать обо всем, что происходит в моей солнечной республике!

Эти чудеса творят простые советские люди.

И вот многие из них пришли в светлый день Первомай на Красную площадь Ташкента, которая носит имя

В. И. Ленина. Среди них — прославленные хлопкоробы, животноводы, новаторы заводов и фабрик, строек. На трибуне находились кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов и другие руководители Узбекистана.

Монолитны, нарядны колонны. Идут узбеки, русские, украинцы, казахи, таджики... Представители почти всех народов, населяющих нашу необъятную Страну Советов.

Помню, мой народ писал в годы войны сыновьям-воинам: «Дом русского — твой дом. Дом украинца и белоруса — твой дом. У нас одна большая семья. Не забудь об этом, воин-узбек!...»

Да, нельзя забывать о самом главном в жизни. Главное — братство, дружба людей земли.

1965 г.

ВМЕСТЕ СТРОИМ МИР КРАСОТЫ

Мы встречаем деятелей украинской культуры в чудесные дни, когда у нас буйствует весна и сердце наше полно взволнованного ее дыхания. Великолепна сама традиция живого общения с представителями братских литератур. Эти встречи не стали делом только писателей, поэтов, художников и актеров. Эти встречи глубоко интересуют колхозников, рабочих, интеллигенцию нашей республики.

Нас давно уже не удивляет то, что узбекские школьники, например, на своем родном языке читают стихи Пушкина, Лермонтова, Шевченко, Маяковского, а украинский писатель пишет роман об Узбекистане. Это стало обыденным. Но в этой обыденности скрыт глубочайший смысл.

Мне сейчас вспоминаются чудесные шевченковские строки о семье народов— семье великой, вольной, новой. Да, именно о такой семье, как наша, советская, мечтал Тарас Шевченко. И его светлая мечта осуществилась. Дружба наша скреплена священной кровью сынов народов нашей страны. У нас в Средней Азии сыны России и Украины вместе с нами сражались за победу Октябрьской революции, отстаивали ее завоевания. Плечом к плечу с русским, украинским и другими народами сыны Узбекистана громили фашистских оккупантов на Украине. Наше братство мужало и крепло в борьбе и в труде. И с каждым днем мы становимся все ближе друг к другу.

Вся наша жизнь пронизана братством. Украинская литература стала для нас, узбеков, родной и близкой. Когда я впервые прочел стихи Шевченко, они глубоко запали в мою душу, покорили меня своей силой. Звуч-

ные, кристально ясные строки его показали мне всю силу и полнозвучие украинского языка.

Я вспоминаю о Максиме Рыльском — чудесном поэте и прекрасном человеке. Его поэзия всегда увлекала меня радостным ощущением полноты жизни, а его светлое и чистое сердце вызывало глубокую любовь и личную симпатию. Мне всегда доставляло искреннюю радость видеться с ним в Москве, беседовать, слушать, как читает он свои стихи. Когда я узнал в прошлом году о его кончине, огромная тяжесть легла мне на сердце...

Проникновенный, нежный лирик и поэт-трибун, певец дружбы и братства — таким он вошел в советскую литературу. В одном из стихотворений Рыльский писал:

Я душой, родные, с вами,
Я своей работой скромной
И свою вношу часть
В дело братства и единства
В день великого труда.

И в дни декады украинской культуры у нас, в Узбекистане, будут звучать чудесные стихи Максима Рыльского.

Солнце дружбы и братства наших народов ярко светит в стихах Павло Тычины, Микола Бажана, Николая Терещенко, в пьесах Александра Корнейчука, в прозе Ивана Ле, в поэзии Гафура Гуляма, Хамида Алимджана, написавшего в годы Отечественной войны поэму «Слезы Роксаны», в творчестве многих украинских и узбекских поэтов и писателей, художников и кинематографистов. Мы встречаем сегодня лучших хранителей и создателей современной украинской культуры: и уже поседевших ветеранов литературы с большим именем, и молодых талантливых мастеров, прославленных украинских певцов, танцоров, художников, эстрадных артистов. Это большая радость — в течение десяти дней сердцем слушать Украину, видеть ее лучшие художественные дарования.

Интерес к украинской культуре огромен повсюду в Узбекистане. У нас поют украинские песни, не выходят да и никогда не выйдут из репертуара наших танцевальных ансамблей темпераментные и зажигательные народные танцы Украины. Мы видели немало хороших украинских фильмов. Кинематографисты Киева и Одессы продолжают славные традиции Александра Довженко.

Мы внимательно следим за успехами современной украинской литературы.

Я не буду называть здесь всех имен наших литераторов, которые переводят с украинского языка на узбекский лучшие образцы ее литературы. Этих литераторов много. С тех пор, как тридцать лет назад Хамид Алимджан впервые перевел на узбекский язык стихи Тараса Шевченко, к подобной благодарной и вдохновенной работе обращались и обращаются многие наши поэты и прозаики. Мы прекрасно знаем и то, как популярны узбекские романы, стихи, поэмы на Украине. И мы благодарны нашим коллегам за их внимание к нашей родной литературе.

От лица всех писателей и читателей Узбекистана мне хочется сегодня выразить глубокую признательность нашим братьям по эстетическому оружию — замечательным деятелям украинского искусства. Встречи с выдающимися певцами из соловьиного края, встречи с украинским балетом, встречи с бандуристами и художниками, композиторами и кинематографистами доставят моему народу много приятных и незабываемых минут.

Сегодня начинается десятидневное свидание, которого мы ждали долго и с нетерпением. Мы с искренним и глубоким интересом будем смотреть и слушать все, что привезли нам наши коллеги и братья. Мы с радостью покажем все, что есть хорошего в наших театрах, концертных залах, на выставках: покажем наши последние книги, наши новые заводы, колхозы, всю нашу буйную и жаркую узбекскую весну.

Живой повседневный обмен духовными богатствами между республиками сейчас для нас столь же обычен, сколь и необходим.

Наши национальные литературы и искусства, поднявшись на новую, высшую ступень, слились в общий поток советской культуры. Лучшие достижения национальных социалистических культур хранит наша общая сокровищница.

Мы вместе строим коммунизм. Это созидание и есть самое сильное из всего, что объединяет нас в одну семью.

1965 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МИТИНГЕ,
ПОСВЯЩЕННОМ ОБРАЗОВАНИЮ ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ
НАРОДОВ СССР И ПАКИСТАНА**

Советская общественность приветствует создание Общества дружбы народов СССР и Пакистана. С большим интересом и глубоким уважением относится советский народ к талантливому трудолюбивому народу Пакистана, с искренним уважением и сочувствием следит за усилиями, которые он прилагает к тому, чтобы ликвидировать тяжелые последствия колониального режима, искренне приветствует достигнутые им успехи в развитии национальной экономики. Наши отношения с Пакистаном строятся на основе принципов взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства, мирного сосуществования. Искренняя дружба и плодотворное сотрудничество советского и пакистанского народов крепнут из года в год и приносят свои богатые плоды. Нет сомнения, что создание Общества дружбы народов СССР и Пакистана явится крупным вкладом в дело укрепления советско-пакистанских отношений, что вся деятельность Общества будет проходить в обстановке искренней дружбы. Нет сомнения и в том, что весть о создании Общества благоприятно будет встречена в самом Пакистане всеми миролюбивыми силами. Создание Общества дружбы народов СССР и Пакистана — радостное долгожданное событие. С большим удовлетворением встретил это сообщение и я, не сомневаясь, что общественность Пакистана благоприятно воспримет весть о создании общества, так как много лет назад, когда Пакистан только образовался, мне посчастливилось почувствовать симпатию пакистанцев к СССР, услышать об их стремлении установить дружбу с советским народом.

В конце 1949 — начале 1950 г. делегация советских писателей в составе Н. С. Тихонова, А. Софронова, М. Турсун-заде и пишущего эти строки побывала в Пакистане.

На протяжении десятилетий эта страна, как многие колонии империалистов, для нас, советских людей, была закрыта железным занавесом колониализма. Когда рухнул этот занавес, освобожденные народы в первую очередь обратили свои взоры к СССР. Мы приехали в Пакистан, народ которого только что добился независимости. Общественная жизнь в стране бурлила. Это было время обновления, время новых надежд, новых устремлений. Мы видели и то, что отжило, мешало обществу идти вперед, и то новое, что нарождалось. Мы были около месяца в Пакистане. Конечно, это небольшой срок для изучения страны и жизни ее народа. Но то, что нам удалось увидеть и услышать за месяц поездки по Пакистану, произвело на всех нас неизгладимое впечатление (не случайно, что все члены делегации по возвращении написали по несколько повестей, путевых книг, поэм и стихов, рассказов и статей). Мы увидели и соприкоснулись с народом, только что обретшим свободу и независимость, с народом, устремленным в будущее.

Огромное впечатление произвело на нас страстное желание пакистанцев установить и расширить связи с СССР, желание дружить с советским народом. Всюду, где бывала делегация советских писателей, ее неизменно ждал теплый и радушный прием, всюду нас встречали как желанных гостей. «Да здравствует СССР!», «Да здравствует дружба народов СССР и Пакистана!» — эти слова мы слышали повсюду: на митингах, в домах рабочих, в беседах с интеллигенцией. Эти лозунги были написаны на полотнищах, нацарапаны на стенах в рабочих окраинах. Нас засыпали цветами и вопросами о жизни советских людей, о литературе, о Маяковском, о Москве. Приведу лишь один весьма характерный пример об интересе к нашей стране. Литературный критик Мумтаз рассказывал нам, что он и его друзья так страстно желают побывать в СССР, в Москве, что даже заучили названия многих московских улиц.

Знакомясь с жизнью народа Пакистана, нельзя было не обратить внимание на то, как велика его тяга к знаниям, как велико стремление быстрее покончить с без-

грамотностью — позорным наследием колониализма. И неслучайным был поэтому огромный интерес к работе съезда Ассоциации прогрессивных писателей Пакистана, пригласившей нас от имени широкой общественности. На заседания съезда приходили представители интеллигенции, студенты, рабочие. Ассоциация прогрессивных писателей и журналистов, созданная в 1935 г., внесла свой достойный вклад в дело освобождения страны от английского ига. С первых же дней своего создания она боролась за освобождение страны от колонизаторов, за сплочение прогрессивных сил, за реализм и народность в литературе с ясным сознанием своего высокого назначения, своего долга служить народу. Поэтому-то так велик был интерес общественности к писательскому съезду и так крепко сдружились с первого дня знакомства и мы, советские писатели, со многими пакистанскими поэтами и писателями. Задушевные и сердечные были наши беседы и встречи.

С тех пор прошло 15 лет и каждый из участников той поездки объехал много стран, но встречаясь, в первую очередь вспоминаем нашу поездку в Пакистан. Все эти годы мы всегда с волнением следили за жизнью пакистанского народа, творчеством и судьбой своих пакистанских друзей и, в первую очередь, за судьбой замечательного, обаятельнейшего человека, талантливейшего поэта Файз Ахмад Файза, которого мы по-настоящему полюбили.

Мы были в Пакистане 15 лет назад, с тех пор многое изменилось в мире. Неузнаваемо изменился облик Азии и Африки. Мы видели тогда Пакистан, перед которым стоял нелегкий путь освобождения от тяжелого наследия, оставленного двухвековым колониальным господством. Многие сделано здесь за прошедшее время. Страна взялась за работу по преодолению нищеты, экономической отсталости, безграмотности, болезней. Пакистану еще предстоит трудный, очень трудный путь, но этот путь избран его народом. И мы не сомневаемся, что у талантливого, трудолюбивого пакистанского народа достаточно сил, у него есть вера в будущее, и он справится со стоящими перед ним задачами. Мы желаем народу Пакистана новых успехов в развитии национальной экономики и культуры. Народы наших стран протягивают друг другу руку дружбы. И этой дружбе крепнуть!

1965 г.

[УЧИТЕЛЬ]

Мне скоро семьдесят. По роду занятий я писатель, но до сих пор чувствую себя учителем, потому что сознательную свою деятельность начинал в школах, созданных в Узбекистане в первые годы Советской власти.

Ойбек қаламқаш дўстлари Фафур Фулом ва Абдулла Қаҳҳор билан. 1951 йил.

1 октября вся наша семья будет отмечать наш общий праздник. Я не оговорился: моя жена, сын, дочери стали педагогами. Но в День учителя сядут за праздничные столы миллионы людей других профессий, потому что

они тоже считают этот день своим. Учитель — главная на земле профессия. Не будь его, не было бы ни физиков, ни лириков. Некому было бы возводить дома и строить корабли, управлять самолетами и решать сложнейшие проблемы современной политики. В школе — истоки всех профессий.

Я давно уже поседел. За долгие годы жизни написал много книг. Но я всегда преклонялся и буду преклоняться перед теми, кто учил азбуке моего сына, дочерей, внуков. Я сердечно признателен учителю — первооткрывателю человеческой души, первопроходцу, пролагающему путь в будущее.

Земной поклон тебе, учитель!

1967 г.

НИЗКИЙ ПОКЛОН

Мы уже привыкли к сверхзвуковым и даже космическим скоростям. И если самолет Москва — Ташкент лишь на 15—20 минут дольше, чем указано в расписании, задержится в воздухе, начинаем нервничать. Но нередко бывает и так: «Неужели я уже в Ташкенте? — невольно спрашиваешь себя. — Ведь только что спускался в лифте гостиницы «Москва». Потом посмотришь вокруг, увидишь родные лица, знакомые улицы, дома, убедишься, что действительно стоишь на ташкентской земле, и, улыбнувшись, зашагаешь дальше...

Нечто подобное происходит со мной, когда в часы раздумий я мысленно оглядываюсь на пройденный моим народом путь за пятьдесят советских лет или остаюсь один на один со своими героями в рабочем кабинете.

Еще ребенком я знал многих из них, героев романа «Великий путь», над которым сейчас работаю. Простые дехкане и рабочие-кустари, люди на редкость трудолюбивые, честные, задушевные, они до боли симпатичны мне. Нелегкими оказались их жизненные дороги, как и судьбы всего угнетенного в прошлом народа, обреченного на темноту и невежество. Лишенный материальных благ, узбекский народ был отстранен и от тех ценностей, которые веками создавались гением его сыновей — мыслителями и художниками. Одно из благороднейших свершений Октября в том и состоит, что он вернул народу его великие духовные сокровища, открыл ему путь к знанию, культуре, искусству.

В дни моего детства даже окончившие медресе — высшее духовное училище — имели самое смутное представление о бессмертных творениях Алишера Навои и Бабура, Мукими или Фурката. Я уже не говорю о заме-

чательных научных трудах Хорезми, Авиценны, Бируни, Улугбека. Европейски образованных медиков или инженеров во всем Узбекистане можно было сосчитать по пальцам. Помню, отец рассказывал, как в 1912 или 1913 году возвращался на родину первый врач-узбек, обучавшийся в Берлине. Встречать его вышел весь так называемый просвещенный Ташкент, представители нарождавшейся национальной буржуазии. На вокзале был выстроен чуть ли не почетный караул, играл оркестр...

Феодално-деспотическая власть невежественных ханов и царское самодержавие делали все, чтобы убить извечную тягу людей труда к свету знаний. Но это стремление никогда не умирало. Свидетельство тому — небывалый в истории духовный взлет моего народа после Великого Октября, освободившего узбеков от всех оков.

Помню начало двадцатых годов. Голод. Холод. Разруха. В отдельных кишлаках все еще гремят выстрелы... А тысячи молодых людей в рваных халатах, с хурджунами на плечах, в которых было несколько черствых ячменных лепешек, шли в города на учебу. С каким неистовым упорством преодолевали эти люди, вчерашние дехкане, кустари, свою неграмотность. С какой жадностью и упоением брались они за работы Ленина. То, что предыдущим поколениям удавалось взять от науки за год, надо было вырвать теперь за какие-нибудь недели! Прошло несколько лет, и родились собственные, выдвинувшиеся из среды тех же дехкан и рабочих профессора, талантливые революционные поэты, прекрасные актеры. Поистине это было чудо. И такое чудо мог совершить только народ, получивший подлинную свободу.

Сегодня даже тех иностранцев, которые приезжают в Страну Советов с предвзятым отношением, со скептической ухмылкой, поражают наша могучая экономическая поступь, богатство и глубина духовной жизни узбекского народа, широта его научных и культурных запросов, его образованность и интеллигентность.

Как самые почетные гости в дома моих земляков вошли Пушкин и Байрон, Л. Толстой и Бальзак, Горький и Хемингуэй... Вместе с Навои и Бабуром, Бируни и Авиценной они стали желанными собеседниками, мудрыми наставниками узбеков. А главное — все это уже никого, кроме разве иностранных туристов, не удивляет:

настолько прочно новое вошло в наш быт и сознание. И если я иногда в часы работы над рукописью или присутствуя на защите докторской диссертации женщиной-узбечкой с радостным изумлением оглянусь на минуту назад, то происходит это потому, что слишком разителен контраст между тем, что я вижу наяву, и тем, что сохранилось в памяти.

И хочется низко поклониться великому советскому народу, совершившему первую в мире социалистическую революцию, хочется поставить памятник моим простым, мужественным героям, которые вместе с русскими рабочими и крестьянами завоевали нашу свободу.

1967 г.

АДАБИЁТШУНОСЛИК

[ПУШКИН И УЗБЕКИСТАН]

Узбекистан, бывшая царская колония, экономически и культурно отсталая страна, под руководством большевистской партии, благодаря величайшим завоеваниям Октябрьской революции и проведению ленинской национальной политики, стала передовой цветущей республикой нашего многонационального Советского Союза.

Велики исторические победы трудящихся Узбекистана, передовиков социалистического хозяйства, стахановцев хлопковых полей и промышленных предприятий. Вместе с ростом изобилия расцветает культура узбекского народа, растут культурные потребности масс. Одним из показателей роста культуры народа является тот огромный интерес, который трудящиеся Узбекистана проявляют к различным формам искусства, в частности, к художественной литературе.

За последние годы узбекская советская художественная литература достигла значительного мастерства, стала давать зрелые произведения. Наряду с созданием оригинальных художественных произведений (романов, повестей, поэм, стихов и др.), узбекские писатели изучают и переводят лучшие произведения крупнейших мастеров русской и мировой художественной литературы.

До Октябрьской революции литераторы Узбекистана, поэты и прозаики, благодаря историческим условиям и культурным традициям связанные со странами Востока, переводили на родной язык лучшие произведения литератур этих народов: «Шах-намэ» Фирдоуси, «Гулистан» Саади, с арабского «Тысячу и одну ночь», с индийского «Калиля и Димну» и «Джанг-намэ» — героический арабский эпос. В эпоху Тимура и Тимуридов, в XIV—XVI столетиях, великие поэты — Навои, Лутфи, Бабур и другие создали лучшие образцы узбекской литературы. Они перевели все лучшее, что было в великой поэзии Ирана.

А литературы народов Запада и русская литература для узбекского народа оставались сокрытыми за семью печатями.

Только после Великой Октябрьской революции трудящиеся Узбекистана впервые получили возможность осваивать лучшие творения западной и русской литературы, впервые на их родном языке зазвучали Шекспир, Шиллер, Гете, Толстой, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Гоголь, Чехов, Горький и другие. Узбекские читатели читают и перечитывают на своем родном языке ставшие родными произведения Маяковского, Шолохова, Фадеева, Серафимовича, Безыменского и др.

Среди переводов с русского языка первое, почетное место занимает творчество гениального поэта великого русского народа А. С. Пушкина. Переводы пушкинских произведений стали осуществляться не только в связи со столетием со дня его гибели. Ряд его произведений появился на узбекском языке задолго до начала подготовки к пушкинскому юбилею. Но, тем не менее, только со времени подготовки к юбилею творчество Пушкина стало по-настоящему широко популяризоваться среди трудящихся всего Узбекистана.

Глубокий интерес узбекского народа к творчеству Пушкина объясняется интернациональной широтой его тематики, подлинным гуманизмом содержания его произведений, богатством человеческих дум и чувств, солнечным оптимизмом, внутренне согревающим каждую его строку, предельной простотой и изяществом формы его стиха. Все народы необъятного Советского Союза близко к сердцу принимают вдохновенные творения русского народного поэта.

Для переводов пушкинских произведений были привлечены лучшие силы узбекских поэтов и прозаиков. Переведены следующие произведения: «Евгений Онегин», «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан». Мы ставим перед собой задачу дальнейшего углубленного изучения многогранного гения А. С. Пушкина и перевода всех его произведений. В ближайшие годы трудящиеся Узбекистана будут читать на своем родном языке полное собрание сочинений великого поэта великого русского народа Александра Сергеевича Пушкина!

1937 г.

О ТВОРЧЕСТВЕ МАЯКОВСКОГО

Маяковский как поэт представляет собой совершенно новое явление не только в русской, но и во всей мировой литературе. Творения, созданные гениальным поэтом, совершенно отличаются от поэзии старого мира так же, как наша советская действительность отличается от старой. Без преувеличения можно сказать, что Маяковский совершил настоящую революцию в старом поэтическом мире.

В то время, когда Маяковский проводил первые смелые опыты над поэтическим материалом, русская буржуазная поэзия находилась в тупике. В ней господствовала мистика, мотивы потустороннего, страха перед надвигающейся социальной бурей, бегства от реальной жизни и от всего того, что напоминало об обреченности буржуазно-помещичьего бытия.

В эпоху поэтического бессилия, идейной растерянности, туманно-нежной символики разразился мощный голос Маяковского, человека, который имел величайшее поэтическое дарование.

Дореволюционное творчество Маяковского показывает, что он с первых шагов питал глубокую ненависть к буржуазному строю, господству торгашей и дармоедов, миру гнета и насилия.

Этот важный момент, конечно, обусловлен социальными условиями.

На психологию Владимира Маяковского оказало большое влияние растущее революционное движение эпохи. Он видел героическую борьбу кавказских революционеров с самодержавием.

В 1905 г. Маяковский, двенадцатилетний ученик гимназии, горячо реагировал на революционные собы-

тия. Он много читает революционной литературы. В 1908 г. он уже в рядах большевистской партии, работает пропагандистом, несколько раз подвергается аресту. Одиннадцать месяцев Маяковский просидел в одиночке. По выходе из тюрьмы он поступает в школу живописи. В это время он совместно с Бурлюком, Хлебниковым, Каменским и другими организует группу кубо-футуристов. Маяковский увлекается идеей создания нового искусства. Первое футуристическое произведение Маяковского написано в 1912 году. Сам Маяковский и его группа борются против буржуазной поэзии, против символистов.

Даже в этот ранний период Маяковский не ограничивает себя формалистскими исканиями, свои формально-стилистические искания он стремится подчинить идейному замыслу стихотворения. Основная тема, которую поэт разрабатывал до революции, — «задавленный капитализмом человек. Капитализм — это «злото-ворот», его законы бесчеловечны, он уродует, угнетает личность. Поэт видит алчную душу капитала, но для Маяковского еще нет той реальной силы, которая способна опрокинуть господство капитала. Отсюда пессимизм, растерянность. В поэме «Облако в штанах», написанной в 1915 г., мы слышим вопль человека, до боли чувствующего на себе тяжесть веков, стремящегося вырваться из оков старого мира. Эта поэма полна жгучей ненависти к капитализму, ко всем дряхлым условностям, которые убивают достоинство человека. В этой поэме Маяковский большой, вполне созревший поэт. Но в идейном отношении он еще не крепок, не монолитен, может быть он крепок и монолитен по-своему, но бунтарски, индивидуалистически. У Маяковского еще нет той ясности цели, той твердой, определенной идейной установки, которыми характеризуется все его творчество после революции. Но и в этой поэме протестующего бунтаря-одиночки мы видим, как острый глаз поэта видит надвигающуюся революцию:

Я,
осмеянный у сегодняшнего племени,
как длинный
скабрзный анекдот,
Вижу идущего через горы времени,
которого не видит никто.

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год.

Но великая революция еще не историческая неизбежность, не осознанная цель, которую осуществляет большевистски организованный пролетариат, она только предчувствие, мечта. Маяковский еще не призывает массы к борьбе и не знает пути освобождения угнетенного, обездоленного человечества.

Художественные достоинства «Облака в штанах» неопенимы. Эта поэма является одной из высочайших вершин не только русской, но и всей мировой поэзии. В ней каждая строка горит огромным пламенем великой души, каждое слово имеет потрясающую силу воздействия. В ней поэтический образ не только оригинален в обычном смысле этого слова, но и исчерпал уже всю силу, ему присущую.

Тело твое
я буду беречь и любить,
как солдат,
обрубленный войною,
ненужный,
ничей,
бережет свою единственную ногу.

Или:

Каждое слово,
даже шутка,
которые изрыгает обгорающим ртом он,
выбрасывается, как голая проститутка
из горящего публичного дома.

Или:

От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых
в столетия слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко растопыренный глаз.

Другое крупное произведение, написанное в 1916 году, в разгар империалистической войны — это «Война и мир». В этом произведении поэт не только протестует против мировой бойни, но клеймит свору империалистов, организаторов этой безумной, бесчеловечной бойни.

В атмосфере безумного, озверелого шовинизма, в период, когда вся буржуазия и зависимая от нее печать и литература кричали о победе, о «национальной чести», о выполнении «священного» долга перед отечеством, проповедовали ненависть к другим народам, в этот период Маяковский нашел в себе мужество разоблачать эту буржуазную ложь. Он сумел возвысить голос правды:

Сегодня ликую!
Не разбрызгав,
душу
сумел,
сумел донести.
Единственный человек,
Средь воя,
Средь визга,
голос
подъемлю днесь.

Если буржуазная литература всех воюющих стран идеализировала войну, организованную империалистами в своих грязных целях, то Маяковский смелой, правдивой кистью великого художника изображает ужасающие картины этой войны:

Нерон!
Здравствуй!
Хочешь?
Зрелище величайшего театра.
Сегодня
бьются
государством в государство
16 отборных гладиаторов.
Куда легендам о бойнях Цезарей
перед былью,
Которая теперь была!...
Сегодня
за ревом в земную плешь она,
кровавая толп ропот,
в небо
люстрой подвешена
Целая зажженная Европа.

Или:

Батарен добела раскалили жару.
Прыгают по трупам городов и сел
Медными мордами жрут
всё.
«Война!
Довольно!
Уйми ты их!

Уже на земле голо́»...
Пятый день,
в простреленной голове,
Поезда выкручивают за изгибом изгиб.
В гниющем вагоне
на сорок человек
четыре ноги.

Маяковский правильно понимал сущность империалистической войны, он вскрывает всю фальшивость буржуазного патриотизма:

Никто не просил,
чтоб была победа
родине начертанз.
Безрукому огрызку кровавого обеда
На черта она?!

«Война и мир» — произведение огромной социальной значимости. Поэт всю злобу, всю ненависть своего сердца направляет на буржуазный строй, при котором неизбежна война — это «балет скелетов». Маяковский питает глубокую симпатию к человеку, страдает за судьбу миллионов рабочих и крестьян в солдатских шинелях. «Война и мир» приобретает особое значение в наши дни, когда империалистические государства снова бросают миллионы людей на кровавый пир смерти, прикрывая хищнические цели капитала насквозь лживыми разговорами о «чести» и «демократии», о родине и патриотизме.

Маяковский свой огромный редкий талант разворачивает после победы великой социалистической революции. Поэт принимает революцию без малейшего колебания, твердо и бесповоротно. Революция была его стихия. Октябрь принес тот мир, который поэт искал в туманных мечтах. Маяковский, окрепший теперь в идейном, политическом отношениях, чувствует под ногами гранит революции, он видит перед собой ясные цели, величавые контуры грядущего, чувствует мощное биение новой истории. Его охватывает море идей и событий, свежих, не тронутых еще кистью художника. Маяковский весь свой талант, всю энергию отдает делу рабочего класса, делу коммунизма. Он чувствует себя слитым с революцией, с пролетариатом, с его авангардом — Коммунистической партией Ленина.

Революция поставила перед поэтом новые задачи. Она требовала от поэта активной помощи художествен-

ным словом. Маяковский развивает бурную поэтическую деятельность. Он создает огромное количество агитационных стихотворений, рисует плакаты, пишет надписи к плакатам, пишет политические лозунги, рифмованные, легко запоминающиеся.

Пишет рекламы для советских торгующих организаций: «Нигде кроме, как в Моссельпроме», он создает книжки для детей («Прочти и катай в Париж и Китай» и др.). Маяковский создает ряд пьес («Мистерия-буфф», «Клоп», «Баня»). Пишет сценарий для кино, для цирка.

Язык произведений Маяковского очень близок к разговорному языку широких масс. Все слова и термины, рожденные социалистической революцией, использовал Маяковский в своем творчестве.

Язык его поэзии богат, красочен, выразителен. Его образы, картины новы, яркие, выразительны, остро отточены. Своей работой Маяковский обновил, обогатил всю систему поэтических выражений.

Творчество Маяковского принимает новые черты, делающие его творение во всех отношениях монолитным. Вместо бунтаря-индивидуалиста мы теперь видим сознательного политического борца, вместо «я» видим коллектив — миллионы, вместо протеста против старого, вместо крика души, вопля одиночки — отрицание старого и утверждение нового и борьбу за укрепление этого нового, рожденного революцией; вместо пессимизма революционный оптимизм. Революция, строительство новой жизни требуют от поэта громадной активности. Он неутомимо, с искренностью великого поэта, с любовью пишет на злобу дня. Поэзия превращается в острое орудие политической агитации. Вопросы актуальные, вопросы, волнующие миллионы, становятся основной, любимой темой его поэзии. «Социальный заказ», «целевая установка» в поэтическом творчестве выдвигаются на первый план. «Тенденциозность», которую эстеты всех времен объявили врагом подлинного искусства, Маяковский превращает в основное, решающее условие поэзии.

«Поэзия начинается там, где есть тенденция» — пишет Маяковский. Для поэта теперь нет высоких и малых тем. Важно, чтобы тема была нужная, отвечала

на запросы дня, чтобы она помогала рабочему классу в его борьбе за новую, счастливую жизнь.

Маяковский поднимает политическую поэзию на новую ступень, создает прекрасные ее образцы, обосновывает и отстаивает ее и теоретически. В политической поэзии талант Маяковского находит наиболее адекватную себе форму. В произведениях на злобу дня поэт проявляет изумительное мастерство. Маяковский умел подходить к обыкновенным, к «непоэтичным» событиям, но самое главное и характерное для его творческой деятельности то, что он умел найти в этих обыкновенных событиях основное, общее, имеющее отношение к жизни целой страны; вследствие чего он создавал из них произведения большой художественной законченности, произведения большой искренности и ответственности. «Левый марш», «Товарищу Нетте», цикл стихов о загранице, «Стихи о советском паспорте», стихи об индустриализации, о комсомоле и множество других являются образцами большой, подлинной поэзии.

У Маяковского большая любовь к рабочему классу, к его партии. Он глубоко верит этому классу. Он умел разговаривать со своим классом как брат с братом. Маяковский в своих произведениях часто обращается к рабочему классу и с гордостью заявляет о своей готовности служить ему:

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс.

Маяковский был великим советским патриотом. Он гордился своей социалистической Родиной:

Я хотел бы
жить и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли —
Москва.

Я полпред стиха —
и я
с моей страной
Вашим штатишкам
бросаю вызов.

Путешествуя за границей, этот «полпред стиха» гордится своим паспортом, советский паспорт превращается в великий символ нового мира:

Я
достаю
из широких штанин
дубликатом
бесценного груза.
Читайте,
завидуйте,
я —
гражданин
Советского Союза.

В поэме «Хорошо» поэт с изумительной силой описывая суровую жизнь и огромный революционный энтузиазм масс в период гражданской войны в нашей стране, противопоставляет «нищую» страну «сытенькой» буржуазной Америке и гордо заявляет:

За тучей
берегом
лежит Америка.
Лежала,
лакала
кофе,
какао.
В лицо вам,
толще
свинных причуд,
круглей
ресторанных блюд,
из нищей
нашей
земли
кричу:
Я
землю
эту
люблю.
Можно
забыть,
где и когда
пузы растил
и зобы,
но землю,
с которой
вдвоем голодал,
нельзя
никогда
забыть!

В другом месте этой поэмы мы читаем ту же любовь к родине:

Отечество
 славлю,
 которое есть,
Но трижды —
 которое будет.
Я
 планов наших
 люблю громадьё,
размаха
 шаги саженьи.
Я радуюсь
 маршу,
 которым идем
в работу
 и в сраженья.

Маяковский жил одной жизнью с рабочим классом, с партией, с революцией и родиной. В этом сила поэта, сила его творчества. Без такой любви, без такой искренности он не мог бы стать настоящим певцом революции, выразителем ее содержания и стремления.

После революции Маяковский создает ряд крупных произведений — поэм. Это «150000000», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо» и др. Поэма «Владимир Ильич Ленин» — это первая смелая попытка создать образ великого вождя пролетарской революции Владимира Ильича Ленина. Это трудная, ответственная тема. Еще художники будущих времен будут писать об этом гениальнейшем, по выражению поэта, «о самом человеческом человеке», но на данном этапе мы можем сказать, что поэма Маяковского является одним из лучших произведений советской поэзии. До сих пор мы не имеем другого произведения, в котором образ вождя полнее и глубже, чем у Маяковского.

Маяковский, так глубоко своим огромным сердцем художника любивший Ленина и все ленинское, сумел найти нужные черты. Эти черты смелы, верны, многозначительны, они правдиво выражают величие образа. Маяковский стремился сохранить в фигуре величайшего гения человечества, поистине легендарного вождя всемирного пролетариата, настоящего земного человека.

Ленин колоссально велик.

Он
в черепе
сотней губерний ворочал,
людей
носил
до миллиардов полутора.

Здесь
каждая башня
Ленина слышала,
за ним
пошла бы
в огонь и в дым.

Но вместе с тем, Ленин:

меж равными
был первейший
по силе воли,
ума рычагам.

Даже больше того:

Что он сделал?
кто он
и откуда?
этот
самый человеческий человек

Нет!
Сегодня
настоящей болью,
сердце холодей.

Мы
хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.

Ленин не вне истории. Он жил, работал, руководил в условиях жесточайшей борьбы классов. У Ленина есть «старший брат», как говорит поэт, Маркс, который «раскрыл истории законы».

Маяковский нарисовал образ Ленина в теснейшей связи с Коммунистической партией, которую он создал, с пролетариатом, который он вел в битву. В поэме Маяковского Ленин, партия и рабочий класс органически слиты, они составляют единую силу:

Партия —
спинной хребет рабочего класса.
Партия —
бессмертие нашего дела...

Мозг класса,
 дело класса
 сила класса,
 слава класса —
 вот что такое партия.

Партия и Ленин —
 близнецы-братья,—
 кто более
 матери-истории ценен?

Мы говорим — Ленин,
 подразумеваем —
 партия,

Мы говорим —
 партия,
 подразумеваем —
 Ленин.

В поэме ярко выражена сила пролетариата и его партии, их воля к победе.

Но смерть Ленина — величайшая утрата для трудящихся масс всего мира. Маяковский до боли чувствует это горе, и он, великий оптимист класса, скорбит вместе со всей страной. Эта скорбь поэта принимает космический характер и выражена в поэме с исключительной силой и искренностью.

Этот год
 видал,
 чего не взвидят сто.

День
 векам
 войдет
 в тоскливое преданье...

Вплывали
 ночи
 на спинах дней,
 часы меняя,
 путая даты.

Как будто
 не ночь
 и не звезды на ней,
 а плачут
 над Лениным
 негры из Штатов...

Остановись,
 движение и жизни!
 Поднявшие молот,
 стыньте на месте.

Земля, замри,
 ложись и лежи!
 Безмолвие.
 Путь величайший окончен.

Однако в этой глубокой печали Маяковского нет чувства безвыходности. Поэт знает, что дело Ленина бессмертно, что оно находится в надежных руках. Тысячи раз прав поэт, писавший эти строки:

Напрасно
 кулак Европы задран.
Кроем их грохотом.
 Назад!
 Не смей!

Стала
 величайшим
 коммунистом-организатором
даже
 сама
 Ильичева смерть.

В поэме «150 000 000» Маяковский стремится дать грандиозную картину борьбы двух миров, двух систем: социализма и капитализма. Несмотря на схематичность и плакатность, которые отчасти вызваны гиперболизмом художественного метода, в этой поэме с исключительной силой показаны героизм и пафос грядущей освободительной войны. Новый мир, мир социализма воплощен в образе Ивана, а капитализм — в фигуре Вильсона. Иван — это народы нашей страны, он поднимается, чтобы выполнить свою всемирно-историческую миссию — освободить народы от оков мирового капитала. И Иван выполнит возложенную на него историей задачу. В этом «чемпионате всемирной классовой борьбы» победил пролетариат. Значение этого произведения — в глубокой вере в могущественную силу Ивана и в неизбежность гибели капитализма.

Поэма «Хорошо» — произведение величайшей силы. Поэма является образцом социалистического реализма. В первых главах поэт разоблачает гнусные действия временного правительства. Он срывает маски, оголяет всех этих керенских, мялюковых, меньшевиков и предателей всех мастей. В этой части поэмы картина закончена, люди и события даны с исчерпывающей реалистичностью и тонкой, острой сатирой. Вот что говорили предатели:

Нет,
 я не за монархию
 с коронами,
 с орламц,

Но для социализма
 нужен базис.
 Сначала демократия,
 потом
 парламент.
 Культура нужна. А мы —
 Азия-с!
 Я даже —
 социалист. Но не граблю,
 не жгу.
 Разве можно сразу?
 Конечно, нет!

Кроме того, Маяковский в ряде картин, изумительных по своей свежести, яркости, художественной законченности, показывает октябрьские бои в Петрограде. Некоторые главы посвящены отображению суровой, но полной невиданного в истории героизма, жизни эпохи гражданской войны. Идея поэмы «Хорошо» — это утверждение той счастливой, свободной жизни, которую пролетариат завоевал в ожесточенных боях с врагами, поэтическое оформление той огромной радости, которую дала нам новая жизнь — социализм. Пролетариат, раньше ничем не обладавший, теперь, в результате победы Октября, стал хозяином всего. Этому Маяковский радуется и наполняет сердце читателей этой радостью:

Вьется
 улица-змея.
 Дома
 вдоль вьси.
 Улица —
 моя.
 Дома —
 мои...

Никогда
 не было
 так
 хорошо!
 Тучи-
 кочки
 переплывли летчики.
 Это
 летчики мои...

 Хорошо.
 Полки

идут
у меня на виду.
Барабану
в бока
бьют
войска.
Нога
крепка,
голова
высока.

...Пыши,
машина,
шибче-ка,
во век чтоб
не смолкла,—
побольше
ситчика
моим
комсомолкам....

Жизнь прекрасна
и
удивительна.
Лет до ста
расти
нам
без старости.

Маяковский был новатором. Этим качеством отличаются в той или иной степени все крупные поэты. Но новаторство Маяковского шире и глубже, ибо он является представителем новых начал в поэзии. До поэзии Маяковского многие принципы старой эстетики считались незыблемыми. Конечно, были поэты, которые стремились создать совершенно новую поэзию. Но одни из них оказались непоследовательными, другие ограничили область стилистики. Создавались разные школы и направления с целыми философскими комментариями. Однако новой, качественно отличной поэзии не было. Ее можно было создать только в иных общественных условиях. Маяковский создал новое, положительное, великое в искусстве потому, что он жил и творил в стране социализма, где сама революционная эпоха дала поэту материалы и мысли для формирования новой поэзии. Высокая принципиальность, большевистская выдержанность, глубокая связь с действительностью, с массами, революционная страстность — вот что характерно для творчества Маяковского. Для Мая-

ковского художественное слово есть острое оружие в борьбе с врагами, в борьбе за создание коммунизма. Он наиболее полно отразил мысли, стремления и задачи нашей эпохи.

Советская поэзия, конечно, имеет бесконечные перспективы. Она все больше и больше будет обогащаться новыми ценностями. Но является великой истиной то, что Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи.

Маяковский в корне изменил структуру стиха. Ямбы, хорей не годились для нового поэтического материала. Он пишет, что «революция выбросила на улицу корявый говор миллионов, жаргон окраин полился через центральные проспекты».

Перед поэтом вставала задача, как ввести разговорный язык в поэзию и как вывести поэзию из этих разговоров? «Стихи должны отражать грохот революции, должны быть рассчитаны на декламацию. Сразу дать все права гражданства новому языку: выкрику — вместо напева, грохоту барабана — вместо колыбельной песни».

Маяковский, исходя из своих принципов, работает над созданием нового стиха, он разрушает старые каноны.

В своей работе над стихом Маяковский особенно большое значение придает ритму. Он пишет: «Ритм — это основная сила, основная энергия стиха». В своей творческой практике Маяковский стремился максимально использовать эту энергию. Слова у него расположены лесенкой не только для того, чтобы ярче оттенить смысл, но и для усиления ритма. С этой же целью он часто делит слова на составные ритмические части. Маяковский придавал большое значение и рифме. Он пишет: «Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе». Но он в своей практике был очень строг к подбору рифм. Он не только избежал шаблоны, но избежал «чересчур полные и чересчур прозрачные рифмы». Он искал новых, неожиданных рифм.

Ограничить новаторство Маяковского областью стилистики, формы, мистических исканий — нельзя. Маяковский является новатором по всему своему жизне-

ощущению, он умел по-своему видеть вещи и по-своему выразить их посредством образов.

Поэзия Маяковского имеет колоссальное значение не только в нашей, но и во всей мировой литературе. Его произведения являются верным оружием в руках трудящихся масс в их борьбе за освобождение от рабства, от гнета капитала. Теперь пишут о том, как многие поэты Европы, Америки и других стран, работая над его творчеством, под непосредственным влиянием его поэзии, перестраивают свои творческие методы. Но это еще начало. Творчество Маяковского станет достоянием трудящихся масс всего мира. Его поэзия, как мощная симфония первой величайшей в истории социалистической революции, войдет в вечность. Читая бессмертные творения великого советского поэта, грядущие поколения будут больше любить, высоко ценить ту свободу, ту счастливую жизнь, которая завоевана их отцами в героической борьбе.

1940 г.

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ НАВОИ

Алишер Навои не только великий художник слова, бессмертные произведения которого вошли в золотой фонд мировой литературы, но и глубокий мыслитель. Творчество Навои проникнуто философским содержанием; идейная насыщенность придает его произведениям огромную силу и ставит поэта в ряды гениев мировой художественной литературы.

В эпоху Навои в литературе господствовал формализм. Поэты мало заботились о содержании своих произведений; главным в произведениях считался внешний блеск — игра слов и разные словесные ухищрения. Талантливость автора, художественное достоинство его произведений оценивались с точки зрения литературной формы. Борясь за внедрение в литературу родного языка, который иранизированная феодальная аристократия считала грубым языком кочевников, Навои выступает также и против господствующего в литературе увлечения формой. Главным в поэзии для него является не форма, а содержание: «Какова бы ни была форма, основным ядром поэзии является мысль. Поэзия, которой чужд смысл, не может считаться прекрасной». Выдвигая этот основной принцип, утверждающий в поэзии главенство идеи, Навои стремился к обогащению литературы новыми идеями и образами, боролся за освобождение литературного потока от сковывающих его льдин. Его поэмы, его лирика поражают читателя богатством идей и образов.

Навои — художник мысли, однако в его поэтическом творчестве отсутствует дидактика. Дидактик, выражая те или иные мысли в поэтической форме, использует эту форму лишь для проповеди своих идей. Задачи поэ-

тические здесь отступают на второй план. Не таков Навои. О чем бы ни рассуждал Навои — о любви ли, дружбе, справедливости, о вопросах прогресса, науки, — он всегда остается поэтом. Навои — мыслитель, говорящий живым вдохновенным языком поэзии. Идеи Навои всегда воплощены в сверкающие образы; они как бы вырастают в движение самих образов, становятся душой и телом их, придают им полнокровную жизненность и художественную законченность.

Поэзия и философия в произведениях Навои соединяются органически. В основе каждой поэмы Навои лежат всеобъемлющие идеи, над которыми работали, за которые боролись светлые умы всех времен.

Есть определенный круг вопросов, к которым Навои постоянно возвращается и в газелях, и в поэмах. Это — вопросы о сущности бога и мира, о конечной истине, о познавательной способности человеческого разума, вопросы религии и этики. Изучение этих вопросов и их разрешение в произведениях Навои очень важно как для определения мировоззрения великого поэта, так и для изучения и критического усвоения большого поэтического наследства, которое, спустя пять веков, стало достоянием народов страны социализма.

Перед нами прежде всего встает вопрос о том, какое решение получает у Навои вековая философская проблема — вопрос о сущности божества. Высказывания поэта по этому вопросу разноречивы. В своих произведениях он то прибегает к онтологическому доказательству бытия бога, описывая «мудрую гармонию» вселенной, то целиком разделяет точку зрения ислама и признает мусульманского бога. Бог изображается существом, находящимся над миром. Это всемогущая грозная сила, это мусульманский бог со всеми своими атрибутами.

Но у Навои есть и совершенно другое понимание бога. Согласно этому пониманию, бог перестает быть надмирной причиной или существом, находящимся вне вселенной. Он имманентен миру. Но этот часто повторяющийся в произведениях поэта образ бога слишком опоэтизирован и покрыт, к тому же, покровом мистики. «Ты не имел сперва начала, не будет тебе и конца. Этот мир был скрыт в тебе... Все моря находились в покое и тишине и не проявляли себя в волнах. Существовал

только ты один, не было других существ. Твоя красота только в тебе проявлялась. Фоном отражения твоей красоты служило небесное зеркало; в нем отражались небесные видения. Ты сам был зрителем, и ты сам собой восхищался. Ты сам был горд своей любовью и красотой. Было единство, не было множества. Кроме единого, не было никого... Проявления твоей красоты не имели предела, им понадобилось бесконечное количество зеркал. Красота выявила этот пышный цветник, и каждый цветок — китайское зеркало твоей красоты» (из первой главы «Хамсы». Перевод подстрочный).

На первый взгляд кажется, что это своеобразное объяснение сотворения мира. Выходит как будто, что бог есть нечто вечное, абсолютно прекрасное, мир находится в самом боге в состоянии покоя, образуя, так сказать, его содержание, потом мир возникает в качестве бесконечных «зеркал» для отражения совершенной красоты бога. Но ведь вопрос в том и состоит, что у Навои бог и мир не существуют отдельно. Тут нет бога как могущественного существа, находящегося над миром, за пределами «девяти небес», в каком-то воображаемом пространстве, как это проповедуют представители разных религий. В понимании Навои бог есть мир, он воплощен во всем мировом. Таким образом, у Навои дуализм бога и мира преодолеваются. Этот свой пантеизм поэт очень ярко выражает в следующих строках: «Существуешь только ты один, кроме тебя нет ничего. Если кто-нибудь есть, то оно ты». «То, что проявляется в каждой картине (в форме вещи) — это ты. Не только то, что проявляется, а сама картина — это ты». Отсюда видно, что бог действует не вне мира, а в самом мире, он растворен, воплощен во всех мировых вещах. Здесь Навои перекликается со Спинозой, материалистом XVII века, который говорит: «Все, что только существует в мире, существует в боге, и без бога ничто не может ни существовать, ни быть мыслимым». Конечно, в мировоззрениях этих философов имеется существенная разница. У философа-материалиста Спинозы бог совершенно теряет свои божественные качества, от него остается лишь одно название. У поэта Навои, который стремится не к строго логическому, а к образному мышлению, бог еще существует в природе как живая, прекрасная сила,

Для Навои бог мыслится как нечто, которое «скрывается в одеянии внешне выраженного», как нечто совершенное, которое «погубила его же собственная красота». Таким образом, поэт во всем видит выражение этой идеальной красоты, в каждом конечном видит выражение бесконечного: «На ланите розы соловей воспевает свои тайны; в пламени свечи бабочка горит за свою красоту». «Этот цветник — мир; в каждом цветке скрыт целый мир». Все изменения, происходящие в мире, объясняются действием божественной красоты и проявлением новых «зеркал». «Твоя красота в каждый миг принимает новый вид, для чего необходимо повторение зеркал».

Идея воплощения бога в мире является излюбленной темой поэта, ее он выражает самыми яркими красками во многих своих газелях и вступлениях к поэмам.

Со взглядами на сущность бога и природы тесно связано у Навои понимание религии. В вопросах веры поэт не последователен, его взгляды имеют явно двойственный характер. Как мусульманин, как визирь правоверного султана, он ставит ислам выше всех религий, считает его единственно истинной религией. Мухаммеду — «любимцу» мусульманского бога и его четырем первым халифам поэт посвящает целые оды. Но, когда Навои рассматривает религию как поэт-мыслитель, как передовой человек, свободный от религиозной нетерпимости своей среды, тогда у него исчезает религиозный фанатизм. Тогда все религиозные убеждения, включая и самые «варварские», приобретают в глазах поэта одинаковое значение, все грани стираются, ни одна религия не может претендовать на исключительную истинность: «Одного ты сделал идолопоклонником, преклоняющимся перед идолом, т. е. ты дал своей красоте в идоле проявиться, и этой красотой ты сделал идола гордым. Кто чтит солнце, поклоняется ему день и ночь, в сиянии твоего лица, как атом, вращается в его сфере; в лучах отражается твое лицо, оттого перед огнем язычник себя сжигает...»

Таким образом, в идоле, огне, в солнце, по взгляду Навои, выражается одна и та же сущность. Следовательно, представлять какую-либо одну религию истинной нельзя. Мир есть бог, во всем отражается лишь он.

Если человек поклоняется огню, то он видит и чтит в огне бога...

Можно ли, исходя из этого, из этих взглядов Навои, назвать его материалистом? Приводим определение материализма и идеализма, данное Энгельсом в его «Людвиге Фейербахе». Он пишет: «Великим, основным вопросом всякой, в особенности новейшей философии является вопрос об отношении мышления к бытию... Философы разделились на два больших лагеря, сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы, и которые, следовательно в конце концов признавали сотворение мира, в том или ином виде..., составили идеалистический лагерь. Те же, которые первичной считали природу, принадлежат к различным школам материализма»¹.

У Навои основным началом выступает не природа, а, как мы видели выше, некая абсолютная, опоэтизированная сила, которая для созерцания своей красоты открывает себя в мире. Слова Энгельса о том, что «...системы идеалистов все более и более наполнились материалистическим содержанием, стремясь пантеистически примирить противоположность духа и материи»², применимы и к философской позиции нашего поэта...

Навои признает объективный мир, но он мыслится им как бог. Он утверждает, что нет тела без души так же, как нет души без тела. Это, конечно, точка зрения не материалиста, а идеалиста-пантенста. Признавая объективность мира, Навои источником всех знаний считает наши органы чувств. «Все, что есть в мире, является предметом их (органов чувств) восприятия. У кого есть способность к восприятию, тот не сомневается в этом». Полученное через органы чувств передается, по образному выражению поэта, «предприятию человеческого мозга».

Подвергаясь здесь обработке, оно (полученное извне) переходит к высшей инстанции — «первоначальному хранителю сокровищ», т. е. духу. Этот дух окончательно классифицирует, отделяет нужное от ненужного.

¹ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах, 1934, с. 18.

² Там же, с. 20.

Таким образом, и здесь достигается гармония, согласованность духа и материи.

В эпоху Навои науки были в плену у теологии. Философия была служанкой религии, она должна была заниматься доказательством бытия бога обосновывать, охранять религиозные догмы. Естествознания, в современном смысле, еще не существовало. Тогдашняя химия, например, была чистой алхимией. Навои в своем произведении «Собрание изящных» дает интересные сведения об ученом Абдулкаххаре. «Его мечтой стала химия,— пишет Навои.— Затратив на это дело много средств, он ничего не мог получить. Причем, от долгого раздувания огня, под влиянием действия веществ, он потерял свой слух». В другом источнике есть рассказ, в котором Навои сообщает, как один шарлатан, выдав себя за иностранного ученого-химика, обманул самого царя султана Хусейна Байкару, обещав превратить медь в золото. Слово «кимьёгарчилик» (химическое ремесло) было неразрывно связано с понятием «золото».

Из всех известных точных наук наибольшее развитие получили в то время математика и астрономия. Но и эти науки после трагической гибели Улугбека больше не выдвигают на Востоке крупных имен.

Мусульманское духовенство во времена Навои бдительно охраняло «устои» учения Мухаммеда. Ученые подвергались жестоким преследованиям при малейшем подозрении, что их слова расходятся со «словом божьим».

Многие представители интеллигенции, не мирившиеся с цепями, которые накладывало на мышление мракобесие мулл, уходили в суфизм (тасаввуф), так как здесь они были более или менее защищены от притеснений всемогущего духовенства, мелочно-придирчивого в вопросах веры.

Представители суфизма считали себя людьми, вступившими на путь истины. Согласно суфийскому учению, человек должен отречься не только от всех благ жизни, но и от надежды на то, что после смерти увидит блаженство, которое бог приготовил для правоверных. Суфий должен заботиться о своем внутреннем духовном самоусовершенствовании с тем, чтобы, в конце концов, достигнуть такой степени совершенства, когда он смо-

жет непосредственно общаться с всевышним. Он должен жить созерцанием красоты и любовью к богу, не думая ни о чем. Суфизм был врагом науки и светского образования. Он выработал свою «науку», науку «богознания» (художунослик). Эта наука утверждала, что наивысшим знанием является признание себя невеждой перед могуществом бога, что человек должен не стремиться к познанию мира, а лишь удивляться мудрости творца.

Суфизм возник и имел большое распространение в странах мусульманского Востока, как реакция на ислам, который стал, по мнению последователей суфизма, слишком аристократическим, потеряв былую «простоту» и «демократичность». Суфизм на протяжении многих веков принимает, не изменяя основной своей сущности, разные формы, в зависимости от социально-экономических и политических условий тех стран, в которых он распространялся. Проповедуя отречение от всех благ мира ради божественной любви, объявляя все живое и жизненное бранным, идеализируя нищету и невежество, суфизм служил на пользу господствующим классам, отвлекая внимание трудящихся масс от их коренных материальных интересов.

Не всякий суфий обязан был носить грубую одежду дервиша и нищенствовать. Имели место разные степени приобщения к этому учению. В эпоху Навои суфизм пользовался огромным влиянием в высших аристократических кругах; многие высокопоставленные лица и известные поэты того времени считали себя суфиями, продолжая, однако, наслаждаться всеми благами мира. Даже султан Хусейн Байкара щеголял суфийской терминологией!

Для многих интеллигентных людей учение суфиев было той сферой, в которой они чувствовали некоторый простор своим мыслям. Излишняя строгость, узость, сухость догматики заставляли отдельных образованных людей искать убежища в суфизме. Пользуясь символической и тонким аллегорическим языком суфиев, можно было говорить, хотя и с опаской, о том, что с точки зрения официального ислама говорить было преступно. К этому способу чаще других прибегали поэты. Суфизм давал им возможность восхвалять вино, красоту жен-

щин, воспевать радости жизни, что с точки зрения ислама считалось несовместимым с истинной верой.

Многие старые авторы, писавшие о жизни Навои, склонны были видеть в поэте искреннего мистика, посвятившего свою жизнь «пути бедности и небытия» («фақир ва фано»). Такое утверждение противоречит жизни, духовному облику и всем идеалам великого поэта. Мы знаем, что Навои занимал высокие государственные должности, был одним из приближенных султана, до конца своей жизни принимал активное участие в делах управления страной. Он боролся и отстаивал свои политические взгляды. Благодаря глубокому пониманию нужд страны, большому личному авторитету, которым пользовался поэт среди широких масс, он очень много сделал для сохранения единства государственного организма, раздираемого внутренними и внешними противоречиями феодализма; он глубоко верил в созидательную силу науки, искусства, и, не щадя сил, боролся за их развитие. Суфизм был ярым врагом научного мышления,— для Навои же наука являлась силой, уничтожающей мракобесие. Он пишет в своей «Хамсе»: «Если существуют сотни тысяч невежеств и заблуждений, факел науки превращает их в пепел». Устами Фархада поэт прославляет человеческую мысль: «Все, что создало человечество, оно познало своим мышлением. С тех пор, как я вступил в науку,— нет трудностей, которых я не мог бы разрешить».

Навои способствовал развитию торговли и земледелия в своей стране. Он мечтал видеть жизнь богатой, радостной, дышащей светом любви и справедливости. Мечтой его жизни было увидеть материальное и культурное процветание народа. Поэт любил живой созидательный труд, в своих произведениях он восхвалял людей труда, людей, отличившихся в той или иной области творчества, людей, умеющих дерзать. Навои не был и не мог быть отшельником, дервишем, для которого не только все земное, жизненное, но и даже свое собственное тело является препятствием на пути общения с богом.

В Герате суфизм принял форму господствующей идеологии. И в творчестве Навои, особенно в его лирике, мы нередко встречаем суфийские настроения. Это объясняется, с одной стороны, влиянием эпохи, а с

другой, влиянием суфийской поэзии, которая с XII века начала развиваться в Персии и дала немало крупных поэтов, таких, как Фериддин Аттар, Хафиз и другие. Суфийская поэзия превращает грозного, стоящего над миром бога в нечто созерцаемое, осязаемое, близкое, имеющее идеальную красоту и тем самым дает ограниченной содержанием феодальной поэзии новые мотивы. В поэзию проникают, как это имеет место в лирике Навои, пантеистические идеи. У Навои в его произведении «Лисан-ут-тайр» («Язык птиц») мы читаем: «Знайте, что бог словно кровь в ваших членах, знайте, что он словно душа в различных телах».

Отождествляя бога с природой, Навои все же не выходит за пределы религиозного мышления. Однако в его произведениях мы встречаемся с глубокими сомнениями в истинности религии и бога. Приведем одну из философских газелей, в которой наиболее ярко и выукло выражены сомнения поэта:

«Отчего мне не быть в дружбе с вином,
когда печаль моих забот покушается на жизнь.
Взгляну на картину этого мира —
возрастает мое удивление от его созерцания.
Нет солнца, чтобы хоть частицу его сущности
могла бы понять моя мысль усердием своим.
Мне неизвестно, откуда я пришел и куда я уйду.
Вином он мне стал близким,
науки, приобретенные мною, не разрешили моих затруднений;
ни мои молитвы, ни воздержание не пришли мне на помощь.
Я беседовал со многими людьми.
Ни врач не излечил мою болезнь, ни шейх (глава ордена
суфиев.— А.)

не мог устранить этот мой недуг.
Цели я не достиг, хотя исполнял предписания пира
(наставника.— А.)

Мое удивление не могло отказаться от сомнений,
меня постиг тяжелый труд,
этой болезнью мое терпение разрушилось.
В трактир вошел я с разочарованием в душе;
для вина в моих руках сломанная глиняная посуда».
(«Чар-диван». Подстрочный перевод)

Поэта-мыслителя не могли удовлетворить ни религия, ни суфийская философия, ни наука на ее тогдашнем уровне. Ничто не давало ему ответа на вопросы, — в чем сущность бытия, где истина и т. д. Поэт разочарован, он перестает верить в истинность религиозного учения и находящейся целиком под его влиянием науки.

Суфий должен жить созерцанием божественной красоты мира, для правоверного мусульманина истинность творца неоспорима, для него все объясняется очень просто — всемогуществом «создателя». А Навои страстно ищет, он желает познать сущность мира, познать истину. В конечном счете он приходит к горькому выводу, что сущность мира, истина недоступна человеческому сознанию: «То, что должно быть познано, не легко познать; оно не только не легко, но и невозможно».

Опасаясь быть уличенным в богохульстве, Навои не мог открыто высказывать свои философские взгляды. Он был вынужден вуалировать свои мысли, облекать их в суфийские термины. Иногда, высказав идеи, идущие против ислама, он вынужден спешно отступить, отказываться от них, даже обвинять себя в «безумии».

Навои ищет правильной точки зрения на мир и в процессе исканий часто впадает в противоречия, разочаровывается, доходит до того, что объявляет разум слепым вопросом познания истины. Но все это нисколько не уменьшает величие поэта, этого гиганта мысли и мировой поэзии, который в эпоху безраздельного господства ислама стремился нанести удар теологическому мышлению.

1940 г.

Узбекская литература - одна из древнейших литератур, корни которой уходят в глубь веков. В процессе своего формирования и развития она имела из источников древнейших культур. Она ориентирована на арабскую, персидскую, индийскую и, в свою очередь, сама оказывала влияние на литературу этих народов. Конечно, такое положение не было случайным. Известно, что на территории нынешнего Узбекистана переселились различные племена из Индии, Иранского средневековья, Восточной и Западной Азии. Уже во времена походов Александра Македонского здесь существовал ряд крупных культурных центров. Музыканты, поэты, философы (VII-VIII вв.) привлекали за собой большие изменения в их жизни, обогатив и культуру. Язык Кудана в раннее время становится языком науки и культуры. Создание поэтических и научных трудов на этом языке становится традицией ученых

«Об узбекской литературе» мақоласининг қўлёзма нусхаси.
Езувчининг шахсий архивидан.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Узбекская литература является одной из древнейших литератур, корни ее уходят глубоко. Первыми носителями художественной культуры были народные поэты-бахши, словесная импровизация которых была неразрывно связана с музыкой. В своих песнях и поэмах бахши воспевали радость трудовой жизни, героические подвиги легендарных богатырей своего народа. Их сааз вдохновенно звучал на ярких празднествах кочевников в честь солнца и весны, на шумных народных гуляньях и тоях (пирах).

Но вот обрывается нить радостных дней. На степь мчатся полчища врагов, застилая небо тучами пыли. Враги грабят имущество, угоняют скот, убивают отцов, превращают девушек в рабынь. И голос бахши дышит гневом, его сааз взывает к мести. Бахши своими песнями дают живые уроки истории, наполняют сердца своих слушателей ненавистью к поработителям, любовью к свободе и родной земле. Бахши уходит. Но его простые и здоровые, как жизнь кочевников, слова, яркие, богатые, как весенние луга, рифмы продолжают жить. Так, без пера и бумаги дошли до наших дней десятки больших эпических поэм и сотни прекрасных песен.

Многие произведения устного народного творчества в наши дни стали достоянием широких масс читателей. Советскому народу очень близки великие образы героев эпических поэм. В них герои ломают на пути к своей цели всевозможные препятствия, преодолевают невероятные трудности, наслаждаются в шуме и пылу битвы, ставят выше всего любовь, мужество и величие духа. В наши дни титанический образ легендарного богатыря Алпамыша стал символом мужества, красоты и силы.

Бойцы-узбеки, сражающиеся на фронтах Отечественной войны, с гордостью произносят имя этого замечательного героя и человека и бьют с ненавистью врагов так, как их бил Алпамыш.

Узбекская литература достигает наибольшего развития в XV веке. Самарканд и Герат становятся очагами науки, искусства и литературы. Поэзия принимает вполне светский характер. Вся предшествующая литература в основном была одета в облачение дервиша-мистика. Произведения поэтов (Ахмеда Ясави и Бакиргани) носили религиозно-дидактический, нравоучительный характер, а в XV веке поэты Лутфи и Атаи создают лирику, выражающую подлинные человеческие чувства. Это поэты жизнелюбы, которых вдохновляет поэзия Омара Хайяма и Хафиза. Навои, вбирая в себя все ценные достижения поэтической и философской культуры своего и наиболее передовых в культурном отношении народов Востока, создает на родном языке бессмертные поэмы и знаменитый «Чар-диван». Младший современник Навои — полководец, поэт и философ Бабур, писавший уже в XVI веке, создает «Бабур-наме» («Мемуары Бабура»), которое является классическим образцом художественной прозы. Его газели отличаются глубоким лиризмом, непосредственностью чувств и переживаний, простотой своего языка; его четверостишия полны изящества и законченности мысли.

После Бабура и Мухаммеда Салиха в области литературы заметен некоторый упадок. Наступает период измельчания тем и голых формалистических ухищрений, пустой игры словами и сочинительства фигурных стихотворений. Место оригинального творчества занимает подражательство. В поэзию все глубже проникает религиозное мышление, изгоняя живые, непосредственные чувства. Но и этот период выдвигает иногда талантливых поэтов. В первой половине XIX столетия в центре Кокандского ханства наблюдается некоторое литературное оживление. Поэты Фазли, Амири, Хазык, Гульхани, поэтессы Надира и Махзуна создают замечательные газели. Во второй половине века поэты-друзья Муками и Фуркат поют языком настоящей поэзии. Муками не только тонкий лирик, давший множество газелей, которые широко популярны среди народа, но он и известный сатирик. Муками своей сатирой расширил идейно-тема-

тические рамки нашей литературы. В своих острых сатирических стихах поэт защищает обездоленных людей от угнетателей. Муки мастерски разоблачает басв, крупных земельных собственников, жестоких чиновников, взяточников, двуличных представителей духовенства.

Фуркат — последний певец классической поэзии. В своих газелях он стремится к утонченности чувств, изысканности форм и к яркости слов. Его газели пленяют сердца всех читателей своей музыкой и изумительной тонкостью образов.

Говорят, что литература — зеркало жизни. Такое определение особенно любили восточные авторы. Стоит взглянуть на узбекскую советскую литературу, чтобы признать эту старую истину. Октябрь глубоко изменил жизнь страны. В борьбе за революционное переустройство, за счастливую жизнь изменился сам народ, изменились его понятия, его отношение к миру, изменились и его вкусы. Новое время рождает новых певцов и новые песни. Узбекская советская литература выросла и окрепла в длительной и беспощадной борьбе с буржуазно-националистическими идеями. И в этой борьбе закалялись певцы новой, побеждающей жизни.

Классическая узбекская литература ориентировалась на древний Восток. Узбекская советская литература прорубила окно на Запад. Она растет под благотворным влиянием великой русской и западной литературы. Узбекская литература обогатилась новыми жанрами и формами. Появляется драматургия, возникают новые формы художественной прозы — новеллы и романы. И узбекская поэзия, имевшая глубокие традиции и богатые формы, претерпела большие изменения, обогатилась новыми приемами. У Пушкина и Лермонтова, у Блока и Маяковского учились искусству слова поэты Советского Узбекистана.

Газель уступает место европейской лирической форме. Поэты пишут баллады и поэмы на европейский манер. Язык простой, живой, народный. Поэты переходят от арабо-персидской метрики «аруз» к ритмике народных поэм и песен — «хижа». Таким образом проявляется совершенно новая, жизнотворная, растущая литература с новым содержанием и новой формой. Узбекская литература в своем развитии идет к реализму.

Гафур Гулям, Хамид Алимджан, Шейхзаде, Уйгун являются выдающимися представителями советской узбекской поэзии. Каждый из них имеет свой собственный голос, свой поэтический путь.

В творчестве Гафура Гуляма замечательно сочетались поэтические культуры Востока и Запада. В его поэзии — философская тонкость и нежная прелесть Бедия, непревзойденного волшебника слова XVII века, и мощь Маяковского.

Хамид Алимджан — замечательный лирик, умеющий выразить в прекрасной форме всю полноту чувств и переживаний. Алимджан, мастер лирических форм, создал и большие полотна, в которых с особенной яркостью выразились его поэтический талант и культура.

Шейхзаде — один из образованнейших поэтов Советского Узбекистана. Он прежде всего художник мысли, умеющий зажечь ее пламя в живых чувствах.

Уйгун — мастер стиха, он работает над формой, как ювелир.

За ними идут поэты Миртемир, Чусты, Тимур Фаттах, Зульфия — замечательные поэты, которые своими стихами и песнями широко известны во всем Узбекистане.

За последние годы и художественная проза стала заметно расти. Появились романы, повести и рассказы. Одним из выдающихся прозаиков является, несомненно, А. Каххар. Он хорошо владеет жанром новеллы. Его небольшие реалистические рассказы напоминают Чехова. Всегда жизненны очерки и рассказы писательницы Айдын. Великая Отечественная война подняла узбекских писателей на защиту Советской Родины. Военная тема в узбекской литературе до войны была почти нетронутой, но теперь с каждым днем все сильнее и крепче становится голос поэзии гнева. От седобородого Ислама шаира до начинающего поэта-школьника все поэты в своих стихотворениях призывают народ к патриотизму, к самоотверженности, к безграничной любви к Родине и ненависти к подлому врагу. Постепенно узбекская советская литература переходит к более углубленной разработке темы фронта и тыла. Узбекская поэзия военного времени становится глубоко лиричной.

Отечественная война обогатила узбекскую советскую литературу рядом крупных произведений. Именно теперь узбекская драматургия поднимается на новую сту-

пень. Видный узбекский драматург Яшен написал талантливую пьесу «Смерть оккупантам» об украинской девушке-партизанке. Иззат Султанов создал прекрасную пьесу «Полет орла» о замечательном большевике-полководце тов. Фрунзе и его деятельности в Средней Азии. Кроме того, узбекскими драматургами написан целый ряд музыкальных драм, отражающих героико-фронтальную и тыловую жизнь — «Давран-ата», «Мечь», «Курбан Умаров», «Мечь Узбекистана» и др.

Советский народ в своей борьбе с подлым врагом вдохновляется подвигами великих героев, боровшихся в прошлом за свободу, честь и независимость своей Родины. Хамид Алимджан создал замечательную, глубоко волнующую пьесу «Муканна» о герое, возглавлявшем борьбу народных масс против арабских завоевателей. Поэт Шейхзаде недавно закончил большую историческую драму в стихах о замечательном, овеянном славой Джалалиддине, который в самых трудных условиях вел борьбу против варварских орд Чингиз-хана, превратившего в руины цветущие города и села Средней Азии. Об этом же великом патриоте в настоящее время пишет и поэт Миртемир.

Лучшие писатели Узбекистана пишут свои произведения на исторические темы. Но мы еще не имеем произведений, в которых во весь рост был бы показан советский человек — строитель новой жизни, человек, приводящий мир в удивление своим героизмом.

Узбекистан — родина народных строителей. Однако прекрасные строители, герои поистине изумительных сооружений еще не получили своего художественного воплощения. Теперь у нас есть богатейший материал о замечательных людях фронта и тыла. Мы должны создать произведения, достойные их бессмертной славы.

1943 г.

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ И ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОЭТ

Еще не так давно поэт писал: «В моем сердце течет целая река песен». Увы, это прекрасное сердце так неожиданно перестало биться. Но над поэтом, сеющим семена великой, подлинной поэзии, бессильна смерть. Душа его будет жить в его песнях, она будет звучать в устах народа, переходя от поколения к поколению, вплетаясь в живую ткань истории. Такое бессмертие — удел немногих. К ним принадлежит и Хамид Алимджан.

Он пришел в молодую советскую литературу со школьной скамьи, пришел с живыми яркими мыслями и чувствами, озаренный лучами великой революции. Старый Восток был для него страшным кошмаром, непроглядной ночью, в которой стонала забитая жизнь.

Хамид Алимджан с глубоким, искренним пафосом воспевал советскую эпоху, разбившую оковы вековой тьмы, радостно приветствовал каждый свежий росток, каждую искру новой, счастливой жизни в своем любимом Узбекистане. Первая лампочка Ильича, осветившая дом дехканина, девушка, снявшая паранджу и стремящаяся к учебе, рабочий, пробуждаемый заводским гудком, сады, с каждым годом расцветающие все пышней и пышней — все трогало и волновало сердце поэта. Поэт-комсомолец дышал великими идеями своей эпохи.

Хамид Алимджан был поэтом большой культуры. Он очень хорошо понимал, что поэту нужны большие знания. Он много читал, серьезно работал над собой, неустанно совершенствуя слог, обращая большое внимание на форму своих стихов. Таким образом, Хамид

Алимджан стал одним из самых замечательных мастеров узбекской поэзии.

Одной из самых ярких сторон поэзии Хаида Алимджана является его лиричность. Он преклоняется перед такими поэтами-гигантами как Лутфи, Навои, Пушкин, Лермонтов, Маяковский. Яркая и красочная поэзия Востока и глубоко жизненная непосредственная лирика русских и западных поэтов были почвой, на которой вырос и расцвел талант Хаида Алимджана. Поэзия его полна тонких чувств и глубоких переживаний, она пронизана светом и блещет яркими красками.

Поэт проникает в самое сердце читателя, трогаёт его сокровенную глубину. Это не только воздействие формального мастерства, нужно быть настоящим, подлинным поэтом, поэтом большого сердца, каким и был Хаид Алимджан, чтобы так овладеть читателем. Многие его стихи, вошедшие в сборники «Огненные волосы», «Когда цветет урюк» и «Счастье» изумительны по непосредственности чувств и глубине лиризма.

Творчество Хаида Алимджана всегда было органически тесно связано с жизнью. Разнообразные явления советской действительности всегда находили отклик и поэтическое воплощение в его творчестве. В узбекской советской поэзии Хаид Алимджан является подлинным поэтом-трибуном. Его политическая поэзия всегда была взволнованной и искренней.

В период довоенных пятилеток Хаид Алимджан выступил как певец великого строительства и вызванных им глубоких социальных сдвигов. Он воспевал свободный, творческий труд народных масс, героизм новой жизни. Неделями, месяцами наблюдая работу и жизнь строителей на народных стройках, он со всем пылом отражал их в своей поэзии.

Во всех письмах, написанных узбекским народом родной партии, Хаид Алимджан принимал непосредственное творческое участие. Письма, которые сотни тысяч людей слушали затаив дыхание и подписывали с благоговением, являются замечательными поэтическими документами, которым обеспечено почетное место в сокровищнице узбекской поэзии.

Хаид Алимджан был высокообразованным поэтом большого творческого диапазона. Его перу принадлежат небольшие лирические стихотворения, поэмы, бал-

лады. Им написаны десятки замечательных очерков и серьезных публицистических статей, а также целый ряд научно-критических трудов. Он не забывал и маленьких читателей, которых любил, как собственных детей. Он написал для них множество стихотворений, несомненно, вызывающих у детей восторг. Кроме того, им созданы для детей такие поэмы, как «Семург» и «Айгуль и Бахтияр», поэмы, которые по яркости языка, живости образов и увлекательности содержания не имеют равных в узбекской литературе.

Великая Отечественная война вдохновила поэта на целый ряд замечательных произведений. Пламенный патриот, поэт-коммунист, Хамид Алимджан работал неустанно. Творчество его было неиссякаемо. Его стихотворения полны гнева, презрения и пламенной ненависти к подлым врагам, наполнены любовью к нашей прекрасной Родине и верой в нашу победу. Именно в годы Отечественной войны начали раскрываться все богатые возможности поэтического дарования Хамида Алимджана.

Поэт обратил взоры к прошлому нашего народа, к замечательным героям, которые до последнего вздоха дрались с иноземными захватчиками, посягавшими на свободу и независимость нашей Отчизны. Он написал героическую песню «Муканна» — одну из жемчужин среди задуманных им произведений.

Я помню, как будто это было вчера, октябрьские дни 1941 года. Шагая через трупы, тупорылая грабительская шайка людоеда — Гитлера из кожи лезла вон, чтобы захватить в свои кровавые лапы столицу нашей прекрасной Родины — Москву.

Трудящиеся Ташкента собрались на Красной площади на митинг. Все советские граждане, мужчины, женщины, старики, дети единодушно выражали свою готовность отдать жизнь до последней капли крови за любимую Москву. С трибуны раздался знакомый голос поэта. Хамид Алимджан говорил: «Отомстим врагам, разоряющим, подобно диким зверям, твои сады, оскорбляющим честь твоих дочерей! Иди и отомсти кровопийцам за поруганную честь».

Это звучал голос, исходящий из сердца узбекского народа.

Поэт, ученый, патриот Хамид Алимджан был заботливым руководителем и организатором литературной жизни нашей республики. И многие наши талантливые молодые поэты учились у него поэтическому мастерству.

За выдающиеся заслуги в области поэзии и литературы Хамид Алимджан награжден орденом. Еще в прошлом году он был избран членом-корреспондентом Академии наук Узбекистана.

Он ушел от нас в расцвете творческих сил, но замечательные песни поэта останутся с нами, будут жить в сердце народа.

1944 г.

ЧЕХОВ И УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Современная узбекская советская литература — одно из величайших духовных достижений возрожденного Октябрем узбекского народа. Она является детищем советской эпохи, она, как и вся наша жизнь, представляет собой нечто качественно новое.

Советская узбекская литература не только по своему содержанию, но и по форме отличается от нашей дореволюционной литературы. После Октября в корне изменилось само понятие о литературе и о ее задачах; рухнул самый идеал красоты и те формы, принципы, на которых покоилось поэтическое творчество на протяжении многих веков. Новые времена, новые песни. Потребность по-новому, художественно осмыслить действительность, рождает новую литературу.

Узбекская советская литература развивается под благотворным влиянием, в первую очередь, русской и западной литературы; она обогащается теми новыми формами, жанрами, о которых дореволюционные поэты и писатели даже не имели никакого представления. Дореволюционная литература состояла в основном из поэзии. Теперь мы имеем, наряду с другими жанрами, и художественную прозу, которая развивается и начинает давать свои плоды; появляются романы, повести, рассказы и очерки. Наша старая литература не знала беллетристики в современном значении слова.

О современных формах художественной прозы даже писатели начала XX века имели очень смутное представление. Ярким примером может служить следующий факт. В 1913 году один писатель-джадид написал грубо дидактическое произведение в несколько страниц на ужасно книжном староузбекском языке, которое по

своей примитивности нельзя отнести ни к жанру рассказа, ни очерка, но автор назвал его романом, да еще национальным.

Современная узбекская проза совершенно отлична от старой прозы. Старая проза является рифмованной, напыщенной, лишенной естественности. Современная узбекская проза растет в духе и стиле русской, европейской реалистической прозы. Узбекские писатели учатся мастерству слова у великих художников прозы, которые своим творчеством обогатили мировую литературу, учатся у Л. Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Горького.

В узбекской советской литературе появился и растет жанр новеллы. Это следы влияния творчества непревзойденного мастера русской и мировой новеллы Антона Павловича Чехова, сорокалетие со дня смерти которого в настоящее время, в дни Отечественной войны, отмечает вся Советская страна.

Замечательный узбекский новеллист, автор большого романа «Сараб» («Мираж») и множества прекрасных рассказов Абдулла Каххар с гордостью называет Чехова своим учителем — «домла». В чем выражается конкретно влияние Чехова?

В творчестве Абдуллы Каххара мы, конечно, не видим идейного влияния со стороны содержания. Чеховское настроение — настроение грусти, безвыходности, налет пессимизма, которыми дышат многие его произведения, чужды творчеству Абдуллы Каххара. Это и понятно. Великий русский писатель был выразителем своей эпохи, эпохи безвременья. Чехов в своих маленьких рассказах показал затхлую обстановку, гнетущую действительность, полную уродства и безобразия. Жизнь народа тогда была, как говорит Горький, «сонной и полумертвой». Все это давным-давно отошло в область преданий. У нас теперь есть свои новеллисты. Они учились и учатся у Чехова.

Абдулла Каххар учился всем секретам мастерства, формальному совершенству, которыми характерно и для нас особенно ценно творчество Чехова. Это умение создать маленький рассказ, умение создать законченную композицию; краткость, ясность и простота языка, поразительная характерность и выразительность образов, картин, подлинный реализм в показе жизни, уме-

ние уловить основное, характерное и выразительное в предмете. Абдулла Каххар стремился усвоить эти замечательные стороны творчества А. П. Чехова. И надо сказать, что он с успехом овладел важными творческими приемами своего учителя — замечательного художника слова.

Рассказы Каххара, которые популярны среди широких масс читателей, сделаны по-чеховски. Многие из них, например, «Националисты», «Больной», «Вор», «Городской парк», «Гранат», «Двурушник», «Преподаватель литературы», «Певец» по своим композиционным особенностям, по живости образов, по манере обрисовки типов, сжатости и простоте языка напоминают рассказы Чехова.

Некоторые образы, положения, эпизоды рассказов говорят о том, что они сделаны под непосредственным влиянием определенных рассказов Чехова. Рассуждения двух националистов о собаке бая напоминают типы людей из рассказа «Хамелеон». Трус, предатель Сухсуров у Каххара по некоторым чертам своего характера похож на героя известного рассказа «Человек в футляре» Беликова. Сухсуров боится всего нового. К каждому новому, здоровому явлению, событию, факту он подходит пугливо: «Зачем оно явилось? Не кроется ли здесь что-то неприятное?» Среди типов Каххара мы встречаем двурушников, подхалимов, невежд, воров, взяточников, развратников и т. д. Все эти люди живут и действуют в других условиях, чем герои Чехова, но все они обрисованы по методу Чехова. Их показом Каххар чисто художественными средствами бичует остатки прошлого в жизни и сознании людей.

Каххар, как и Чехов, обращает большое внимание на язык своих произведений. Фразы у него кратки и выпуклы: он часто прибегает к поговоркам, пословицам и чисто народным выражениям.

Каххар умеет показать характер людей через их специфическую речь. Его персонажи всегда говорят на том языке, который характерен их среде, их профессиям, выражает их жизненный уклад и уровень интеллектуального развития. Невежественный певец, воображающий себя культурным человеком, поет, искажая слова. Слово «бўса» превращает он в «бўлса».

Кроме того, у этого певца особая страсть к «нинг». Вместо «-ни» он всегда употребляет «-нинг». Все это кажется ему признаком интеллигентности. Преподаватель литературы не обладает обширными знаниями. Он знает несколько иностранных слов вроде *минимум*, *максимум* и несколько словосочетаний: *объект буржуазного реализма*, *ранний буржуазный реализм*, *отражение объективной действительности*. По его мнению, существуют два Чехова, и один из них был современником Пушкина.

В рассказах Каххара отсутствуют длинные описания, рассуждения и излишняя красивость стиля. Многие замечательные стороны творчества Каххара исходят от Чехова. Каххар прошел школу Чехова и усвоил его писательскую культуру.

В произведениях начинающего прозаика Саида Ахмада мы видим несомненное влияние Чехова. Он в своих небольших рассказах и очерках усвоил чеховскую манеру. Саид Ахмад тоже, как и Каххар, обращает большое внимание на детали, на самые обыкновенные, на первый взгляд, но характерные, никем не замеченные стороны предмета. Саид Ахмад закончен, слова его просты, выразительны.

Многие начинающие узбекские писатели с большой любовью изучают произведения Чехова. В своих семинарах при Союзе советских писателей они обсуждают творчество Чехова, подвергают всестороннему анализу принципы его мастерства, стремятся писать правдиво, просто, естественно, как умел писать глубокий, искренний художник Чехов.

Великие писатели Лев Толстой, Максим Горький очень высоко ценили замечательный талант Чехова и его заслуги перед русской литературой. Действительно, Чехов, как новатор, повеллист, как драматург, как глубокий знаток русской речи, внес много нового, ценного в богатую русскую литературу, и его творчество оказывает влияние на русских советских писателей и в наше время. Для советских узбекских беллетристов и драматургов творчество Чехова — просто школа. У нас ведь до недавнего времени не было художественной прозы в современном смысле слова. И в настоящее время проза является еще отсталым участком нашей литературы. У нас проза не имела исторических традиций,

в феодальной литературе на художественную прозу смотрели, как на нечто второстепенное, не имеющее прямого отношения к изящной словесности. Например, гениальный узбекский поэт и мыслитель Алишер Навои, который оставил целый ряд произведений в прозе, говорит: «Чтобы слова сверкали как жемчуг, они должны быть нанизаны на нить стиха». Поэтому в наше время многим писателям художественная проза кажется трудной. Поэтому наши классики, если и писали прозой, то старались ее поэтизировать при помощи рифм, напыщенностью и цветистостью слога. Поэтому нашим современным писателям трудно было взяться за прозу.

Современная узбекская реалистическая проза только что рождается. Представители ее еще слишком немногочисленны. Мы еще не умеем показать действительность такой, какая она есть, показать человека во всей полноте. Вследствие слабого развития художественной прозы наша литература еще не дала больших полотен, в которых нашли бы художественное отражение величие нашей эпохи, борьба нашего народа за переустройство жизни на новых началах. Узбекский читатель давно желает иметь произведения, в которых была бы показана наша прекрасная родина, ее новая жизнь, ее замечательные люди, проявляющие чудеса героизма на фронтах Отечественной войны и в тылу, в области созидательного труда.

Наши писатели плохо работают над художественной формой своих произведений, над словом и над всем тем «мелочам», без которых нельзя создать законченных произведений. У нас часто забывают, что настоящий писатель должен постоянно работать, постоянно совершенствовать свое мастерство, постоянно искать новые формы. Великие писатели так и работали, но такой стиль работы особенно характерен для Чехова.

Антон Павлович Чехов был писателем-реалистом, но его реализм отличается своим глубинным характером.

Чехов умел показать жизнь с ее корнями. Он умел проникнуть в самую сердцевину души своих героев. Реализм Чехова был органически связан с углубляющим его импрессионизмом. Он умел уловить самое характерное, самое выразительное в предмете, в пейзаже.

Ему свойственны некоторая отрывистость, неожиданные переходы. Его волшебная кисть двумя-тремя штрихами создает картины поразительной яркости и выразительности.

Никакими подробными описаниями, объяснениями не достигнешь такого эффекта. Об этой стороне мастерства Чехова Лев Толстой писал: «Чехова, как художника, нельзя даже и сравнить с прежними русскими писателями — с Тургеневым, Достоевским или со мной. У Чехова своя собственная форма, как у импрессионистов. Смотришь, как человек, будто бы без всякого разбора, мажет красками, какие попадают ему под руку, и никакого отношения будто эти мазки между собой не имеют, но отойдешь, посмотришь, и в общем получается удивительное впечатление. Перед нами яркая, неотразимая картина».

Чехов всегда искал новых, более совершенных форм. Он всегда стремился к подлинной оригинальности; он стремился выжать из слова все его соки. Он неустанно работал над фразой, стараясь сделать ее максимально выпуклой. Чехов в своей творческой практике выработал принципы, которые важны для всякого писателя. Он говорит о многих секретах писательского ремесла, это те выводы, которые делает писатель-новатор, ломающий старые формы. «Описание природы должно быть картинно,— говорит Чехов,— чтобы читатель, прочитав и закрыв глаза, сразу мог вообразить себе изображаемый пейзаж». Подобные писательские советы Чехова имеют огромное значение для молодой узбекской советской литературы. Многие художественные приемы Чехова, как живой источник, орошают наши литературные поля. Но писатель не может их усвоить механически, для этого он должен понять Чехова, выискнуть в суть его творчества.

Плодотворное влияние Чехова на нашу советскую литературу налицо. Мы ограничились указанием на яркие факты этого влияния, на самом деле можно сказать, что нет ни одного узбекского писателя, на которого в той или иной степени не оказал бы своего влияния этот замечательный художник слова...

1944 г.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

Узбекский народ обладает очень древним по своим истокам богатым литературным наследием. Сокровища этого наследия долгое время оставались неисследованными.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане началось глубокое, всестороннее, подлинно научное изучение литературного наследия узбекского народа.

Узбекская литература в процессе своего формирования и развития была связана с древнейшими культурами. Взаимосвязь эта неслучайна. Известно, что на территории нынешнего Узбекистана, в древней Согдиане, перекрещивались торговые караванные пути, связывавшие отдаленнейшие страны Востока и Запада. Уже во времена походов Александра Македонского здесь существовал ряд крупных культурных центров — Мараканда (нынешний Самарканд), Варахша, Балх, Термез и другие города; к началу нашей эры сложились согдийские и тюркские государственные образования, просуществовавшие вплоть до нашествия арабов и насильственного внедрения ислама (VII—VIII вв.), повлекшего за собой коренные изменения в обычаях и культуре народов Средней Азии.

Во второй половине IX века арабскому владычеству в Средней Азии наступил конец. К власти пришла династия Саманидов, избравшая своей столицей город Бухару. Арабский язык, продолжая оставаться языком официальной религии, теряет свое прежнее значение. Преобладание в государственном обиходе и литературе получает так называемый новоперсидский (иначе — литературный персидский или старотаджикский) язык

не только у оседлого населения, но с течением времени и среди кочевых племен Средней Азии.

До возникновения развитой письменной литературы тюркские народы и племена Средней Азии создали на родном языке богатую и разнообразную по форме изустную литературу — песни, сказки, поэмы-дастаны.

На тоях, народных собраниях, празднествах, во время перекочевок, в походах звучали голоса народных певцов — бахши, звенели кобуз и домбра. В простых и правдивых песнях бахши рассказывали о тяжелом труде и жизни трудового народа, повествовали о событиях из истории племен, воспевали героические подвиги богатырей. Рассыпая под звуки вечного спутника — домбры — жемчуг слов, бахши дарили тоям и празднествам веселье и радость, народным собраниям — торжественность, в походах звали к героическим деяниям. Тысячелетиями накапливались в сокровищнице народного творчества неисчерпаемые богатства народной фантазии и народной мудрости.

Основу изустной народной литературы составляют героические поэмы-дастаны. Являясь величественными памятниками народного творчества, дастаны поражают монументальностью образов, мощью страстей своих героев, величием совершаемых ими подвигов. Герои дастанов — благородные носители идей народа о правде и справедливости.

Одним из великолепных героических дастанов является «Алпамыш». В нем описываются богатырские подвиги героя древних легенд. Некоторые исследователи относят появление «Алпамыша» к XVI веку, другие полагают, что поэма эта сложилась гораздо раньше — в X или XI веке. Серьезное, всестороннее научное исследование узбекских дастанов началось сравнительно недавно. Несомненно одно: «Алпамыш» своими корнями уходит в глубь веков, так как в поэме нашли отражение обычаи, воззрения и отношения, существовавшие задолго до арабского завоевания. Во всяком случае можно с уверенностью сказать, что «Алпамыш», подобно известному эпосу «Деде Коркуду», является одной из древнейших героических поэм. «Алпамыш» известен также у казахов и каракалпаков. Из узбекских вариантов поэмы, наиболее полным и совершенным как по содержанию, так и по художественным достоинствам яв-

дятся вариант, записанный со слов талантливейшего из узбекских сказителей Фазыла Юлдаша.

Из других памятников узбекского эпоса наиболее популярны «Кунтугмыш», «Ширин и Шакар», «Арзыгуль». Кроме того, существует целый ряд героических поэм: «Ядгар», «Райхон-араб», «Халдархон», «Алибек и Балибек», «Юсуф и Ахмед». Словно горный хребет возвышается цикл «Гор-оглы», состоящий из сорока поэм. «Гор-оглы» — один из самых любимых и распространенных на Востоке дастанов. Этот эпос бытует в Туркмении, в Азербайджане, в Армении. «Гор-оглы» обнимает собой множество событий, распространяющихся на многие племена, народы и страны. В нем описываются разнообразные похождения и приключения героев. Гор-оглы в узбекских дастанах — наделенный богатырской силой, благородный, справедливый, пекущийся о своем народе властелин цветущей и счастливой страны.

Другой цикл узбекских дастанов составляют любовно-романтические поэмы. Самые значительные и популярные из них «Тахир и Зухра», «Боз-йигит», «Вомик и Узро». Длинными зимними вечерами, собравшись у очага, и сейчас еще с увлечением слушают эти дастаны стар и млад. Широко распространены также романтические поэмы, точнее — народные романы «Санавбар», «Маликаи-Дилярам» и т. п.

Узбекская народная поэзия богата также песнями и песенными дуэтами — лапарами. Лапары поются попеременно парнем и девушкой или группой парней и группой девушек. Это своего рода «литературные соревнования» в находчивости и красноречии. Не меньший интерес представляет большой цикл обрядовых и лирических песен, в частности свадебная песня «Яр-яр», которая и сейчас еще бытует в народе. О ней, как об очень старинной и традиционной песне, упоминает Навои в XV веке в своей книге «Весы размеров».

В дошедших до нас образцах древней узбекской изустной поэзии отражаются картины кочевой жизни древних племен. Знакомясь с этими песнями, мы получаем живое представление об изнурительном труде, тяжелом охотничьем промысле, играх и развлечениях кочевников. Песни, отображающие картины природы,

свидетельствуют об умении передать ее мощь и красоту в ярких поэтических образах.

Мотивы ранней народной поэзии мы находим в «Собрании тюркских слов» — в лингвистическом труде писателя и ученого Махмуда Кашгари, жившего во второй половине XI века. Фрагменты, приводимые Махмудом Кашгари, являются образцами древнейшей тюркской поэзии.

К XI веку относится появление на тюркском языке поэмы «Кутадгу-билг» («Наука быть счастливым»), посвященной одному из властителей династии Караханидов — Багра-Кара-хану. Автор этой поэмы, по имени Юсуф, был весьма образованным для своего времени человеком. Дидактические высказывания автора, касающиеся вопросов социального устройства и морали, свидетельствуют о том, что он был близко знаком с философскими воззрениями знаменитого ученого Авиценны (Ибн Сины). В поэме есть следы влияния и великого поэта Фирдоуси.

Из дошедших до нас произведений, написанных на тюркском языке в послерабский период, можно указать также на «Хибат-уль-хакаик» («Подарок истин») Ахмада ибн Махмуда Югнаки, жившего в Мавераннахре в конце XII века. «Хибат-уль-хакаик» так же, как и «Кутадгу-билг», произведение дидактическое.

Первые образцы письменной древнеузбекской поэзии относятся к XII веку. В этот период в городе Яссы (нынешний Туркестан) писал свои «хикметы» (изречения) поэт-дервиш Ахмед Яссави. Он родился в небольшом городке, расположенном на границе степи, населенной скотоводами-кочевниками. С молодых лет Ахмед учился в Бухаре у шейхов и, вернувшись в родную степь, стал проповедником идей суфизма.

Стихи Ахмеда Яссави, написанные выразительным народным языком, представляют значительный интерес как характерные образцы древнеузбекской поэзии, хотя значительная часть стихов, приписываемых Яссави, как установлено последними исследованиями, видимо, более позднего происхождения.

XI—XII века характеризуются развитием в Бухаре, Самарканде и Ургенче так называемой придворной поэзии на персидском языке. Придворные поэты пишут преимущественно любовные газели и торжественные

касыды (оды) в честь властителей. Вместе с тем продолжает расти и развиваться изустная узбекская литература, дошедшая до нас в памятниках эпоса в сильно переработанном виде.

В XIII веке на Среднюю Азию обрушились монгольские орды во главе с Чингиз-ханом. Нашествие монголов нанесло страшный удар культурной жизни страны. Многие деятели науки и литературы погибли, многие вынуждены были бежать на чужбину — в Египет, Малую Азию, Индию.

Полтора столетия лет монгольского ига явились периодом застоя культуры народов Средней Азии. Весьма немногочисленные литературные произведения того времени, в большинстве своем слабые в художественном отношении, были исполнены глубокого пессимизма.

Из числа заслуживающих внимания литературных памятников XIV века следует назвать «Киссас-уль-анбия» («Рассказы о пророках») Насреддина ибн Бурханеддина, более известного под псевдонимом Рабгузи. Прозанческие рассказы в книге перемежаются стихотворными вставками, отличающимися высокими художественными достоинствами. Поэзия Рабгузи расцвела на почве народной лирики. «Киссас-уль-анбия» — ценный материал для изучения истории формирования и развития узбекского языка.

Из произведений, созданных в эпоху монгольского владычества, следует отметить также «Мухаббат-наме» («Книга любви») Хорезми. Поэзия Хорезми — светская поэзия, в значительной степени свободная от мистики и духовных поучений, — была новым словом для древнеузбекской литературы того периода. Книга Хорезми содержит одиннадцать любовных посланий, искренне и глубоко передающих страдания, тоску и мечты влюбленных. Язык этой поэмы, живой и образный, близок к народному языку. Одним из свидетельств, показывающих роль поэмы Хорезми в развитии узбекской литературы, может служить тот факт, что примерно через сто лет, в подражание ей, появилась аналогичная по форме, стилю и духу поэма «Таашшук-намэ» («Книга влюбленности»).

Самарканд и Герат в XV веке становятся очагами культуры. В различных областях искусства создаются замечательные произведения. Во многих городах Маве-

раннахра воздвигаются величественные архитектурные ансамбли. Великий ученый Улугбек строит в Самарканде свою знаменитую обсерваторию, создает астрономические таблицы, до сих пор изумляющие ученых своим совершенством. Гениальный Бехзад — Рафаэль Востока — создает свои шедевры восточной живописи.

Одним из первых крупных произведений этой эпохи была поэма «Юсуф и Зулейха» Дурбека. Темой поэмы является широко известная на Востоке библейская легенда об Иосифе Прекрасном, проданном в рабство своим братьям.

По свидетельству автора, поэма написана в 1409 году в г. Балхе. В это время Балх переживал дни грозной осады. В предисловии к поэме Дурбек рисует жизнь и события в осажденном городе. Многие картины, созданные Дурбеком в поэме, богаты реалистическими деталями. Одним из достоинств поэмы Дурбека является простота и ясность языка.

Видное место в плеяде поэтов XV века занимал Саккаки, живший при дворе правителя Самарканда, ученого астронома Улугбека. Поэзия Саккаки характерна развитием начал светской лирики. Любовные газели Саккаки, пользовавшиеся широкой известностью в Самарканде, блещут смелыми сравнениями, неожиданными метафорами и изящны по форме.

Современником Саккаки был поэт Атан. В его любовных газелях — неисчерпаемое разнообразие поэтических оттенков. Поэтический прием, характерный для него, — неожиданный переход от возвышенного стиля к реалистической детали.

Одним из прославленных поэтов XV века, заслуживших высокое признание современных ему поэтов, был Лутфи. В юношеском возрасте Навои встречался с Лутфи, читал ему свои стихи и заслужил похвалу престарелого поэта. В своем «Маджолис-ун-нафонс» («Собрания изящных»), написанном уже на склоне лет, Навои называет Лутфи «владыкой слова своего времени» и говорит о нем, что он был одинаково силен и в персидском и в тюркском (староузбекском), но в тюркском он был более славен.

Роль поэтов — предшественников и современников Навои — Саккаки, Атан, Лутфи и других в развитии узбекской поэзии заключалась в формировании литера-

турного языка, в совершенствовании поэтических форм, в попытке выйти за рамки средневековой религиозной эстетики. Отрицая во многих своих произведениях мистическое, схоластическое понимание жизни, они воспевали земные радости, природу, любовь, возлюбленную.

Но только гениальному Навои суждено было преодолеть ограниченность тем и мотивов узбекской поэзии, внести в нее большое социальное и философское содержание.

Навои родился в городе Герате в 1441 году. В те времена Герат, подобно Самарканду, являлся крупным центром культуры, искусства и литературы. Уже пятнадцатилетним юношей Навои был прославленным «двуязычным» поэтом и писал свои газели на узбекском и персидском языках. Будучи главным визирем султана Хусейна Байкары, Навои старается использовать свое влияние при дворе для проведения в жизнь глубоко продуманных твердых принципов, направленных на благо народа. В своей государственной деятельности он стремится осуществить широкие прогрессивные мероприятия: благоустройство городов, строительство оросительных каналов, больниц, школ, библиотек и т. д., борется за искоренение произвола беков и чиновников. Он был защитником справедливой законности и борцом за целостность государства. Своим личным вмешательством он не раз способствовал прекращению феодальных междоусобиц. В то же время Навои неутомимо творил свои бессмертные произведения. Понимая огромное значение языка в развитии культуры, Навои писал поэмы и газели на своем родном языке и вел упорную борьбу с литературными противниками. Творчество Навои воочию показало красоту, богатство, силу узбекского языка.

На родном языке он написал свой великолепный «Чар-диван» (четыре сборника, включающие тысячи газелей) и знаменитую «Хамсу» («Пятерицу»).

Газели Навои пленяют глубиной мысли, богатством образов, яркостью фантазии.

«Хамса» Навои, получившая мировую известность, состоит из пяти поэм: «Смятение праведных», «Лейли и Меджнун», «Фархад и Ширин», «Семь планет», «Вал Искандера». В этих поэмах нашли отражение философские, социальные и эстетические взгляды поэта, во весь

рост рисуящие его величественный облик гуманиста, страстного обличителя деспотизма и насилия, средневековой схоластики. Возвышаясь над идейным уровнем своей эпохи, Навои в своем творчестве перекликается с величайшими поэтами мира. Стремление к совершенству и свободе человеческой личности, к гармонии тела и духа, к эмансипации человека от власти средневековой схоластики — все эти моменты выражены у Навои с исключительной силой. В художественных образах раскрыл он перед человечеством великий мир любви, героизма, преданности, духовной красоты человека, подвигов во имя счастья людей. Герои его поэм Меджнун, Фархад, Лейли, Ширин и другие являются носителями благородных и передовых для своего времени идей.

При всей прогрессивности мировоззрения Алишера Навои в творчестве его отчетливо выражены черты религиозно-идеалистической философии. Борясь за гуманистические принципы, Алишер Навои в то же время был сторонником просвещенной монархической власти.

Помимо поэтических произведений, перу Навои принадлежат много научных и исторических трудов.

Особое место в литературе XV века занимает Бабур. Захириддин Мухаммед Бабур родился в 1483 году. Отец его был властителем Ферганы. Обладая незаурядными способностями, Бабур с детских лет увлекается науками и искусством. После смерти отца он еще отроком вступает на престол Андижана и с этих пор непрерывно ведет феодальные войны. Длительная борьба с предводителем кочевых узбекских племен Шейбани-ханом кончилась полным поражением Бабура. С остатками своего войска Бабур через Афганистан уходит в Северную Индию, предает ее огню и мечу, захватывает Дели и становится правителем огромного государства, известного в европейской историографии под именем «империя Великих Моголов».

Незаурядный поэтический талант Бабура позволил ему занять видное место в узбекской классической литературе. Поэзия Бабура оригинальна и самобытна.

Вершиной его поэзии были четверостишия — рубай. И до Бабура и после него многие узбекские поэты писали в форме рубай. Однако никто из них не достиг такого мастерства, как Бабур. Подобно рубай Омара

Хайяма, рубай Бабура в значительной степени свободны от ограниченного исламистского мировоззрения и совершенны по форме.

Бабур — второй после Навои поэт, сыгравший большую роль в развитии узбекского литературного языка, в углублении реалистических тенденций узбекской литературы и в совершенствовании стиха. Он смело выступил против целого ряда формалистских приемов классической поэзии.

За время своих походов Бабур сталкивался со многими народами и племенами и наблюдал их нравы и обычаи. Странствующий воин и поэт, он выражал свои наблюдения, мысли и чувства простым и метким образным народным языком. В одном из своих писем к сыну Бабур резко критикует его сочинения, говорит о необходимости писать просто, изящно, без излишней напыщенности и подчеркивает, что в первую очередь надо учиться искусству излагать свои мысли точно и правдиво. В своем творчестве Бабур стремился последовательно осуществлять эти основные принципы. Замечательным вкладом в узбекскую литературу были его мемуарные записки «Бабур-наме», завоевавшие мировую славу.

Из большой плеяды поэтов XV—XVI веков следует отметить также Мухаммеда Салиха, автора поэмы «Шейбани-наме». «Шейбани-наме» была первой эпической сюжетной поэмой, воспроизводившей современную автору действительность. Мухаммед Салих описывает города, рисует картины походов, битв, образы исторических деятелей того времени.

В XVI веке Средняя Азия распадается на ряд мелких феодальных ханств. Феодальная междоусобица влечет за собой упадок хозяйственной жизни и обнищание народных масс. В литературе этого периода преобладают религиозно-мистические мотивы и пессимизм. Большинство поэтов не идет дальше подражания старинным образцам.

Из выдающихся поэтов XVII—XVIII веков следует указать на Турды, Маджлиси и прославленного Машраба. Немногие произведения Турды дошли до нас, однако и они свидетельствуют о силе его поэтического таланта. Стихи Турды раскрывают перед нами политические течения той эпохи и жизнь народных масс. Острая

сатира поэта была исполнена социального протеста. В своих произведениях он беспощадно бичует ханов, беков, чиновников: «Все вы, беки, что собаки, грызете тело подданных!» «Довольно, беки, сеять рознь, довольно слабых обирать,— объединится наш народ — мы станем грозны и сильны»,— восклицал он, обращаясь к грабившей народ правящей верхушке.

Вольнодумец и «еретик», Машраб пламенно протестует против социального неравенства и высмеивает официальные догмы ислама. Машраб не знал путей исправления несправедливости, но он изобличал социальные язвы. Он открыто говорил, что роскоши жизни правящих классов предпочитает здоровую жизнь бедняка и беспечную долю бродяги.

Своим вольнодумством Машраб вызвал ненависть мусульманской верхушки и, как «еретик», был казнен на площади в городе Балхе в 1711 году.

В XVII—XVIII веках, в эпоху трех ханств (Кокандское, Хивинское и Бухарское), письменная литература развивалась, как и в предшествующие исторические периоды, преимущественно при дворах ханов и в среде феодальной знати. Это явление объяснялось тем обстоятельством, что наука, искусство и литература, даже простая грамотность, являлись достоянием только тесного круга аристократии и правящей прослойки. Творчество поэта и возможность широкого ознакомления с его произведениями находились в тесной зависимости от вкусов и щедрости мецената.

В начале XIX века выступил со своими стихами поэт Мунис Хорезми. Всесторонне образованный историк, Мунис сочетал выдающиеся способности ученого с талантом поэта. Как историк, он известен своей знаменитой хроникой из жизни хорезмского государства «Фирдавс-уль-икбал» («Сад благоденствия»). Мунис был поэтом большого темперамента. Положение придворного поэта, обязанного писать хвалебные касыды в честь мелких деспотов, мнивших себя великими государями, тяготило его. Дворцовая обстановка угнетала Муниса. Стихи поэта были проникнуты чувством горечи и разочарования. Перо его рождало гневные образы, направленные против прогнивших феодальных порядков.

Поэт Агахи, современник Муниса, продолжал формальные традиции классической поэзии.

В Кокандском ханстве поэзия в XIX веке развивается в борьбе двух тенденций. Наряду с такими поэтами, как Умархан, Фазли и другими, культивировавшими традиции феодально-придворной любовной лирики, растет и крепнет демократическая сатирическая литература, наиболее видными представителями которой были поэты Гульхани и Махмур. Правитель Коканда, Умархан, любил устраивать при дворе поэтические состязания, в которых принимали участие вместе с ним поэты Фазли, Гульхани, Махмур и другие. Типичные образцы феодально-придворной поэзии дал в своих газелях Фазли. Воспевание красоты возлюбленной и радостей любви — основные темы его лирики. Совершенно иной характер носило творчество Гульхани и Махмура. Гульхани и Махмур смело разоблачали в своих произведениях паразитизм феодальной верхушки, показывали нищету народных масс. Весельчак и остролюблив Гульхани — простой банщик. Он известен своей книгой басен «Пословица» («Зарб-уль-масаль»). В метких сатирических образах высмеивал он правящую феодальную верхушку. Гульхани ввел в узбекскую поэзию остроумный и колоритный язык народного афоризма, поговорки, притчи. Интересно стихотворение Гульхани «Путнику»:

Благословен, кто в дальний путь идет!
Обходит солнце весь небесный свод,
Нет в мире ничего свежей воды,
Но жди заразы от стоячих вод!

Народно-демократические мотивы отчетливо выражены и в творчестве современника Гульхани — поэта Махмура. В своем известном стихотворении «Хапалак» он выразительно нарисовал безотрадную картину жизни феодального кишлака, разоренного поборами.

Особый интерес вызывает творчество трех поэтов того периода — Надиры, Увайсы и Махзуны. В их газелях много непосредственного поэтического чувства и искренности. Неудовлетворенность жизнью, жажда счастья, мечты о взаимной любви — таковы поэтические темы стихов Надиры, Увайсы и Махзуны. В своем творчестве они стремятся преодолеть застывшие поэтические каноны классической поэзии.

Во второй половине XIX века территория современного Узбекистана стала частью Российской империи, а хивинский и бухарский ханы — ее вассалами.

Включение Средней Азии в состав Российской империи, несомненно, сближало узбекский народ с русской культурой, с русской общественной мыслью. Под влиянием русской передовой общественной мысли в узбекской литературе усиливается рост демократических идей. Талантливый хорезмский поэт Камиль, глубоко сознавая культурную и экономическую отсталость своего народа, смело высказывает просветительские идеи. В стихотворении на эту тему он рисует трагическую судьбу поэтов — своих современников. Он сочувствовал страданиям народа и стремился найти для своей родины пути к прогрессу.

Усиление демократических тенденций с еще большей силой сказалось в творчестве поэта Аваза Отароглы. Жизнелюб и демократ, он выступает с могучим и смелым призывом к просвещению и преобразованию жизни, обращая гневный пафос своих стихов против фанатичного духовенства и реакционной правящей верхушки. Зло высмеивает он в своих стихах царедворцев, прихлебателей и ханских лизоблюдов. В одном из стихотворений поэт бичует погрязшее в трясине суеверия и косности мусульманское духовенство; он гневно восклицает:

Власть суеверия в мире святыней сделали вы,
Народ угнетенным и нищим ныне сделали вы,
Когда-нибудь пробудившись, как я, вас спросит народ,
За что его жизнь и душу пустыней сделали вы.

В 1912 году Аваз по приказанию Исфандияр-хана за свои разоблачительные стихи был подвергнут жестокому телесному наказанию и объявлен сумасшедшим.

На рубеже XIX и XX веков новую страницу в истории узбекской литературы открыли своим творчеством поэты Фуркат и Мукими. Сын бедного хлебопека, Мукими с юношеских лет увлекался науками и литературой. Он учился в медресе Бухары и Ташкента. Возвратившись в Коканд, он поселился в тесной келье-худжре и вел скромную жизнь, чуждый стремления к славе и богатству.

Сурово обличая современную ему социальную действительность, Мукими создал в своей сатирической поэзии незабываемые образы.

Остро чувствует поэт социальную трагедию своего народа. Его меткая сатира рождает образы лихоимцев-

чиновников, жадных и скупых баев, алчных купцов и приказчиков, невежественных и лукавых мулл. Беспощадным пером художника-реалиста обличает он уродливые стороны жизни. Сатирические образы Муками прочно вошли в обиход народа. Но сатирой не исчерпывалось его творчество. В своих лирических газелях он воспел заветные думы и чаяния народа. Лирика Муками отличается подлинной народностью. Простой и образный язык, задушевная песенная интонация его стихов близки к складу народной лирики. Большинство его стихов стало любимыми песнями народных масс.

Еще более прогрессивную роль сыграло творчество поэта Фурката — друга и современника Муками. Полный скорбных и мучительных мыслей о судьбе своего народа, поэт обращает свой взор к русской культуре. Отрицательно относясь к колонизаторской политике царизма, Фуркат проявлял огромный интерес к русской науке и литературе. Вздвигая пиетет Фуркат о русских учебных заведениях, о плодотворности русской науки. Одно из лучших своих стихотворений Фуркат посвятил полководцу Суворову.

Обличая косность и невежество, горько сетуя на отсталость своего народа, поэт обращается к соотечественникам со страстным призывом — учиться у русского народа, освоить лучшие традиции русской и европейской культуры:

Россия принесла земле счастливый век,
Наукою теперь владеет человек.

Любовная лирика Фурката утонченна и музыкальна.

Демократические традиции Муками и Фурката были продолжены поэтами-просветителями начала XX века. В это время появляются первые буквари для начальных школ, нравоучительные, дидактические рассказы для детей, переводятся басни Крылова и т. п., усиливается тяга к просвещению. В стихах поэтов Авлони, Завки, Камн, Мискина звучит призыв к науке, к прогрессу, к преобразованию жизни:

Плачьте, горестные очи! Богатырь, народ родной,
Тьмой невежества опутан, спит под глиняной стеной.
По стезе наук народы гордой шествуют стопой,
Мы же в чайханах уснули над стоячею водой.
И хоть нам кричат: «Вставайте! Край возделывайте свой!»—
Все не можем пробудиться, сон нарушить векдовой,—

говорит Мискин в стихотворении «Наша судьба», призывая народ к просвещению.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории узбекского народа. Под руководством партии Ленина, с помощью великого русского народа, узбекский народ, в прошлом угнетенный, культурно и экономически отсталый, создал мощное социалистическое хозяйство, новую социалистическую культуру, зажил счастливой жизнью. Узбекистан стал страной передового сельского хозяйства и развитой индустрии.

Ленинская национальная политика вывела узбекскую культуру из национальных замкнутых рамок на широкий путь содружества народов Советского Союза, советской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. Узбекская литература стала на путь овладения методом социалистического реализма.

Традиционная метрика (аруз) сменилась свойственной природе узбекского языка метрикой народных песен и дастанов. Такие старые формы стиха, как газели и касыды, уступили место новым формам лирики. Коренным образом изменился и литературный язык. До революции узбекский литературный язык был загроможден и скован чуждыми иноязычными элементами и грамматическими формами. После революции в основу литературного языка был положен вышедший на историческую сцену народный язык.

Используя лучшие традиции узбекской классической поэзии и узбекского фольклора, узбекская советская поэзия учится у литературы великого русского народа. На развитие узбекской советской поэзии прежде всего оказали влияние Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Горький, Маяковский.

После революции на узбекский язык впервые были переведены русские и западноевропейские классики. В то же время узбекский читатель получил возможность на своем родном языке знакомиться с лучшими произведениями советской литературы, русской и братских народов Украины, Белоруссии, Грузии, Казахстана, Армении и др.

Прославление свободы, вольного труда и первых ростков новой жизни, призыв трудящихся к борьбе и

победам, воспевание мощи и величия революции — вот темы и мотивы узбекской советской поэзии на первом этапе ее развития.

С победой социализма в стране вместе с замечательными переменами и сдвигами во всех областях жизни, с расцветом культуры и искусства круг тем узбекской советской поэзии все больше расширялся.

Подъем творческих сил широких народных масс и беспримерный героизм их в области созидательного труда открыли перед узбекской советской поэзией широкие горизонты, послужили для нее неиссякаемым источником вдохновения. Советская узбекская поэзия воспекает народный героизм и, выражая мысли и чувства народа, посвящает лучшие свои произведения организатору всех наших побед — великой партии Ленина.

Наряду с письменной поэзией в Узбекистане процветало и народное творчество. На хлопковых полях, на фабриках и заводах зазвенели новые народные песни. Узбекский народ в своих задушевных песнях поет о счастье, свободе, радости, о величии нашей эпохи и славит нашу родину. Народные поэты-бахши, хранители тысячелетних сокровищ народного художественного слова, не только поют старинные дастаны, но и создают новые песни. Дастаны и песни талантливых народных певцов-поэтов Фазыла Юлдаша, Ислам-шайра, Курбан-ата, Джуманбульбуля, Пулкана и других с любовью поются и читаются широкими народными массами.

Первым певцом узбекской советской поэзии был Хамза Хаким-заде. Хамза начал писать еще до Октябрьской революции. Однако лишь после революции его творчество стало истинно народным. Поэт встретил новый, рождающийся мир с искренней радостью и волнением. Он славил революцию, звал рабочих и всех трудящихся на борьбу с врагами:

Разрывайте, выстрелы, воздух,
Прорубайся в гранит, кирка!
Тех, кто против нас выступает,
Расстреляет наша рука.

Хамза Хаким-заде был пионером советской культуры в Узбекистане. Стихи его и вся его кипучая деятельность были посвящены борьбе за победу новой

жизни, за укрепление могущества советской Родины, за расцвет культуры узбекского народа. Хамид Алимджан, написавший первую книгу своих стихов в год смерти Хамзы, писал о нем:

Он первый карандаш ребятам в руки дал,
Учил их букварю, таблице умноженья,
Он красный галстук им на шею завязал —
Учитель моего большого поколения.

Хамза Хаким-заде был не только первым советским поэтом в Узбекистане. Он был первым советским композитором, талантливым драматургом и основателем узбекского театра. Он писал стихи и музыку к этим стихам. Стихи становились песнями и до сих пор живут как народные песни. Он писал пьесы и, собрав коллектив актеров, ставил эти пьесы, разъезжая в агитпоезде по всему Туркестанскому фронту. Пьесы эти уже 30 лет не сходят со сцены узбекских театров.

Ораторская и песенно-народная интонация стихов Хамзы Хаким-заде нашла преемственность в поэзии Гафура Гуляма — поэта-новатора, обладающего большим творческим темпераментом. Его патриотическая лирика широко известна в Узбекистане и за его пределами. Пишет ли он о магистрали, соединяющей воедино Туркестан и Сибирь, или о старике-узбеке, встречающем сына-победителя, о русской зиме или об узбекском Фархадстрое — всюду дышит сила творческого обобщения, утверждающая торжество советской жизни.

Мобилизующая сила стихов Гафура Гуляма особенно проявилась в дни Великой Отечественной войны. Поэт выступил обличителем звериной философии фашизма, противопоставляя ей великий советский гуманизм, нерушимую дружбу народов.

Гафур Гулям ввел в узбекскую поэзию новые для нее приемы и расширил возможности узбекского стихосложения. За книгу стихов «Иду с востока» он удостоен Государственной премии СССР. Гафур Гулям — мастер узбекской прозы, создавший образцы реалистической повести и юмористической новеллы.

Айбек начал свою литературную деятельность вместе с Гафуром Гулямом. Им написаны циклы лирических стихотворений, рисующих природу Узбекистана и душевный мир советского человека. Его поэма «Навои» была первой в узбекской литературе попыткой создать

образ великого Алишера. Айбек одновременно и прозаик, и поэт. Он написал романы «Священная кровь» и «Навои». Роман «Навои» удостоен Государственной премии СССР.

Хамид Алимджан был вдумчивым лириком, сложившимся в большой степени под влиянием русской поэзии. Его любовь к Узбекистану, о котором поэт писал:

На эту землю ступишь только,
И — где б по свету ни блуждать —
Ее пылинки на подметках
Тебя обратно будут звать....

сочеталась с ясным сознанием того, что «Москва — светлый дом народов», что русская культура, обогащая культуры народов СССР, ведет советские народы к невиданному в истории расцвету. Знаменательны его стихи о России:

О Россия, Россия! Твой сын, а не гость я,
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.

Поэма Хамида Алимджана «Зейнаб и Аман» рассказывает о любви юноши и девушки, о победе новой любви над средневековыми предрассудками. В поэме «Семург» на основе фольклорного материала разрабатывается тема борьбы человека за счастье. Хамид Алимджан неустанно искал новые пути и средства для углубления содержания и мастерства своих произведений.

Поэмы Шейхзаде «Судьба» и «Аксакал» посвящены темам социалистического строительства. Шейхзаде — поэт и драматург.

Уйгун по манере своего творчества занимает в узбекской поэзии своеобразное место. Многие стихи его представляют сюжетные и лирические новеллы. Уйгун создал во время войны стихи, полные неукротимой ярости к врагам. Уйгун работает в области драматургии, пишет пьесы, комедии и киносценарии.

Хасан Пулат прошел сложный путь — от плакатных агитационных стихов до лирических и сюжетных произведений. Сабир Абдулла известен в Узбекистане своими песнями и драматическими произведениями.

Творчество Миртемира отражает героизм нашей эпохи, самоотверженность советских людей в созидательном труде и на поле боя. Поэма Миртемира «Влади-

мир Ленин» говорит о любви узбекского народа к великому вождю. Плодотворно работает Миртемир и в области художественного перевода с русского языка и языков братских народов Союза ССР.

Тимур Фаттах, Амни Умарн, Эминджан Аббасов, Зулфия, Хамид Гулям и Джуманияз Шарифи принадлежат к более молодому поколению поэтов. В поэмах, балладах и лирических стихах Тимура Фаттаха, автора узбекского государственного гимна, раскрываются образы сынов и дочерей советского Узбекистана. Задушевно-лирический, мягкий Амни Умарн, прославляющий радость новой жизни, за время Великой Отечественной войны обрел мужественный голос воина.

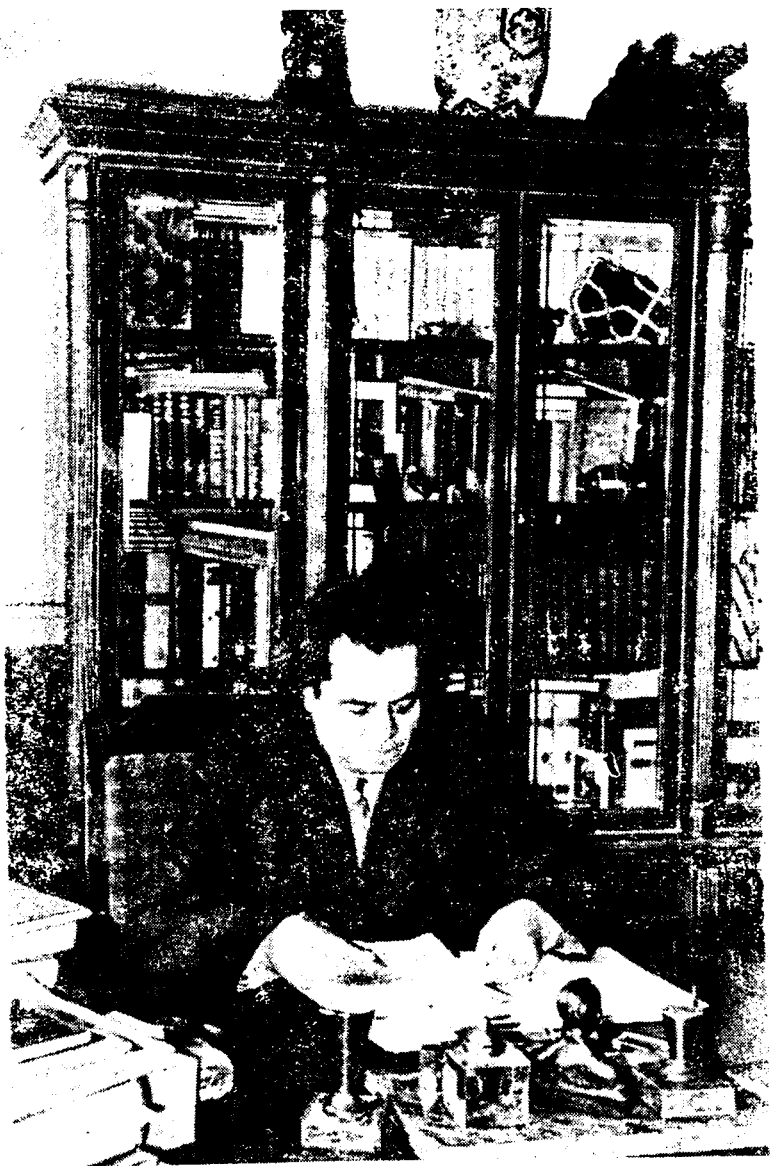
Поэтесса Зулфия в своей лирике раскрывает мир советской узбекской женщины, ее задушевные чувства. Стихи ее отличаются чистотой поэтического рисунка.

Выросло и окрепло творчество молодых поэтов - Мирмухенна, Аскада Мухтара, Рамза Бабаджана, Адхама Рахмата, Тураба Тулы и многих других.

Великая Отечественная война открыла новый этап в развитии узбекской поэзии. Выразительнее и мужественнее стал ее голос. Война с немецким фашизмом, война за Советскую власть была для узбекского народа вместе с тем войной за его многовековое наследие, за его социалистическую культуру. Узбекская поэзия периода Великой Отечественной войны проникнута верой в победу советского народа, в его счастливое будущее.

В послевоенный период мирного строительства узбекские поэты стремятся создать произведения, отображающие лучшие моральные качества советского человека, воодушевляющие советских людей на новые трудовые подвиги. Осуществление этой задачи явится новым могучим стимулом дальнейшего творческого развития и роста поэзии социалистического Узбекистана.

1950 г.

Ойбек. 1958 йил.

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ПОДЪЕМЕ

...Возрожденные Великим Октябрем, под руководством партии Ленина народы Востока строят величественное здание новой, социалистической культуры. Узбекистан ныне — страна сплошной грамотности. Культура нашего народа, его политический кругозор неизмеримо выросли.

Многие произведения великих русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тургенева, Чехова, Горького переведены на узбекский язык. Узбекский народ уже читает на родном языке «Молодую гвардию» Фадеева, «Дни и ночи» Симонова, «Непокоренные» Горбатова, «Просто любовь» Василевской, «Они сражались за Родину» Шолохова, «Сын» Антокольского и другие произведения русских писателей. Великая культура русского народа оказала огромное влияние на развитие узбекской культуры. Наш народ исполнен большой благодарности к великому русскому народу, которому он обязан своей независимостью, экономическим и духовным развитием...

Гафур Гулям написал цикл стихотворений «Огни Узбекистана», в которых воспевают пафос гигантского строительства, трудовой героизм колхозников-хлопководов, замечательные качества советских людей, их любовь и верность советской Родине.

В узбекской поэзии, с одной стороны, заметно усилился отход от свойственных старому Востоку форм, методов, образов, с другой, — от приемов декларативности, лозунговости. Это, несомненно, свидетельствует о творческом росте узбекских поэтов, которые стремятся к большим формам, к созданию эпических произведений, посвященных нашей современности. Шейх-

заде заканчивает большую поэму о первом узбекском генерале Сабире Рахимове, героически погибшем накануне исторической победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Поэт Миртемир в своеобразной оде-поэме рассказывает о том, как волею советского народа живительные воды рек устремляются в голые степи, как пустыни превращаются в цветущие сады, как возникают величественные социалистические города.

Следует отметить поэму молодого поэта Мирмухсина «Уста Гияс». Литература нашей республики, республики хлопкоробов, была очень бедна произведениями, показывающими героев хлопковых полей, хотя на тему о хлопке написано немало стихотворений. Поэма Мирмухсина — не высокопарная ода «белому золоту». Герой поэмы Уста Гияс — простой колхозник. В тяжелых условиях военной поры он борется за высокий урожай хлопка. Поэт с большой любовью раскрывает характер героя, тонко рисует картины колхозной жизни, узбекский пейзаж. Отказавшись от «высокого стиля», от изощренной цветистости, усложненных форм и приемов, поэт стремится к жизненной правде.

Сверстник Мирмухсина Аскад Мухтар написал поэму на индустриальную тему. Эта тема почти не затронута в узбекской литературе. В своей поэме Аскад Мухтар создал новый для узбекской литературы образ заводского рабочего-узбека.

Не менее интересна и небольшая поэма «Старые друзья» молодого поэта Рамза Бабаджана, пришедшего в литературу с Мирмухсином и Аскадом Мухтаром. Молодой шахриханский колхозник Ахмедджан сдружился на фронте с героем поэмы Твардовского Василием Теркиным и воюет вместе с ним. После победы Ахмедджан возвращается в колхоз. Ему, герою-фронтовику, предоставляется возможность деятельности в самых разных областях. Ахмедджан со всей энергией и красноармейской настойчивостью отдается восстановлению хозяйства социалистического кишлака. Руководствуясь новыми методами, его звено добывается невиданного урожая хлопка. Поэма заканчивается письмом героя к Теркину с приглашением на большой колхозный праздник урожая и на свадьбу Ахмедджана с прославленной колхозницей — девушкой Айнисой. Поэма свидетель-

ствует о благотворном влиянии, которое оказывает творчество Твардовского на узбекских поэтов.

Молодой поэт, автор интимных лирических миниатюр Шукурулла Юсупов сейчас работает над поэмой о Герое Социалистического Труда. Поэт-фронтовик Бабаев подготовил сборник стихотворений. Основной мотив этого сборника — пафос строительства. Владимир Липко написал поэму «Рузван» об узбеке — Герое Советского Союза. Герой поэмы — самаркандский джигит Рузван — борется на фронте вместе с русскими, украинцами, сынами других народов нашей страны и совершает немало подвигов. Слабость поэмы в том, что Липко в недостаточной мере наделил своего героя национальными чертами. Отряд русских писателей Узбекистана растет; в литературной жизни активно участвуют поэты-фронтовики Мильчаков, Быкадоров, молодой прозаик Удалов, поэт Иванов.

Остановиться на сотнях других поэтических произведений, созданных в течение последних девяти месяцев, нет возможности. В узбекской советской поэзии произошли серьезные изменения, повысился идейно-политический уровень творчества поэтов, усилилось мастерство обобщения событий современности.

Может быть, в силу еще неизжитых традиций, наша проза все еще продолжает отставать от поэзии. Ведь узбекская проза начала развиваться только после Великой Октябрьской революции. За последние годы ряды прозаиков пополнились новыми силами. Некоторые из поэтов, такие, как Тураб Тула, Янгин Мирза, Шухрат начали писать рассказы, очерки.

Самым крупным прозаическим произведением этого года является, безусловно, роман нашего лучшего прозаика Абдуллы Каххара — «Две чинары». Сюжет произведения довольно сложен. Главный герой романа Сыдыкджан, попав ребенком в кулацкую семью, отрывается от батраков, чайрикеров, но затем, преодолев ряд препятствий, внутренних противоречий, вступает в колхоз. Сыдыкджан работает рука об руку с передовыми людьми артели, с председателем колхоза, коммунистом. Коллектив борется с трудностями и совершает такие трудовые подвиги, о которых прежде нельзя было и мечтать. Земли кишлага получают в изобилии воду, зеленеют поля, колхозники начинают жить зажи-

точно. В своем романе Каххар с большим мастерством нарисовал образы советских людей.

Узбекский прозаик Садык Каляндар в романе «Мы на Урале» с большой убедительностью описывает жизнь и труд узбеков на Урале, борьбу за овладение профессиями слесарей, токарей, сталеваров. Садык Каляндар первым из узбекских писателей написал роман на русском языке.

Русский писатель М. Швердин выступил с большим талантливым произведением «Санджар непобедимый». В романе изображена история борьбы, которую вел узбекский народ под руководством большевистской партии и при помощи великого русского народа против власти бухарского эмира, баев, помещиков и всех контрреволюционеров. Автор — участник борьбы трудящихся за установление и укрепление власти Советов в Средней Азии — сумел правдиво отразить события, происшедшие в Бухаре в 1920—1923 годах.

М. Швердин показал, как идеи партии Ленина, все глубже проникая в народные массы, воодушевляют людей на борьбу за свободу и счастливую жизнь. Герой романа Санджар, потомственный бедняк, под влиянием командира-большевика Кошубы становится борцом за народное дело, пламенным агитатором, бесстрашным командиром отряда по борьбе с басмачами. Роман «Санджар непобедимый» имеет большое познавательное и воспитательное значение.

После постановления Центрального Комитета ВКП(б) от 26 августа 1946 года «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» оживляется творческая деятельность и в молодой узбекской советской драматургии. Многие из драматургов серьезно работают над пьесами на современные темы. На конкурс уже поступило свыше 70 пьес. А год назад в области драматургии у нас работало всего лишь 3—4 человека.

Недавно Узбекский Академический театр им. Хамзы с успехом поставил пьесу Уйгуна «Песня жизни». Это гимн созидательной жизни советского народа после отечественной войны. В пьесе Уйгуна ярко обрисованы свойственные советским людям качества — дружба, верность, готовность преодолеть любые препятствия и трудности на фронте и в тылу.

Характерен творческий путь писателя М. Асимова, педагога по профессии. Раньше он писал исключительно на исторические темы, искал героев в древних легендах, теперь М. Асимов обращается к темам современности. Недавно он закончил драму «Упрямый парень». Несмотря на некоторую композиционную рыхлость, в пьесе есть живые, интересные образы узбекских индустриальных рабочих.

Неплохую пьесу о механизации сельского хозяйства написали молодые поэты Тураб Тула и Аскад Мухтар.

Писатели Узбекистана впервые начинают пробовать силы и в области кино. Поэт Тураб Тула написал сценарий на колхозную тему «Председатель»; Шейхзаде заканчивает сценарий «Путь песни», в котором показан расцвет искусства Советского Узбекистана.

Немало, однако, в нашей литературе и неудач, частично связанных с процессом роста. Для того, чтобы изжить недостатки, поднять узбекскую литературу на высшую ступень, нужна серьезная, принципиальная большевистская критика.

Литературная критика в настоящем смысле слова у нас отсутствует. Большинство литературоведов — специалисты в области классической литературы. Людей, занимающихся важнейшими вопросами современной советской литературы, у нас почти нет. Но и в изучении классической литературы сделано еще недостаточно. До сих пор не создана история узбекской литературы. Есть много хороших поэтов, о жизни и творчестве которых мы знаем очень мало. Не разработана история Узбекистана, история развития философской и общественной мысли на Востоке. Труды, посвященные литературе различных эпох, творчеству поэтов прошлого, часто отличаются научно-исторической беспомощностью.

В истории литературы и философии народов Средней Азии еще много спорных вопросов. Только глубокое марксистско-ленинское изучение культуры народов Средней Азии поможет разрешить эти вопросы. В этой области кое-что делается, но не всегда с достаточным научным обоснованием.

Недавно в «Литературной газете» появилась статья П. Скосырева, где он выступает против извращений и путаницы. Я не буду останавливаться на вопросах туркменской и казахской литературы и работах казах-

ских и туркменских литературоведов, о которых говорил П. Скосырев. Хочу сказать несколько слов о его взглядах на поэта Яссави и о месте Навои в истории узбекской литературы. «Яссави был не туркмен, не казах, не узбек,— пишет П. Скосырев.— Кто же был Яссави? На каком языке он писал свои «хикметы»?» По Скосыреву выходит, что Яссави, общетюркский поэт, писал свои стихи на каком-то общетюркском языке. В истории не было такого языка. На самом деле Яссави родился в районе, где жили кочевые узбекские племена, учился в Бухаре, писал свои «хикметы» на удивительно простом, понятном узбекском языке. Наш язык и литература существовали до того, как народ объединился и получил свое название «узбек». Если казахи и туркмены включили Яссави в свои антологии, то это понятно. Эти народы на протяжении многих веков с любовью читали Яссави, и он оказал огромное влияние на их литературу. П. Скосырев в своей статье советует нам начать историю нашей литературы с Навои. На каком основании такие предшественники Навои, как поэт Хорезми, автор поэмы «Юсуф и Зулейха» Дурбек, Атайи, знаменитый Лутфи, должны быть отброшены? Как мог появиться Навои без предшественников? Без целой эпохи литературного развития и формирования литературного языка?

Истории литератур среднеазиатских народов тесно связаны между собой. Многие вопросы литературы и фольклора наших народов трудно рассматривать изолированно друг от друга. Следует отметить, что до сих пор между литературоведами и писателями наших республик нет настоящего сотрудничества. Нет совместных конференций, обсуждений важнейших вопросов и т. д., что способствовало бы быстрейшему и правильному, объективному разрешению насущных вопросов.

За последние 2—3 года некоторые молодые ученые и аспиранты Академии наук УзССР и государственного университета начали изучать узбекскую советскую литературу. Это — будущие критики. А пока лучшими критиками у нас, пожалуй, являются ведущие писатели: Шейхзаде, Яшен, Каххар, Миртемир и некоторые другие. Они участвуют в обсуждениях произведений, делают доклады по творческим вопросам на семинаре

начинающих писателей, делятся опытом. В печати, к сожалению, они выступают редко.

Наша критика должна с позиций марксизма-ленинизма анализировать явления литературы, вести постоянную борьбу с отсталостью, консерватизмом, зазнайством. В то же время она обязана подмечать здоровые тенденции, свежие ростки в литературной жизни. Наконец, марксистско-ленинская критика должна разрешить ряд важнейших теоретических вопросов узбекской советской литературы — вопросы социалистического реализма, национальной формы, использования классического литературного наследия, влияния классической литературы, заимствований и связи с фольклором и пр. Такой критики пока почти нет.

После длительного перерыва, в марте 1946 года возобновилось издание журнала «Звезда Востока» на узбекском и русском языках.

Содержание журнала из номера в номер улучшается, однако и до сего времени он страдает существенными недостатками. Главный недостаток — бедность критического отдела. Кроме 2—3 рецензий, в журнале время от времени печатаются лишь отдельные небольшие критические статьи, а нужно, чтобы он систематически публиковал серьезные научные и критические статьи, посвященные актуальным вопросам узбекской литературы и искусства. Необходимо объединить вокруг журнала молодые писательские силы.

Единственный в Узбекистане литературный журнал содержит всего лишь 5 листов при тираже в 3 тысячи экземпляров. Даже в областные центры, не говоря уже о районных центрах и кишлаках, журнал не доходит. Необходимо увеличить объем журнала в два раза, а тираж в 3—4 раза. До войны у нас было несколько издательств, теперь имеется лишь одно — УзГИЗ, которое на протяжении всего года в основном занято выпуском учебников. В 1946 году отдел художественной литературы УзГИЗа выпустил только 5 названий (15 листов), а в портфеле издательства лежат несколько сот печатных листов оригинальных и переводных произведений. Такое положение мешает развитию литературы и культуры республики. Надо было бы создать отдельное издательство художественной литературы. Необходимо дать народу лучшие оригинальные и пере-

водные произведения. Наряду с республиканским издательством нам следует иметь издательство художественной литературы народов всего Советского Союза. Я приветствую хорошее предложение А. Корнейчука о создании такого издательства.

В состав Узбекистана входит Каракалпакия. Только в 1925 году там была введена письменность. Каракалпакский народ за это время достиг огромных успехов в области литературы, культуры. В городах построены сотни школ, музеев, научно-исследовательские институты, театры. За годы Советской власти выросли свои поэты, прозаики, драматурги.

Однако не все благополучно в работе каракалпакских писателей; творчество ряда писателей оторвано от современности, в их произведениях чувствуется увлечение исторической тематикой, особая любовь к фольклорным сюжетам. Такими недостатками прежде всего отмечены произведения Ж. Аймурзаева «Ох, я смеялся», «Твои глаза», «Точку ставьте сами», А. Бегимова «Я не видел», рассказы Налжимова «Айралык», Ирманова «Инспектор ждет», Н. Давкараева «Алпамыш» и др. Правление Союза писателей Каракалпакии не было центром подлинно творческой работы, мало уделялось внимания повышению идейно-политического и теоретического уровня писателей. За последнее время в литературной жизни Каракалпакии произошли значительные изменения. Поэт Ж. Аймурзаев написал большую пьесу «Эрфайбатыр», посвященную самоотверженной работе мастера высокого урожая хлопка. По замыслу, содержанию, художественности пьесы, несмотря на некоторые недостатки, резко отличается от предыдущих произведений поэта. Поэт А. Бегимов закончил поэму «Ана» («Мать») — о великом подвиге каракалпакских джигитов в дни Великой Отечественной войны. Каракалпакский народный шаир А. Дабылов создал дастан «Богатырь» — о героической работе колхозников в годы Великой Отечественной войны. Молодой прозаик, участник сталинградской битвы Д. Ташенов написал повесть «Нельзя забыть» — о героической обороне Сталинграда. Поэты-драматурги Ж. Аймурзаев и А. Шамуратов закончили музыкальную драму «Дочь Арала», в которой рассказывается о борьбе рыбаков за освоение новой техники в рыбной промышленности.

В творческой работе писателей Каракалпакии К. Аимбетова, С. Бекназарова, Х. Сеитова, Т. Сейтмамутова, Г. Сситназарова, Ж. Нарымбетова и других чувствуется поворот к новой тематике. Литература Каракалпакии очень и очень нуждается в творческой помощи. Необходимо установить постоянное творческое сотрудничество с русскими писателями и с писателями других республик. До сих пор еще ни одно каракалпакское произведение не переведено на русский язык. Надо возобновить издание каракалпакского литературного журнала, прекратившего существование во время войны, укрепить каракалпакский Союз писателей опытными консультантами.

Я рассказал о главнейших событиях и изменениях, которые произошли в литературе Узбекистана за последнее время. Все, что нам приходится наблюдать в литературной жизни нашей республики, свидетельствует о том, что узбекские писатели вполне отдают себе отчет в ответственных задачах, какие наша партия, правительство и народ ставят перед советской литературой. Узбекские писатели приложат все силы к созданию произведений, достойных величия и славы нашей социалистической Родины.

1947 г.

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МУКИМИ

Мукими занимает особое место в узбекской литературе колониального периода. Творчество этого выдающегося поэта, газели которого до сих пор с любовью распеваются в народе, еще не изучено. О его жизни мы знаем мало, хотя многие из его друзей еще здравствуют. Между тем по своим художественным достоинствам и общественному значению творчество Мукими, несущее ясные черты народности, заслуживает самого пристального изучения.

Мукими родился накануне присоединения Средней Азии к России; он был свидетелем падения ханства и последовавших за этим изменений в жизни страны.

После присоединения Средняя Азия превратилась в рынок сбыта, в сырьевую базу молодого, растущего капитализма России. В стране быстро распространялись капиталистические отношения; менялось соотношение классовых сил, формировались новые классовые группировки. Раньше хозяевами в стране были хан, его родственники и приближенные, военная головка — беки, крупные чиновники, феодалы-землевладельцы и высшее духовенство. После присоединения некоторые из этих категорий теряют свое значение и влияние, их место занимают новые. Особенно преуспевает в это время местная буржуазия, несмотря на национальные и религиозные различия очень скоро нашедшая общий язык с русскими капиталистами и помещиками. В то же время рост капиталистических отношений ускоряет разорение дехкан и ремесленников, их пауперизацию.

Поэт Мирза Алим писал:

Баям, богатым везде уважение,
Им от хакимов, властей сипсужденье,

Дехканну ж подати и разоренье —
Удел ему — бедности горечь, друзья!

Еще более яркую, правдивую картину этого процесса дает самаркандский поэт Ходжи Сабир: «В какую сторону ни пойдешь, сколько людей бездельничает, посмотришь, для многих людей стала местом жизни чайная... Большинство ремесленников в долгу у мастеров; ремесла исчезают, все стали лавочниками... К занятию дехканством ни у кого не склонна душа». К тому времени, когда Мукими стал известен как поэт, т. е. к концу XIX века, эти тенденции в общественной и экономической жизни страны углубились еще больше. Коканд, где родился и вырос поэт, к тому времени превратился в один из торговых центров Туркестанского края. Рядом со старинным медресе, где жил Мукими, появились банки, конторы торговых фирм, ряды магазинов. Торговцы, ростовщики, маклеры соревновались друг с другом в «умении обращать кровь и пот народа в золото».

Мукими — значит «оседлый», «постоянно живущий на одном месте». И в самом деле, за всю свою жизнь Мукими побывал только в Ташкенте, Намангане, Фергане и в десятке кишлаков вблизи города. Для путешествия нужны были деньги, а где он мог взять их?!

Мукими жил в тесной худжре одного из кокандских медресе в постоянной бедности и одиночестве. Он учился, читал, беседовал с редкими тогда любителями и ценителями поэзии. Однако каменные стены медресе не заслоняли от поэта кипевшей вокруг жизни, он внимательно наблюдал за всеми событиями и переменами.

Большинство поэтов — современников Мукими, наполнявших своими произведениями «баязы» (сборники) того времени, были далеки от жизни, от действительности. Они были глухи ко всему тому, что делалось в мире. Часть из них, погрузившись в туман религии, искала прибежища у бога, у святых и тем самым тянула народ в болото суеверия и фанатизма. Другая часть, составлявшая большинство, воспевала любовь, увлекалась эротикой. На одной странице «баяза» один поэт возносил молитвы к богу и воспевал пророка, на другой странице того же сборника другой поэт призывал бачу на ночную пирушку. Мотивы религиозные переплетаются в поэзии того времени с мотивами раз-

врата так, что подчас трудно понять, где кончается одно и начинается другое.

Мукими был поэтом большого таланта, большой эрудиции и чистой души. Он резко выделялся не только силой своего таланта и мастерством, но также богатством, разнообразием тематики и стремлением к отображению явлений реальной жизни. Главной же особенностью Мукими являлась социальная направленность его творчества. В отличие от многих поэтов, творивших до него, и многих поэтов-современников, подвизавшихся в литературе колониального периода и на тысячу ладов перепевавших старые мотивы, Мукими расширил узкий круг поэзии, обогатил ее новыми мотивами, которые он черпал из окружающей действительности. Он интересуется жизнью широких крестьянских масс; он чутко прислушивается к жалобам кишлака, и эти жалобы находят в его произведениях живой отклик. Таким откликом на тяжелое положение дехкан явились, например, его стихи «Обмерщики». В «Обмерщиках» на частном случае — обмере посевных площадей для исчисления всякого рода налогов, который служил поводом для обмана, взяточничества, грабежа со стороны представителей администрации, — поэт дает обобщенную картину ограбления кишлака и бесправия дехкан.

В мастерски выписанных Мукими образах «обмерщиков» — Султан-али и Хакимджана — перед читателем встают типичные представители администрации того времени. Вот какими рисует их Мукими:

Али-ходжа и Хакимджан — друзья;
Их уподоблю новобрачным я.
Одни — как масло, как фитиль — другой.
Друг друга потчуют наперебой.

Под зад подкладывают три кошмы,
Как белые корзины их чалмы.
Один хитрец: что ни словечко — ложь,
Другой на дикого быка похож...

Хакимджан и Султан-али пускают в дело угрозы, обман, подлоги. В то же время Хакимджан и Султан-али не прочь приукрасить себя «благородством» и «святостью» происхождения, причисляя себя к потомкам святых. Али-ходжа похваляется:

Я сам ходжа, Шахлик-мазар — мой дед,
И здесь числа моим мюридам нет,

Дядя мне — Эр-Хубби и Шур-ата,
Родная мне прабабка Убайда,
...Роднею был сам Хызр моей родне.
Чимтинские святые братья мне.

У этих администраторов одна цель — взятка и для достижения этой цели хороши все средства. Сталкиваясь с такими «добродетельными» чиновниками, дехкане старались поскорей отделаться от них и прибегали к единственному испытанному в сношениях с такими представителями власти способу: «Нужно дать — и снова будет тишь и благодать».

Второй категорией угнетателей, которую бичевал в своих сатирических произведениях Мукими, были бай. Он разоблачает их жадность, скупость, лицемерие, коварство, разврат. У них нет ни совести, ни человечности, ни верности. Вот Ходжи ишан. Этот человек славится, как «московский бай», то есть как бай, имеющий связи с Москвой. Как же рисует его Мукими? Это оказывается авантюрист, отъявленный мошенник. У него самого ничего нет. Он делает свои дела с помощью капиталов других. Другие имеют заводы, а почему он должен быть в стороне. Ведь в конце концов он «московский бай». Однако тайна авантюриста скоро раскрывается: он не смог вернуть долг московским фабрикантам и стал банкротом. Вот Ходы Ходжи ишан строит завод. Как же он проявляет себя на этом новом поприще? После первого столкновения с ним рабочематчинцы бегут от него, как от чумы и, возвратившись в свой кишлак, предупреждают земляков: «Если вам придется быть в Коканде, смотрите, не попадите в руки этого человека, худо вам будет!» От Ходы бежит и русский инженер.

Ходжи ненавидит и презирает даже его собственная жена, потому что и в семье он остается лицемером и подлецом. Ходы Ходжи не останавливается перед тем, чтобы требовать через суд деньги, которых никогда не давал. А что же он представляет собой внешне? Этот лицемер ведет себя так, что многие люди считают его праведником и человеком высокого ума:

Когда же выходит на базар купец,
Все говорят: «Наставник и мудрец!»
«Вот мударрис!» — все говорят о нем,
Когда он едет на коне своем

Халат белее снега и чалма!
Вот человек высокого ума!

В совершенстве разработанный поэтом образ Ходы Ходжи раскрывает жизнь и нравы целой классовой прослойки. В то время было много таких Ходы Ходжей.

Мукими рисует баев отъявленными лицемерами. Жадные, скупые, они стараются на словах показать себя щедрее легендарного Хотам Тая. «Не пей, не ешь, преумножай богатство» — это правило было у них в крови. Внешнее благообразие и важность служили и маской, и орудием эксплуатации. В общении с рабочими, чайрикерами, батраками, баи хорошо знали, когда надо было пустить в дело камчу, когда «подкрутить себе усы», и когда призвать на помощь аллаха и его пророка. Мукими срывает с местной мусульманской буржуазии маски и показывает ее настоящее лицо. Вот два торговца чаем. Они настолько не доверяют друг другу, что не отрывают глаз от общей кассы:

Взяв на двоих один хлеб, они подсматривают друг за другом,
И чуть что, о кассе справляются.

(Подстрочный перевод)

Они с жадностью набрасываются на даровое угощение, но сами жалеют истратить на себя лишний медяк:

За счет других постоянно едят, пьют они,
Хоть несколько не меньше их
огромного живота их земля, вода, богатство.
На улице посмотришь — коней пугает их важность,
А дома они по месяцу не разжигают огня, чтоб согреть чаю.

(Подстрочный перевод)

В большом юмористическом стихотворении «Той» Мукими мастерски описывает характерное для тех времен событие. В этом стихотворении показываются отношения бая с его приказчиком. Этот приказчик собрался устроить той по случаю обрезания сына.

Приказчик хвастал на пирах чужих:
«На той истрачу сорок золотых!»
Во всех склонял приказчик падежах:
«Я лучше угощу, чем падишах:
Достану рису — десяти пудов
Едва ли хватит на подобный плов!»

Однако телеграмма хозяина сводит на нет все его мечты. Хозяин-бай ему приказывает:

«...И не обрезанным хорош твой сын!
Сердиться оуду,— не зови гостей!
И курицу кормить зерном не смеи!»

Подчинясь воле хозяина, возомнивший о себе приказчик устраивает такой праздник, что на него стыдно прийти даже нищим.

Картину этого тоя Муками описывает с удивительным мастерством. Каждая строчка стихотворения брызжет присущим Муками тонким юмором.

Среди созданных Муками образов представителей господствующих классов особо выделяются представители духовенства.

В Туркестане эпохи Муками очень живучи были суеверия и фанатизм. Яд религии проникал во все поры общественной жизни, отравлял школы, медресе, что бы ни сболтнул ишан или имам, все должно было быть принято за истину. Для действительных знаний, для настоящей культуры не оставалось места. Всякий росток живой мысли духовенство тотчас же безжалостно вырывало с корнем. Это было на руку как русским правителям, так и местным эксплуататорам. Религия служила для них орудием, с помощью которого они держали в повиновении народные массы. Духовные лица, называвшие себя защитниками народа, на самом деле были людьми безнравственными, потерявшими всякую совесть. В стихотворении «Сын греха» Муками дает яркий образ представителя духовенства — обиралы, лицемера и развратника.

Рот его зовем казною, но пустою. Сын греха!
А его язык болтливый — злой змеею. Сын греха!

Не брани его — от брани он становится наглей.
Говорят о нем обжоры с похвалою. Сын греха!

Кто его чалму увидит — думает: большой мулла!
Букв не знает, хоть украшен сединою сын греха.

Ресницы «сына греха» насурмлены, на плечах его несколько халатов, на голове — огромная в обхват чалма, всем видом своим он претендует на человека щедрого и святой жизни. Однако, если нищий спросит у него

медяк, он пугается, словно у него хотят отрезать руку. Из паломничества «сын греха» возвращается еще более искусным лицемером и обманщиком.

Прежде знал он стыд и совесть, но давно их потерял. В Мекке был, но лишь грязнее стал душою сын греха.

Ведь для него звание ходжи — средство обмана и обирания народа. Теперь он врет без всякого зазрения совести; стремясь приумножить свое влияние и авторитет, не останавливается даже перед тем, чтобы объявить о своей мнимой близости к турецкому султану. Этот мулла претендовал на славу святого, на самом же деле его слава заключалась в его бесчестье. В руках этого «святого» четки, а глаза стреляют за бисакалом-бачой. Поэт, немало выдавший всяких святош и лицемеров, сам удивляется, откуда могла появиться такая тварь!

Ахунд — святой из стихотворения «Мой Ахунд» — тоже прикрывается личиной святоши — суфи, однако на самом деле он развратник.

В стихотворениях «Вексель», «Конь», «Твоя арба», «Конь телеграфиста ходжи», «Семена» Мукими живыми красками рисует типичных представителей своей эпохи, описывает важнейшие события того времени, жизнь людей и их нравы.

У Мукими есть серия стихотворений, составляющая «Дневник путешествий». Это «Коканд — Шахимардан», «Коканд — Фергана», «Коканд-Исфара». Произведения эти являются наиболее зрелыми и глубокими, наиболее совершенными из всего им написанного. В этой своеобразной «кишлачной хронике» Мукими, пользуясь богатой палитрой, создает широкие реалистические картины тогдашней жизни. Читаешь этот «Дневник путешествий», и перед глазами встает дореволюционный кишлак. Во всех кишлаках, где ему удавалось побывать, внимание Мукими привлекают представители местной администрации (казии, мингбаши, волостные управители), духовенство, а также простой народ, его обычаи и нравы. Яркими выразительными штрихами, очень сжато, Мукими изображает самые типические, самые характерные черты жизни, которую ему приходилось наблюдать.

Вот сердце живущего в бедности поэта затосковало в темной худжре, и он покидает толстые каменные сте-

ны медресе. Вот он входит в кишлак Ултарма. Что же он видит там?

...Вдали базар кипел большой.
Не мог я сразу разобрать,
Что это женщин — сотен пять
Пришли «святого» повидать,
И разлагольствовал «святой».

Спросил я: «Кто тут мшигбаши?»
Ответили: «Иса-ходжи».
Хорош иль плох он, — сам решил:
Он — мельник, он — богач большой.

Он скажет слово и соврет...
Все для Иса-ходжи доход,
Он с прокаженного берет,
Мерзавец, негодяй такой.

Поэт идет в Дюрмен. Но и здешний волостной управитель не отстает от Ходжи Саркора.

Газы тут главный, говорит
Он и судья, и адвокат,
Да только все его бранят:
Характер у него дурной.

Опять толпа, опять «святой»,
Он обкурился анашой...
Уйдя в колени гсловой,
Сидит безмолвный и тупой.

Поэт спешит покинуть Дюрмен. Вот он в Ак-ере.

Дома в Ак-ере на подбор,
Но путнику кричит Ак-ер:
«У нас не постоянный двор!
А ну-ка, проезжай. Не стой.

Поэт покидает и кишлак скуных баев. Вот он в Алты-арыке. И здесь он первым долгом сталкивается с ненавистным ему «героем».

...Здесь очень хитрый волостной,
Он праведник, хотя с сорок
берет пример: все скок да скок,
схватил кусок и уволок:
Вот он — обычай воровской.

Мукими побывал в двух десятках кишлаков и местечек и видел везде, с одной стороны, темноту, невежество, нищету, а с другой, хитрых, лицемерных, жадных, безжалостных управителей, эксплуатацию, грабеж, гнусные

личины представителей господствовавших классов того страшного времени.

Сатирические произведения Муками, собранные в его путевом «Дневнике путешествий» помимо высокой художественной ценности, имеют большое значение для понимания эпохи, в которую жил и творил поэт.

Муками знал жизнь народа и глубоко чувствовал его страдания. Он стремился разоблачить в глазах трудового люда баев, купцов, управителей, духовных лиц, показать их подлую сущность. Однако он не призывал народные массы к борьбе и не понимал, что нужно сделать для того, чтобы избавиться от угнетения и тирании. Муками всячески чернил зло, разоблачал его, но он не выдвигал какой-либо положительной идеи, и это, безусловно, является слабой стороной его творчества. Но наблюдая вокруг себя угнетение, жизнь, полную ужаса, поэт не впадал в пессимизм. Муками верил, что придут лучшие времена, он верил в силы народа и не ошибся — мечты его сбылись.

1947 г.

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛИШЕРА НАВОИ**

*Стенографическая запись доклада
на научной сессии Академии наук УзССР,
посвященной 500-летию со дня рождения
Алишера Навои*

25 июля 1947 г.

До Великой Октябрьской социалистической революции у нас было немало образованных для своего времени людей — любителей поэзии, которые читали Навои, Бедия, вели споры о тонкостях их творчества, о скрытом смысле той или иной строки, однако они вовсе не задумывались над тем, что вызвало появление того или иного произведения, того или иного поэта, не задумывались над изучением эпохи, в которую творил поэт, над изучением его жизни и творчества в целом. Обучение в медресе было только механическим усвоением учащимися религиозных наук, средневековой схоластики, и в этих условиях многие поэты, а также многие памятники литературы стали забываться.

Изучение почти тысячелетней истории литературы узбекского народа выпало на долю советских ученых. Это почетная, но очень трудная задача, так как до сих пор остаются неизученными не только многочисленные памятники узбекского языка и литературы, но и целые эпохи в их развитии. Всестороннее освещение процесса развития литературы особенно усложняет то обстоятельство, что до сих пор по существу остается глубоко неизученной общая история как Узбекистана, так и вообще народов Средней Азии, не говоря уже об изучении истории развития научной и философской мысли на Востоке. А ведь стало аксиомой, что для понимания литературы того или иного века или эпохи необходимо прежде всего глубокое изучение социальной, политической и культурной жизни этого периода, этой эпохи, ибо общеизвестно, что литературную жизнь нельзя отрывать от исторического развития.

Несмотря на эти трудности и сравнительную молодость узбекского литературоведения, в области изучения классической литературы у нас проделана серьезная работа. Сейчас разрешаются самые основные, самые серьезные фундаментальные вопросы истории узбекской литературы, начиная с древнейших времен.

Центральный и самый большой вопрос в изучении узбекской классической литературы — это вопрос изучения творчества Навои. Великий поэт и мыслитель Алишер Навои своими бессмертными произведениями поднял узбекскую литературу на высочайшие вершины, своими произведениями он обогатил сокровищницу мировой литературы. Гениальный Навои создал заслуживающее удивления количество произведений литературных, научно-философских, эстетических. Причем, все эти бессмертные произведения он создал на презираемом и третируемом в аристократических и литературных кругах того времени языке, показав тем самым всю силу богатства и красоту своего родного языка.

В истории узбекского языка и узбекской литературы Навои проделал поистине титаническую работу, чего не удавалось никому до него. То, что Навои сделал для родного языка, было настолько велико, и произведения, написанные им, были настолько беспрецедентны в истории узбекской литературы, что они заслонили собой все, что было сделано и создано до него. Вероятно именно поэтому некоторые товарищи доходят до отрицания существования узбекской литературы до Навои и предлагают начинать историю узбекской литературы с Навои.

Однако это совершенно неверный, чуждый науке взгляд. Памятники истории и литературы показывают, что ростки узбекской литературы, появившись за несколько веков до Навои и постепенно развиваясь, в XV веке в творчестве Навои выросли в могучее дерево. Да и как мог появиться Навои без длительного предварительного периода развития литературы? Узбекский язык до XV века также пережил известную стадию формирования.

Произведения Ахмеда Яссави, Сулеймана Бакиргани, Рабгузи, Хорезми, Дурбека и других без всякого сомнения, сыграли определенную роль в развитии узбекского литературного языка. Особенное мастерство в стихосложении на узбекском языке показали ближайшие пред-

шестьenniки Навои — Саккаки, Атаи, Лутфи. Творчеству Лутфи, например, Навои сам в своих «Собраниях изящных» дает очень высокую оценку. Называя его царем слова, он говорит, что из современников Лутфи не было равного ему по мастерству. В самом деле, лирический диван (собрание сочинений) Лутфи является одной из ценнейших жемчужин узбекской классической поэзии и, безусловно, Лутфи не мог не оказать влияния на формирование творчества Навои.

Коль скоро дело обстоит так, то в чем же заключалась роль Навои в создании родного литературного языка? И до XV века и в эпоху Навои, хотя и были поэты, писавшие на узбекском языке, все равно в литературе господствовал персидский язык. В своих «Собраниях изящных» Навои сообщает краткие сведения о нескольких стах поэтов и людей, имевших отношение к поэзии, и среди этих людей он упоминает только о нескольких поэтах, которые писали на узбекском языке. Персидская литература считалась недосыгаемой вершиной, а персидский язык — языком поэзии и вдохновения. Поэтическая сила и выразительность персидского языка были продемонстрированы произведениями таких пользовавшихся на Востоке бесспорным авторитетом знаменитых поэтов, как Фирдауси, Хайям, Саади, Хафиз и другие.

С другой стороны, в науке и интеллектуальной жизни народов Средней Азии господствовал опиравшийся на авторитет Корана и бога арабский язык. Над совершенствованием этих языков работали в продолжение веков многие ученые и поэты. Даже Навои, посвятивший всю свою жизнь борьбе за торжество родного языка, и в своих «Собраниях изящных» со всей страстью и логикой пытавшийся опрокинуть авторитет персидского языка, сохраняя перед арабским языком глубокое уважение, подчеркивает его достоинство и божественное происхождение. Третируемый как «грубый степной», узбекский язык в качестве литературного должен был быть превращен в господствующий в стране язык, и эту задачу с успехом выполнил Навои.

Навои прекрасно знал персидский. Поэт сам в своих «Собраниях изящных» рассказывает, как он в возрасте 3—4 лет, прочитав персидские стихи, заслужил похвалу взрослых. Сын своей эпохи, Навои свое творчество начи-

нает с писания стихов на персидском языке. Однако впоследствии в нем происходит резкий поворот. Молодой поэт решительно определяет свой путь — он поднимает знамя борьбы за родной язык против господства языка персидского и горит огнем этой борьбы до последнего дня своей жизни. У нас пока нет никаких фактов для определения даты этого поворота. Также невозможно пока подтвердить фактами, благодаря каким внутренним побуждениям и под влиянием каких внешних фактов поэт, воспитанный на персидской культуре, науке и литературе, пришел к убеждению о необходимости создания литературы на родном языке и о преимуществе родного языка над персидским.

Навои получил воспитание в аристократической среде, в которую входили люди, близко стоявшие к придворным кругам. В те времена аристократия и правящие круги, хоть и преклонялись перед иранской литературой и искусством, в то же время не чуждались и родного языка и своих национальных обычаев.

Бабур упоминает, например, об обычае осыпать невесту деньгами и сладостями, снимать покрывало с лица невесты в день свадьбы, о песне «Яр-яр», распеваемой на проводах невесты (Навои, «Мезонул-авзон»). Узбекская аристократия, таким образом, подражавшая утонченным, изысканным иранским обычаям и манерам, в то же время соблюдала и свои простые степные обычаи и даже гордилась некоторыми национальными традициями, особенно традициями военными. Бабур в своей получившей широкую известность «Бабур-наме», рисуя военных и государственных деятелей, представителей аристократических и правящих кругов Хорасана и Мавераннахра, дает ряд сведений, подтверждающих высказанные нами выше мысли. Среда, в которой воспитывался и рос Навои, была именно такой, высоко ценившей иранскую литературу и искусство, и в то же время любившей свои национальные обычаи, традиции и простые народные песни. Дядя молодого Навои Мирсанд-ака был поэтом и писал стихи на своем родном языке. Во всяком случае, можно сказать, что любовь Навои к родному языку зародилась еще в детстве. В 15—16 лет, когда он служил при дворе Абулкасыма Бабура, обратил на себя внимание тем, что писал стихи на двух языках — узбекском и персидском.

До Навои из числа писавших на узбекском языке не было ни одного поэта, который бы так же глубоко понимал значение и роль родного языка и литературы на родном языке для исторического развития и судеб народа. Совершенствование языка, как культуры и просвещения народа, Навои считал делом, имеющим государственное значение. Навои хорошо понимал, что у каждого народа должны быть своя литература, свое искусство, своя культура и считал их важнейшими факторами в укреплении государства. В своем «Споре двух языков» Навои, указывая на политические причины господствующего положения арабского и персидского языков, делает вывод, что коль скоро политическая власть находится в руках тюркского народа, то язык этот (тюркский) должен получить соответствующие права.

Особенность Навои, выделявшая его среди других мыслителей и государственных деятелей той эпохи, заключалась в том, что великий поэт прежде всего заботился об интересах народа. Навои считал, что единство государства, его политическое и экономическое упрочение в конце концов находятся в непосредственной связи с положением народа. И в литературной, культурной и благоустроительной деятельности Навои, и в его конфликтах с султаном Хусейном Байкарой, и в его борьбе против реакционеров, возглавляемых Маджиддином, вопрос об отношении к народу занимает центральное место. В области политической Навои мечтал о справедливом падишахе и требовал, чтобы падишах ежедневно сам выслушивал жалобы народа, чтобы в государстве господствовала законность, чтобы из государственных учреждений были изгнаны чиновники-тираны, притеснители народа, в области же литературы он требовал от поэтов, чтобы они писали на родном языке и при этом такие произведения, которые бы соответствовали духу и вкусу народа. Навои неоднократно и с гордостью повторяет в своих произведениях, что целью его творчества является служение народу:

Коль скоро питали пристрастие к персидскому языку,
Мало было прелести в персидском языке,
На том (персидском) языке писали стихи,
Персидский язык поднимался и стал процветает,
Я по-тюркски начал здесь рассказ,
Изложил преданье этот сказ,

Чтобы слава его прошла по всему миру,
Чтобы тюркский язык также получил свою долю.
Ибо ныне среди тюрков во всем мире
Много одаренных и чистых разумением.

Думать и заботиться о благосостоянии народа, государства, ставить в своих произведениях проблемы, относящиеся к судьбам народа, государства и пытаться решить их — этого в узбекской литературе до Навои мы не наблюдаем ни у одного поэта. В творчестве же Навои этот мотив является одним из основных, повторяемых во всевозможных связях и по всевозможным поводам. И в своей борьбе за родной язык Навои подходит к вопросу именно с точки зрения интересов народа, государства и их будущности. Для того, чтобы утвердить узбекский язык в качестве литературного языка, чтобы показать его богатство и выразительность, необходимо было создать на нем произведения, которые могли бы сравняться с великими произведениями известных иранских поэтов. Из предшественников Навои, если не считать поэта Лутфи, проявившего себя в области лирики, никто не создал произведений, которые могли бы сравняться с произведениями иранской литературы. И только Навои удалось это вполне... Причем он проявил свой могучий талант именно на родном языке. Создав и по глубине мыслей и по красоте художественной формы произведения, достойные удивления, Навои тем самым возвел величественный памятник родной литературе. Эта его победа была одержана в результате гигантского творческого труда и напряженной борьбы. Поэты-персофилы не брезговали никакими средствами. Такие поэты, как мавляна Бинаи, доходили в своем высмеивании языка и творчества Алишера до непристойностей. Однако в последние годы жизни поэт сумел крепко ударить по таким персофилам. Он написал свой «Спор двух языков». В этом произведении Навои пытается научно доказать преимущество родного языка перед языком персидским. На трескотню персофилов поэт спокойно отвечает: «Пусть не думают, что я отрицаю и стараюсь изжить персидский язык потому только, что моему дарованию ближе тюркский язык и посему я и расхваливаю его, и потому еще, что я имею мало касательства к персидскому языку. Никто не усвоил лучше меня пер-

сидских слов и выражений, никто не знает лучше меня хороших и слабых сторон персидского языка».

Сопоставляя оба языка (персидский и узбекский), их словарное богатство и гибкость грамматических форм, а также и другие их стороны, поэт доказывает превосходство во всех отношениях родного языка, он пишет: «В такого рода словах и выражениях много тонкостей, о сущности которых никто не раздумывал до сего дня, и они остаются скрытыми. Неискусные юноши тюрков в погоне за легкостью занимаются сочинительством стихов на персидском языке».

Показывая неисчислимы богатства сокровищницы родного языка, украсившего сад его поэзии, и скрытые в нем возможности, поэт в то же время подчеркивает и те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться: «Обнаружился мир, превышающий восемнадцать тысяч миров, вдохновению открылось здесь небо, выше десяти небесных сфер, встретилось такое сокровище, превосходство и преимущества, перлы коего ярче звезд, появился луг, цветы которого раскрыты полнее звезд небесных. Стопа народа не ступала вокруг этого сокровища и луга, драгоценности клада сохранились от прикосновения рук. Однако не было числа кровожадным змеям у этого сокровища и терниям у этого луга».

Глубоко изучив народный язык, Навои умел находить в нем жемчужные россыпи, и он многое сделал для его обогащения, для формирования и совершенствования. Это было не легко сделать. Это требовало от поэта колоссальных знаний и труда. Навои с гордостью говорит, с какими трудностями ему пришлось столкнуться, особенно при написании поэм и как он, благодаря своей любви к родному слову, преодолел эти препятствия:

Ты закончил сочинением свои стихи,
Да еще сочинил их на тюркском языке,
Хотя он во всех отношениях достоин внимания,
Но он не лишен и недостатка,
Родное свое слово ты любишь сам,
И оно не кажется тебе непривлекательным потому,
что оно родное.

Хотя ты знаешь, что оно несет в себе тяжесть,
Но ты этого не замечаешь потому, что оно родное,
Слово есть дитя природы человека,
А коль оно дитя, то оно — частица твоей души.

Навои оставил после себя обширное и разнообразное наследие. Он создал замечательные поэтические произведения во всех формах и жанрах, известных его времени, начиная от мелких муаммо (шарад) и туюков (четверостишие, рифму которого составляют синонимы) до поэм, он написал научные, исторические книги и книги дидактического характера. Изучить эту великую художественную сокровищницу с позиций марксизма-ленинизма, дать его богатствам правильную оценку, сделать их достоянием советского народа — одна из важнейших задач советской науки. То, что до сих пор сделано для изучения наследия Навои, совершенно недостаточно. Появившиеся за последние несколько лет, в связи с подготовкой к 500-летию юбилея поэта, отдельные научные исследования, статьи, художественные произведения, если подходить к ним с точки зрения задачи правильного марксистского освещения эпохи Навои, его жизни и творчества, не могут нас вполне удовлетворить. Верно, дело это нелегкое. Изучение наследия Навои — дело очень сложное, даже от большого коллектива оно потребует большого и длительного труда. Трудно, например, говорить о правильном понимании Навои без серьезного изучения эпохи, в которую жил и творил поэт, жизни и творчества его современников и предшественников, без изучения идеологически питавших поэта культур, литератур, философских течений. В результате поверхностного отношения к вопросу у некоторых товарищей появились ошибочные выводы, взгляды, оценки.

Навои — демократ, Навои — защитник трудящихся, Навои — атеист, злейший враг падишахов, султанов, Навои — революционер и тому подобные неверные утверждения наносят явный вред изучению наследия великого поэта. Известно, что Навои был большой, многогранной личностью. Известно также, что мировоззрение Навои не лишено глубоких противоречий. В составляющих десятки тысяч строк поэтических произведениях Навои имеются высказывания, относящиеся к областям политической, социальной, экономической, бытовой, философской, религиозной, к области морали. И если исследователь без всестороннего, глубокого изучения будет искать выдержки и стихи, которые подтверждали бы заранее поставленные цели, будет опи-

раться на случайно вырванные места, то ему не трудно будет сделать из поэта любую фигуру — фанатика-мусульманина, дервиша, суфия, атеиста, революционера и тому подобное. Однако правилен ли будет такой подход к делу? Безусловно неправилен. Поэт вовсе не нуждается ни в идеализации, ни в модернизации. Навои — сын своей эпохи, он является одним из самых передовых представителей этой эпохи. В мировоззрении великого поэта-мыслителя, главного визиря правнука Тимура, у поэта, жившего в условиях феодального общества, наряду с сильными, прогрессивными сторонами, есть и слабые, обусловленные социальными условиями жизни той эпохи. И мы, показывая прогрессивные стороны деятельности Навои, не можем в то же время открыть и слабых его сторон.

Есть, однако, одна несомненная истина: Навои — великий поэт, гениальный художник слова, намного веков определивший развитие узбекской литературы, обогативший мировую литературу. Вдохновенное слово поэта вот уже пять веков сверкает подобно звездам в его произведениях — газелях, поэмах. И сейчас, перелистывая великие творения, вы на каждой странице чувствуете могучее течение чистой светлой реки его живых мыслей, горячих чувств. Его стихи и песни и сейчас читаются и поются с такой же любовью и с таким же волнением в сердце, с какими они читались и пелись пятьсот лет назад в Герате и Самарканде. И это потому, что слова этих стихов и песен несут в себе любовь и огонь большого сердца. Потому, что поэзия для Навои была не развлечением и упражнением в тонкостях поэтического искусства, и создавалась она не для развлечения пресыщенных придворных кругов, а служила ему средством выражения самых затаенных его мыслей, чувств, средством проповеди идей, волновавших лучшие светлые умы на протяжении многих веков. И вовсе не случайно Навои четко и ясно ставит вопрос о примате содержания над формой и в своих произведениях обращает особое внимание именно на содержание. По Навои, форма, недостаточно насыщенная содержанием, как бы она ни была красива, в глазах людей искусства не имеет значения.

Мы не имеем возможности в настоящем докладе останавливаться на других, не менее важных вопросах

эстетки Навои. Однако следует отметить, что эстетические взгляды Навои были совершенно необычными и смелыми для того времени, когда большинство поэтов, современников Навои, слепо подражали старым образцам и были в плену формалистских приемов и выкрутасов.

Газели и стихи самых различных форм, написанные им в течение всей жизни, Навои собрал в одну, известную под названием «Чар-диван» («Четыре сборника»), большую книгу. «Чар-диван» поистине можно назвать морем поэзии. Каждая страница этой книги, подобно саду весной, переливается тонкими нежными красками, от нее веет ароматом весны. «Чар-диван» — это дивный венец лирической поэзии.

Чтобы дать хотя бы общее представление о содержании и поэтических достоинствах собранных в «Чар-диване» тысяч газелей, потребовалось бы написать толстый том. Поэтому мы не видим другой возможности, как отметить только некоторые стороны лирики Навои. «Чар-диван» в основном состоит из стихотворений с любовным и философским содержанием. Традиционный образ восточной лирики — образ возлюбленной, исполненной совершенной красоты. Возлюбленная эта выступает в его произведениях то в образе принцессы, то в образе пери, то в образе цыганской девушки и тому подобное, но во всяком случае она идеально прекрасна. При описании достоинств возлюбленной поэт показывает удивительное богатство фантазии. Обращаясь к возлюбленной, Навои с таким волшебством, в таких неповторимых образах и с такой искренностью передает любовные переживания, тоску разлуки и мечты о свидании, что в каждом слове, каждой строчке чувствуется биение сердца поэта. Навои всегда стремится к глубине, яркости и тонкости изображения.

В моем печальном сердце постоянно переливается
образ той (любимой),
Подобно тому, как солнце переливается (на волнах)
большой волны.

Многие газели Навои отличаются своей жизнерадостностью и полнокровием:

О сердце, идем вдвоем ожидать с нетерпением любимую,
Ожидать ту кипарисостанную, серебристую,
Ту, что мы любим, как свет очей,

На другого уже устремляет свои очи.
И у нас очи есть, идем же, где-нибудь она предстанет
перед нашими очами.

Газели Навои всегда увлекали богатством мысли, красочностью фантазии, искренностью чувств и переживаний, широким, свободным взглядом на жизнь. Стихи Навои поются сами собою.

«Чар-диван» отличается богатством и многообразием мотивов. От торжественных гимнов природе и жизни до стихов, отражающих пантеистические взгляды поэта, от рубай, написанных в духе Хайяма, до игривых песен, близких по духу народной поэзии и восхваляющих гератских красавиц, — все это составляет дивный, неувядаемый букет поэзии.

Некоторые наши исследователи пытаются видеть в лирике Навои только отражение реальной жизни, его земных мыслей и чувств. Однако такие исследователи не могут понять всей символичности поэзии Навои, аллегоричности его приемов.

Утверждать, что в лирике Навои отражено только пережитое и пережитое не пережитое, нельзя ни в коем случае. Верно, среди любовных газелей Навои можно встретить стихи, отражающие непосредственные переживания поэта, и даже отдельные автобиографические черты, однако такие стихи очень редки. Для того, чтобы понять истинный смысл, скрывающийся за воспеванием вина и любимой, необходимо уметь раскрыть аллегоричность, приподнять завесу символики поэта. Не следует забывать, что лирика на Востоке носит в основном условный характер, в противном случае мы должны будем допустить, что Навои, начиная с детских лет и до последних дней жизни своей, был рабом любви и только и думал о возлюбленных, что он, начиная с детских лет и до самой могилы, был пьяницей, день и ночь упивающимся вином, а это противоречило бы как истории, так и логике. Мотивы вина и возлюбленной в поэзии Навои — частью общепринятые на Востоке условности, частью же аллегоричны.

Я буду ликовать, если выпью вина из черепа твоей собаки.

Или:

Когда я буду опьянен, облейте мое тело вином,

Когда я умру, перевяжите гроб мой нитью виноградной лозы.

Эти строки, несмотря на упоминание в них вина, вовсе не говорят о том, что Навои был завязтым пьяницей.

В лирике Навои много газелей, выражающих суфийско-философские мысли. Навои был поэтом, который мечтал о совершенном человеке, о совершенной жизни, однако, хотя поэт любил называть себя дервишем, он не дервиш, не суфи. Для него характерен пантеистический взгляд на природу. Все сущее Навои считал проявлением великого, вечного, абсолютно прекрасного — бога. В его лирике, как и в поэзии известных поэтов-суфистов, любовь к прекрасному, к истине, к богу выражается в общепринятой в суфийской поэзии аллегорической форме и определенной системой символов. Эта любовь, правда, иногда выражается с помощью мотивов чисто реальной земной любви.

Глаза твои, что так бедово черными стали,
Ведь они для души моей черной бедой стали,
Твой бальзам мне недуг несет,
Но недуг этот для меня бальзамом стал.

Хотя поэт в этой газели, обращаясь к черноокой красавице, выражает свою любовь к ней, однако это только аллегория, скрывающая за собой обычные для суфиев мысли. Любовь эта взята в смысле философском, суфийском. Пользуясь атрибутами суфийской поэзии, Навои бьет по догмам официального ислама, по фанатизму и суевериям, по лицемерным, невежественным духовникам, проповедникам, шейхам, грабившим под личиной святости народ:

Навои стал мюридом, настоятелем питейного дома,
(Ведь) ислам нужен тому, кто является шейх уль-исламом,
О богомольный аскет! Ты говоришь мне: не пей вина,
Чтобы пить потом райскую воду.
Молчи, разве Навои подобное тебе ничтожество?

Если ты хочешь избавиться от гнета времени, о сердце,
Покинь моленную и иди в питейный дом.
Если у тебя нет ничего, чтобы купить в питейном доме вина,
Пусть будут даны в залог рублище и чалма Навои.

Содержание этих отрывков целиком аллегорично. Мысли, какие высказывает здесь Навои, являются запрещенными, с точки зрения официального ислама, мыслями. Однако отсюда вовсе нельзя делать вывод, что Навои был атеистом, потому, что они выражают в ко-

нечном счете взгляды утонченной философской религии.

В своих газелях Навои часто и много говорит о вине, о виночерпиях, о шумном веселье подвыпивших людей, видит этих людей и подчеркивает свое стремление попасть в их общество. Он говорит о готовности променять четки и чалму на вино. Однако это не что иное, как необходимые атрибуты поэзии суфиев. Поэт и сам подчеркивает, что вино и винные лавки — это только символ:

Не думайте, что виноградный сок может излечить от
мировой скорби.
Только приверженцы земной жизни это понимают так,
Для людей же, взыскующих истины, вино это только
вахдат (соединение, единство с богом).

Навои и сам называет себя таким «взыскующим истины», иначе говоря, последователем суфийской философии. Однако некоторые товарищи не желают обращать внимание на эту сторону дела. Такой подход является односторонним. Навои не материалист, не атеист, не мусульманский духовник, голова которого не способна ничего воспринимать, кроме прописных истин ислама. Его мировоззрение несет в себе много противоречий, однако в своих взглядах на бога, на мир, на жизнь, смерть и т. п. он примыкает к позициям пантеизма.

Выше мы уже говорили, что для Навои литература и поэзия были не развлечением, а средством выражения своих идей, мыслей, причем именно на родном языке. С течением времени поэт ставит перед собой все более высокие цели.

Начав творить, газелям дань я щедро отдавал,
День страшного суда — людей не так бы взволновал,
Не малым делом я считал газели для себя,
Значительнее намечал я цели для себя...
...Я жил в тревоге, размышляя и дни, и ночи все,—
И сердцем я оборотился в конце концов к «Хамсе»,
Прошел я горы и моря, за тяжкий труд берясь,
Но с полпути я не свернул, не бросил ношу в грязь.

«Хамса», как жанр, была гордостью персидского языка, безраздельно господствовавшего в этот период в литературе и общественной жизни стран Переднего Востока. Навои задался целью создать «Хамсу» на родном языке. Преклоняясь перед культурой арабов,

персов, обогатив свой духовный мир ее достижениями, Навои с еще большей страстью обратился к родной культуре, родному языку:

На тюркских струнах, музыкант, сыграй, на тюркский лад,
Народ на языке родном услышать песню рад.—

писал Навои. Даже самые одаренные предшественники Навои далеко не всегда извлекали мелодии из этой тюркской лютни. Они просто не интересовались ее существованием, зачастую и пренебрегали ею. И вот, несмотря на огромную государственную, общественную работу, Навои берется за создание большого труда — «Хамсы» на родном языке. Он не ошибся, не переоценил своих сил. Наиболее чуткие из современников поэта по достоинству оценили совершенный им великий труд.

Абдурахман Джами писал о «Хамсе», что она возникла «как замечательный узор красоты на тюркском языке». «Чем стал теперь Низами? И чем стал Хосров? Навои выразил тонкие мысли на другом языке». А в своей поэме «Книга мудрости» тот же Джами так выражался о «Хамсе» Навои: «Автор этого произведения проявил большую милость по отношению к поэтам, пишущим по-персидски: если бы он начал писать по-персидски, то мы — персидские поэты вынуждены были бы замолчать».

В литературе мы встречали выводы отдельных исследователей, которые считали Навои только переводчиком персидских стихов. Приведенные выше замечательные высказывания Джами являются достойной отповедью таким исследователям.

В «Хамсе» Навои входят следующие поэмы: «Хайрат-уль-Абрат» («Смятение праведных»), «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Сабъаи Сайёра» («Семь планет») и «Садди Искандери» («Вал Искандера»).

Первая поэма — «Смятение праведных» по своему содержанию и композиции занимает в «Хамсе» совершенно особое место. В этой философской поэме выражены основные этические принципы Навои — поэта, мыслителя, государственного деятеля.

Философская линия поэмы — прославление идеи добра и разоблачение злого начала. По Навои, идея добра проявляется в законности, справедливости, сво-

боде, любви, в дружбе, верности, искренности. Насилие, творимое над народом, Навои осуждает как величайшее зло. Поэт разоблачает его на живых примерах, обращая свой гнев против тех, кто посягает на мирную жизнь, жизнь и труд народа. Он возвышает свой голос против междоусобиц и социальных бедствий, принявших в ту эпоху огромные размеры. Навои восхваляет не тех, кто облачен в дорогие, шитые золотом халаты, кто поднялся на вершину общественной лестницы, а тех, кто живет одним дыханием с народом. Поэт, предки которого были приближенными царей и который сам занимал высокие государственные должности, своей любовью к народу поднимается до уровня самых светлых умов человечества.

Одна из глав поэмы посвящена образу идеального правителя. В этой главе Навои не скупится на обличения царей, угнетающих народ:

Ты у народа взял иглу — не забудь вернуть:
Она — кинжал и грудь твою пронзит когда-нибудь,
О царь, большую в жизни мощь дает тебе престол,
Но ты пути добра отверг, путь гнета предпочел.
Проводишь время в праздности, в распутстве и пирах —
И сам достоинство свое затаптываешь в прах.

Царь не один, он окружен блестящей свитой, и поэт беспощадно оголяет этот пышный феодальный букет:

Из чаши блуда жадно пьешь и не упьешься влать,
Поправ законность, ты возвел закон единый — страсть,
Во имя прихоти ты все и всех повергнешь ниц,
И нет на пиршествах твоих излишеств границ.
И все, кто в блуде и пирах с тобой проводит дни,
И юноши, и старикки — собаки все они.

Персонажи, разоблачаемые Навои в этой поэме, не абстрактны и не вымышлены. Это вполне реальные фигуры — современники поэта.

Духовенство тоже не избежало гнева Навои. В эпоху безраздельного господства ислама, когда процветали всевозможные религиозные предрассудки, Навои срывает со служителей ислама маски и разоблачает приемы воображаемых чудотворцев. В четвертой главе поэмы Навои говорит о шейхах. Этих «людей откровения», широко раскинувших свои сети среди народа, Навои считает самыми вредными: «Нет ничего хуже, чем эти люди, нет ничего ниже, вреднее их». Навои красоч-

но описывает все их гнусности, козни и злодеяния. По Навои это:

Благообразны с виду все, но сердцем лживы, злы,
Они — длиннобородые, блудливые козлы...
..В их поступках, в их делах и в путанице слов —
Не больше истины, чем есть блянные козлов.
Открыли блудный дом — и в нем живут! О срам!
И это — ханака! И это божий храм!
Па хлеб пужна теньга — а сколько лжи! К чему?
Для должности играть в святых, скажи, к чему?

В «Смятении праведных» (как и в других поэмах «Хамсы») Навои высказывает свою мечту об идеальном человеке, дает пленительные черты его образа, воспекает его качества. Почему необходимы людям дружба, верность, свобода, как преодолеть все трудности, стоящие на пути к совершенству, стать человеком в полном смысле этого слова — на все эти вопросы Навои пытается ответить в своей поэме. Он восхваляет все качества, возвышающие душу человека и тут его перо достигает изумительной изобразительности. С той же силой Навои рисует свойства и дурные склонности человека. Тема, кажущаяся на первый взгляд «сухой», дидактичной, благодаря богатству мысли, яркости и оригинальности образов, приобретает огромную поэтическую силу.

В главе о правдивости поэт так говорит о преимуществе правды перед ложью:

Свеча всегда пряма и радует нас тем,
Что светит нам, пока не догорит совсем.
А молния крива по свойству своему —
Па миг блеснет и вновь нас погрузит во тьму,
Природу глаз косых уместно вспомнить тут:
Увидят одного, а за двоих сочтут.

Особую ценность для нас представляют данные в этой поэме яркие картины той отдаленной эпохи. Перед читателем проходит вереница людей: бедные студенты, нищие покровителя; ученые, делающие из науки средство для достижения своих корыстных целей; беки и вельможи, хвастающие перед своими собутыльниками еще не совершенными подвигами; мелкие чиновники, сборщики налогов, рыщущие по кишлакам и грабящие народ. Наряду с этими отрицательными типами Навои с большой симпатией изображает простых

дехкан, мирных людей труда, стонущих под игом чиновников.

Обращаясь к человеку, Навои говорит: «Если ты не можешь помочь людям своим талантом, своими силами, то помоги им хотя бы добрым словом». Мерилом человеческого достоинства является для Навои любовь к народу, служение ему:

Высоким званием «человек» достоин зваться тот,
Кто о народе никогда не ослаблял забот.

Философские построения поэта не свободны от мистических элементов. Есть строфы, в которых поэт говорит о бренности мира, об отречении от мирской суеты. Но Навои был слишком жизнерадостным человеком, и его никогда не покидала любовь к жизни, к природе:

Цветы жизни прекраснее всего.

Даже говоря о потустороннем мире, поэт славит земные радости.

В своей «Хамсе» Алишер Навои не собирался порывать с традициями установившегося жанра. Он не рисковал вызвать упрек в подражательности. Этот упрек и не мог бы возникнуть в его эпоху потому, что сохранение линии сюжета было обязательным для поэта, бравшегося за тот или иной традиционный жанр. Все дело было в том, как разработает сюжетные ходы автор очередной «Хамсы», какую трактовку придаст тому или иному герою. В поэме «Смятение праведных» Навои заявляет:

На этот путь Хосровом и Джами,
Я выведен когда-то, но пойми,
Что в праве мысли выражать свои,
В напевах собственных — и Навои.

В чем же, по определению Навои, выражаются эти свои мысли «в собственных напевах»? Они, прежде всего, в идейной направленности, в стремлении принести читателям понимание обыденных земных вещей:

Нам радости дадут огонь, и воздух, и вода,
Но и земля на что-нибудь пригодна иногда,
И если роза и тюльпан, и кипарис — тогар,
То и для дров, само собой, необходим базар.

Признавая мастерство Низами, Хосрова и Джами, Навои скромно называл себя «бессильным их учени-

ком», но при этом подчеркивал, что решил внести изменения в прекрасные сказки и легенды, созданные до него, объясняя это свое намерение желанием приблизиться к жизни... Отсюда — забота о правдоподобии, разумеется, в современном Навои понимании:

Преданья эти — плод седых веков, —
О них писали Низами, Хосров,
Основой взяв, я перестроил их,
Я жизни больше влил в героев их...

Герои «Хамсы» воплощают лучшие человеческие чувства: стремление к творчеству, труду, справедливости, любви, ненависть к злу. Чтобы показать их величие и яркость, Навои стирает с них печать повседневности, налагаемую бытом, нисколько, однако, не умаляя в них художественного полнокровия.

Из всех образов поэмы, созданной гением Низами, внимание Навои привлек Фархад, но если

Все посвящали до сих пор, увь,
Фархаду одну или две главы:
Мол горец он, каменолом простой,
Шириш его пленила красотой,
И ради встречи с ней Фархад решил,
Свершить огромный труд — и совершил.
Но шах Хосров большим ревнивцем был,
И он Фархада бедного убил,

то Навои избирает другую дорогу:

Соперничать я с ними не дерзнул,
На путь иной я повесть повернул.

У Навои, как и у Хосрова, Фархад — китайский принц, с детства проявляет изумительные качества, не свойственные царевичу. Он полон сочувствия к обездоленным, угнетенным, он не хочет наслаждаться роскошью придворной жизни:

Лишь новорожденный увидел свет,
Судьбою был ему на перст надет
Печали перстень, и о нем пылал,
В его оправе драгоценный лал.

Фархад с младенчества обречен на любовь:

В его глазах — туман грядущих слез,
В его дыханьи — месья гнетущих грез,
Печать единственной любви на лбу,
Предсказывала всю его судьбу.

Первый детский лепет Фархада — слова любви. Природа наделяет Фархада большими талантами: в 15 лет он уже усваивает все существующие знания. Физически он развивается так же быстро. В 10 лет он ростом и силой походит на 20-летних джигитов, но несмотря на все свои духовные и физические богатства, Фархад совершенно лишен надменности.

Другой центральный герой «Хамсы» Навои — Меджнун. Самое слово «меджнун» значит «безумный». По этому безумию придается возвышенное значение «одержимый». «Меджнун» — одержимый любовью, захваченный страстью к любимой.

Легенда о трагической любви Лейли и Меджнуна сложилась на арабской почве. Низами украсил эту легенду рядом вставных эпизодов. Он тщательно вырисовывает характеры главных и второстепенных героев, стараясь в то же время бережно передать не только сюжет, но и детали арабского варианта старинных легенд.

Навои, взяв тот же сюжет, тех же героев, что и Низами, по-своему истолковал их так, что значительно отошел от предшествовавших ему Низами, Хосрова и Джамии. Об этом Навои сам новостует в следующих строках:

Любовью вечной вдохновясь, ужель,
Я в самой сказке этой видел цель?
Дух истинный я в ней горячий взял,
А содержанье — лишь придачей взял.

В «Лейли и Меджнуне» точно так же, как и в «Фархаде и Ширин», поэта прежде всего привлекали душевные качества его героев. Кейс, который тоже вырос в жаждавшей ребенка семье, обладает качествами, роднящими его с Фархадом. И Фархад, и Кейс — дети одной великой судьбы. Они должны пройти тем неизбежным путем, который им предначертан. Это — путь любви. Так же, как и у Фархада, первыми словами Кейса были слова любви. Подобно Фархаду, Кейс проявляет огромные способности и быстро овладевает науками. Правда, Кейс не обладает физической силой и удалью Фархада, но он является как бы воплощением одних нравственных качеств.

И в «Фархаде и Ширин» и в «Лейли и Меджнуне» Навои с изумительной глубиной воспевает любовь.

Китайский принц Фархад живет в прекрасных дворцах, построенных для него лучшими зодчими. Но среди пиров и пышных празднеств он полон непонятной внутренней печали. Найдя в сокровищнице своего отца Хакана таинственное зеркало, он видит в нем образ той, по которой томится его сердце. Для Фархада, равнодушного к власти, богатого внутренней жизнью, открылся новый путь, полный героических подвигов. Отказавшись от предложенной отцом короны, Фархад отправляется на чужбину в поисках возлюбленной. Он попадает в Армению вместе со своим другом Шапуром, с которым подружился после кораблекрушения. Единственным властителем его души является любовь, но она не вытесняет из сердца Фархада других благородных чувств. Наоборот, любовь пробуждает в нем героизм, готовность к самопожертвованию. Фархад в чужой стране, среди чужого народа. Он жалует землекопов, забитых тяжелым трудом, роющих канал в горах. С великим напряжением пробивают они горную породу. Фархад решает помочь строителям канала. Он делает себе большую тещу, закаляя сталь по способу знаменитого мастера Карина. Он работает день и ночь, не думая об отдыхе, и удивляет всех своей силой и умением. Так образ Фархада приобретает глубокий смысл, становятся мощным воплощением идеи величия труда.

Постановка вопроса об орошении в любовно-романтической поэме, конечно, необычна, но не случайна. Фархад стоит намного выше традиционных героев народных сказок и легенд, занятых лишь поисками своей любимой. Он не только рыцарь любви, но богато одаренная личность, чуткая к нуждам народа.

В совершенстве овладевший науками Фархад по своему складу пытливым исследователем. Он глубоко верит в силу человеческого разума. Осматривая казну Хакана и найдя таинственное зеркало, он стремится скорее проникнуть в его тайны. Он обращается к своим приближенным со словами, прославляющими величие человеческой мысли. Осматривая работы по строительству дворцов, воздвигаемых для его развлечения, Фархад стремится постичь работу таких великих художников, как Мани и Карин. Фархада поражает острота инструмента Карина, и он обращается к нему с просьбой открытия секрета изготовления стали. Карин

отвечает, что все дело в ее закалке. Фархад проводит бессонную ночь в мыслях о тайнах искусства Карина. На рассвете Фархад торопится на строительство, просит Карина изготовить тешу в его присутствии и быстро усваивает секрет закалки стали.

Фархад любит труд, как любит его сам Навои, вникающий во все детали гератского строительства. Вместе с рабочими трудится Фархад на постройке четырех дворцов. Он учится здесь искусству живописца, скульптора, резчика по камню. На родине Ширин он завоевывает славу прежде всего своим искусным трудом. Благодаря своим занятиям, он работает лучше всех и вносит много нового в технику строительства.

Но вот перед читателем вырастает роковая, грозная фигура Хосрова. Он является воплощением зла, он противопоставлен прекрасным образам Фархада, Ширин и Махин-бану. Подобно черной туче, нависает он со своими войсками над страной Ширин. Хосров не способен понять ни высокой души, ни поступков Фархада, он видит в нем только соперника. Фархад и Хосров вступают в борьбу. Но Хосров, стоявший во главе огромного войска, не может одолеть Фархада в открытой бою и прибегает к коварству.

Закованный в цепи Фархад не теряет мужества. Гневно разоблачает он Хосрова, сидящего на престоле древних царей Ирана. В знаменитом диалоге Фархад острым ножом логики, ярким пламенем своей любви сражает врага. Тело Фархада в плену, но духом он настолько выше Хосрова, что заставляет его умолкнуть. Однако Хосров считает унижительным для себя проявить великодушие по отношению к Фархаду. В то же время он не осмеливается казнить Фархада, считает его недостойным своего величия. Посоветовавшись с визирем, Хосров решает коварно убить Фархада. Злая старуха приносит Фархаду ложную весть о гибели Ширин, и в скорби он призывает смерть. В прощальном монологе Фархад горько жалуется на испорченность этого мира. Но он все же любит жизнь, он мечтает о счастье человека на земле, о царстве любви.

Навои бесконечно углубляет понятие о любви. Для него любовь и верность — синонимы. Его герои всегда руководствуются изречением: «Животное лучше, чем

человек, которому чуждо понятие верности». Верность — священный жизненный долг.

Фархад умирает. Услышав весть о его смерти, прощается с жизнью и его возлюбленная Ширин. Из ревности к Ширин сын Хосрова убивает своего отца. Из Китая прибывает с огромным войском друг Фархада Бахрам, он очищает Армению от захватчиков. На место умершей от горя тетки Ширин Махин-бану он назначает лучшего, справедливейшего представителя той же династии. Широко и спокойно струятся воды прорытого Фархадом канала «Нахрул-хаят» («Река жизни»). Войско Бахрама возвращается на родину, а Бахрам с Шапуром остаются у могилы Фархада, чтобы там закончить свои дни.

Так скорбную мелодию смерти заглушает гимн торжествующей жизни. Появление Бахрама в конце поэмы — это своего рода приход Фортинбраса в финале шекспировского «Гамлета».

Кейс, так же как и Фархад, впитавший чувство любви с материнским молоком, еще в школе влюбляется в Лейли. Однажды весной Кейс и Лейли вместе со своими товарищами по школе отправляются гулять. Дети разбегаются по степи, усеянной цветами. Оба влюбленных случайно сталкиваются в тихом уголке, окруженном цветущими розами. Здесь они впервые решаются выразить свои чувства. Кейс падает в обморок. В это время приходят рабыни, сопровождающие Лейли, и уводят ее домой.

Несправедливый, жестокий мир, стеною ставший между Фархадом и Ширин, разъединяет и эти чистые души. Кейс обладает редкими духовными богатствами. Он талантливый поэт, но любовь превращает юношу в безумца. Где бы ни появлялся Кейс, за ним гурьбою бегают дети и кричат: «Вот идет Меджнун». Он забывает родителей, свое племя; вся жизнь, весь мир сосредоточены для него в образе Лейли. Меджнун становится маньяком, человеком единого всепоглощающего чувства любви. Он — жертва обстоятельств, родовых предрассудков, его роль пассивна, он не борец, а мученик любви, ищущий бесконечного наслаждения в бесконечности страданий. Это патологическое восприятие мира и выражается в поведении Меджнуна. Встретив запаршивевшего пса, Меджнун обнимает его, разрывает свою

рубаху и перевязывает его раны. Он просит пса прийти к дому, где живет его возлюбленная и за него поцеловать порог ее дома. Для Меджнуна собственная личность — ничто перед образом Лейли. Он сравнивает свою преданность с преданностью собаки.

Страшное зрелище представляет собою Меджнун в степи. Тело его покрыто грязью. Он играет с муравьями, лепит из глины могильные холмики, посыпает голову песком и глиной, поет в один голос с птицами. Но даже в этом печальном виде Меджнун живет богатством духовного мира; страдания его стали ярким неисчерпаемым источником вдохновения.

Только люди, подобные великодушному Науфалю, однажды испытавшие горечь любви, способны понять Меджнуна. Науфаль испытывает глубокое уважение к своему другу, которого он встречает в пустыне среди зверей. Чтобы исцелить несчастного влюбленного, Науфаль посылает своих людей к отцу Лейли и просит его оказать милость «юноше, который усвоил все существующие науки». «Увидев, что его просьба не действует, он прибегает к оружию. Вместе со своим отрядом Науфаль нападет на отца Лейли. Но и мечом он не может сломить упрямство отца. Последний заявляет, что лучше убьет дочь, чем отдаст ее Меджуну.

Наконец, стремясь вернуть Меджнуна к жизни, Науфаль сватает ему свою дочь. Он заботится о Меджнуне потому, что видит в нем воплощение лучших человеческих качеств.

Ширин и Лейли, возлюбленные Фархада и Меджнуна, не только прекрасны внешне, они прекрасны и по своим духовным и моральным качествам.

Принцессу Ширин воспитывает благороднейшая и умнейшая правительница Махин-бану. Хосров, придя в Армению со своим войском, предъявил Махин-бану требование отдать за него Ширин, угрожая в противном случае взять Ширин силой, превратив всю страну в пепел. Махин-бану стоит перед тяжким выбором: с одной стороны, она обязана заботиться о судьбе страны, народа, с другой стороны, ей необходимо считаться с желаниями Ширин. Она решает обратиться к Ширин и узнать ее мнение. Но даже при таких тяжелых условиях Ширин не хочет подчиниться насилию. Для Ширин выше всего ее человеческое достоинство. Хос-

ров усиливает осаду. Опасность нависла над Арменней. Фархад в плену у врага, но Ширин остается верной себе и своей любви. После покорения страны неприятелем, после гибели Фархада, Ширин все-таки решает сохранить верность ему, она умирает, обнимая тело своего возлюбленного.

Возлюбленная Меджнуна по красоте, силе любви и преданности не уступает Ширин. Хотя ее аристократическая семья любит ее, она совершенно лишена свободы, скована гнетом сурового воспитания и феодальных обычаев. В глазах людей ее среды любовь к свободно избранному человеку — преступление. Поэтому Лейли скрывает любовь, которая сжигает все ее существо. Когда служанки, пришедшие за ней во время прогулки, застают девушку с Меджнуном среди цветущих роз, Лейли пугается и умоляет их об этом никому не рассказывать.

Лейли выдают замуж за Ибн-Салама. Она заранее готовится к тому, чтобы превратить свадебный пир в траурное пиришество. Во время брачной церемонии Лейли обдумывает страшный план — убить себя кинжалом. Лейли спасена от самоубийства и от необходимости разделить ложе с нелюбимым человеком.

С каждым днем чахнет Лейли от любовной тоски и, наконец, уже не может подняться с постели. В предсмертный час она осмеливается рассказать матери о своей любви, выразить печаль сердца. С изумительным величием уходит она из жизни, сознавая, что жизнь будет цвести и без нее.

Не губит осень все цветы в саду,
Настало время: скоро я уйду,
...Пусть эту розу победит недуг,
Не плачь, когда цветок уйдет на луг,
И если солнце навсегда уйдет.
Пусть не затмится пылью небосвод.

Здесь образ Лейли поднимается на недостижимую высоту и приобретает глубокий смысл и несудьбасную прелесть.

«Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун» — не занимательные любовные сказки, это мощная симфония любви. Навои вкладывает в слово «любовь» всеобъемлющее значение. Царство и корона — ничто перед любовью. Жизнь приобретает настоящий смысл только

благодаря любви. Любовь воплощается в искренности, верности, мужестве, во всех лучших свойствах героев Навои.

В поэме «Семь планет» Навои описывает любовь Бахрама, подчинившего себе царей семи стран, к прекрасной девушке Дилярам, обладающей не только редкой красотой и изяществом, но и волшебным искусством музыки. Своей игрой и пением она приводит в трепет горы.

Дилярам — женщина, уважающая свое достоинство. С царем царей Бахрамом она держится смело, без всякого раболепия. Во время большой охоты, на которую она сопровождает Бахрама, тот проявляет удивительную меткость в стрельбе. Но Дилярам говорит, что в каждом искусстве можно достигнуть совершенства благодаря упражнению и настойчивости. Этот трезвый взгляд Дилярам разгневал Бахрама. Он бросает прекрасную девушку, изумительную музыкантшу, связанную по рукам и ногам, в безжизненной пустыне.

Отдаваясь чарующей музыке Дилярам, не сводя с нее влюбленного взгляда, он отошел от государственных дел и сам же стал винить в этом Дилярам. Бахрам был убежден, что царство и корона дают возможность осуществить любое желание. Ведь и Дилярам он получил благодаря этому. Но когда гнев прошел, Бахрам понял всю несправедливость совершенного им поступка, затосковал по Дилярам. К каждым днем растет его скорбь и доводит его до безумия. По совету врачей для исцеления шаха строят семь дворцов. Каждое из этих зданий отличается своим цветом. Чтобы развлечь Бахрама, к нему приводят дочерей семи покоренных им царей. Каждый день Бахрам устраивает пышный пир в одном из этих дворцов. Визиря делают все возможное, чтобы развлечь царя. Но как только наступает вечер, Бахрама охватывает тоска. Он ни на минуту не может уснуть. Чтобы разогнать свою грусть, Бахрам ежедневно слушает рассказы чужестранцев — по рассказу в каждом дворце. Эти рассказы вплетаются в сюжет поэмы. В них описываются занимательные романтические приключения, картины и образы, один другого увлекательнее. Богатый житель города Халаб Ахи, египтянин Сааб, ювелир из Малой Азии, принц Сухейлы, его возлюбленная — царевна Мехр, щедрый

Масуд и его любимая, музыкант из Хорезма — все эти замечательные, яркие личности проходят перед Бахрамом. И каждый из семи рассказов — мастерски выполненная поэма большой силы и глубины.

Чужестранец, прибывший из седьмой страны Хорезм, рассказывает Бахраму сказку, из которой царь узнает о дальнейшей судьбе Дилярам. Оказывается Дилярам, брошенная в безлюдной пустыне, была найдена своим бывшим хозяином и воспитателем. Соскучившись по ней, он отправился навестить ее и по пути нашел ее в пустыне. Он окружает ее вниманием, заботами и увозит обратно в Хорезм. В Хорезме, живя в одиночестве, Дилярам вспоминает Бахрама и слагает песни о своей любви. В своем несчастье она обвиняет себя, а не Бахрама. Злой поступок Бахрама она объясняет вспышкой гнева.

Узнав об этом, Бахрам немедленно отправляет гонцов в Хорезм, они приводят к нему Дилярам. Бахрам снова наслаждается близостью возлюбленной.

Знаменательна концовка поэмы, в которой Навои рисует гибель шаха Бахрама. В соответствии с общим стилем «Семи планет» этот эпизод рисуется в гиперболических тонах аллегории. Но за фантастической картиной трагической охоты Бахрама легко разглядеть реальную подоплеку и прочесть морализующую тенденцию Навои.

Царь Бахрам отправляется на охоту с огромным полчищем в сто тысяч человек. Охотники мчатся по степям и толям, уничтожая перепуганных зверей. Их кровь струится реками, и в то же время с небес струится дождь, он превращается в страшный ливень и затопляет обширную местность, на которой происходит охота. Болото засасывает охотников. Тщетно Бахрам и его придворные поднимают вопли, несущиеся к небу. Их всех ждет неминуемая гибель.

«Вал Искандера» представляет собой заключительную поэму «Хамсы». В центре этой поэмы величественный образ полководца Александра Македонского, о котором сохранили память народы Средней Азии. В поэме исторические события представлены в фантастическом свете. Жизнеописание Александра Македонского, разумеется, далеко от подлинной его биографии. Навои бесспорно знал, что Александр был сыном македонско-

го царя Филиппа. Но он умышленно говорит о своем герое, как о сыне бедной женщины, умершей на улице.

Легко объяснить тенденцию Навои. Рассказывая о низком происхождении Александра Македонского, Навои проводит характерную для него мысль о том, что ценность человека не в его пышной родословной, а в его личных качествах и личной одаренности.

Всю свою жизнь борющийся за интересы народа, Навои считал, что для духовного и экономического развития страны необходимо создать прочные законы, что задача людей, стоящих у власти — устанавливать справедливость. Навои был противником феодальной анархии и политической раздробленности государства. Он был убежден, что только в большом централизованном государстве можно обеспечить мирную жизнь и способствовать развитию культуры. Все это может сделать, по мнению Навои, просвещенный, идеальный правитель. Навои считал, что от моральных качеств царей, от характера проводимых ими мероприятий зависит расцвет и упадок страны. Вот почему Алишер был тесно связан с Хусейном Байкарой и неустанно внушал ему свои социальные и политические идеалы, надеясь, что тот сможет их осуществить. Жизненную практику борьбы против реакционной дворцовой клики Навои сочетал с поэтической практикой. Ему приходилось и на деле, и в своих произведениях разоблачать все гнусные деяния феодальной клики. Неоднократно призывал Алишер как государственный деятель Хусейна Байкару к справедливости и заботе о народе. Навои считал, что величие Александра Македонского, его огромные успехи на полях сражений объясняются его близостью к народу и заботами о нем.

Искандер обладает всесторонним, пытливym умом и любознательностью. Он любит изобретателей и сам придумывает чудесные машины. Устанавливая порядок и законность, он облегчает жизнь подданных.

В поэме Искандер — смелая, энергичная натура. Царь превращает государство в цветущий край и организует сильную и преданную армию. Одну за другой покоряет он страны на Западе и на Востоке. Он не грабит народы покоренных стран, но устанавливает там порядок и вводит свои законы. Он отменяет варварские обычаи, строит новые города и села.

Через всю деятельность Искандера красной нитью проходит идея справедливости. На образе Искандера Навои раскрывает чрезвычайную творческую силу этой идеи. Даже противники Искандера в большинстве случаев вынуждены были склониться не перед его армией, а перед его справедливостью.

Искандер — просвещенный монарх. Он знаком со всеми существовавшими в его время науками. Он глубоко уважает людей, знания и искусства. В походах царь окружен философами и учеными. Он часто обращается к ним за советами, старается практически использовать научные открытия. Применяя изобретения ученых, он разрушает мощные крепости и проникает в неприступные тайники.

Искандер старается познать тайны жизни и природы. Его не удовлетворяет видимый органический и неорганический мир. Он хочет попасть на дно морское, познакомиться с жизнью его обитателей. Таким образом, герой, завоевавший мир, теперь стремится его познать. С помощью ученых он изобретает огромную колбу и в ней опускается на дно морское. Описывая своего героя, Навои как бы хочет сказать царствующему султану Хусейну, каким должен быть правитель.

Вот основные черты литературного наследия Алишера Навои. Задача советских ученых — изучить эти бессмертные произведения Навои и сделать их достоянием миллионов советских читателей.

1947 г.

ВЕЛИКИЙ УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ АЛИШЕР НАВОИ

Сегодняшний день является радостным днем в многовековой истории узбекского народа. Сегодня узбекский народ, вместе со всеми народами, торжественно отмечает пятисотлетний юбилей великого поэта и мыслителя Алишера Навои.

Узбекский народ, возрожденный Великой Октябрьской социалистической революцией, за короткий срок достиг невиданных успехов во всех областях общественной жизни, во всех областях экономики и культуры. Страна, доведенная до пределов нищеты под властью жестоких ханов и правителей, безжалостно раздробленная на части, страна сплошной неграмотности, население которой оскорбляли и унижали местные и царские чиновники, обирали местные и пришлые капиталисты и помещики, страна, которую душило ярмо двойной и тройной эксплуатации, при Советской власти за короткий срок превратилась в передовую Советскую Социалистическую республику, в маяк социализма на Востоке.

Как и другие народы Советского Востока, узбекский народ своим творческим, созидательным трудом, своими достижениями во всех областях человеческой культуры разоблачил лживость и хищническую сущность расистских теорий, выдуманных реакционерами и империалистами всех мастей относительно неспособности, неполноценности народов Востока.

Эпоху, в которой жил и творил Алишер Навои, с нашей эпохой разделяет пять веков. Но вдохновенные слова поэта дошли до нас, преодолевая крутые хребты времен и веков, богатых событиями и переменами. Имя Алишера Навои так же, как и имена Шота Руставели,

Низами, Пушкина, Шевченко, Толстого — этих титанов художественного слова — заслужило любовь и уважение советских народов, подлинных наследников всего великого и прекрасного, что было создано человечеством за всю его многовековую историю.

Время, в которое жил и творил Алишер Навои, совпадает с периодом господства последних Тимуридов (вторая половина XV века). Это был период распада созданной железным хромцом Тимуром обширнейшей империи, когда даже коренные области ее откалывались и образовывались вотчины отдельных феодальных владетелей. Бесперывные междоусобные войны претендентов на престол, внутренние и внешние политические потрясения приводили к постоянно прогрессирующему обнищанию народных масс, к застою в экономической жизни. Культура этого времени, культура Хорасана и Мавераннахра была основана на узком экономическом базисе, она охватывала в основном верхние, высшие слои общества. Вся эта эпоха характеризовалась резкими контрастами.

Утонченная, блистательная, пышная жизнь феодальной знати и тяжелый рабский труд крестьян и ремесленников-кустарей; величественные здания дворцов, вздымавших к небу свои купола и арки и рядом тысячи глинобитных, напоминающих голубятни, хижин бедняков. Смелый для того времени прогрессивный лозунг «Изучение наук является обязанностью каждого мусульманина и каждой мусульманки», написанный на арке медресе и в то же время проповеди фанатиков о том, что все науки от дьявола; состязания поэтов, увлечение философией и науками сосуществовали с крайним религиозным фанатизмом и мракобесием; высшие учебные заведения — медресе возвышались рядом с обителями дервишей, суфиев, мистиков, ярых противников всякого положительного знания.

В Самарканде, где возвышалась изумительная обсерватория Улугбека, где ученые во главе с Улугбеком вели наблюдения за движением небесных светил и создавали труды, на многие века определяющие развитие мировой науки, жил шейх Ходжа Ахрар, крайний фанатик, представитель самой черной реакции, который не терпел ни малейшего проявления творческой мысли.

Такова была та эпоха. Были и в ту эпоху передовые, честные люди, которые, невзирая на все препятствия, трудности и гонения, боролись за культуру, за просвещение, разоблачали мракобесие, тиранию, неправду и гнет. И среди этих людей — среди самых передовых, самых прогрессивных, самых смелых, искренних и честных поборников культуры и просвещения, правды и справедливости возвышается величественная фигура Алишера Навои — поэта, мыслителя, человека.

Тот, кому было суждено создать в истории языка, литературы, культуры узбекского народа целую эпоху, кому суждено было определить на века пути развития узбекской литературы и оказать огромное влияние на развитие культуры и общественной мысли многих народов Востока, — великий Алишер родился в Герате, в семье, близко стоявшей к дворцовым кругам последних Тимуридов.

С детских лет Алишер учился у знаменитых ученых Герата, Мешхеда, Самарканда. Обладая выдающимися способностями, разносторонними дарованиями и отличаясь постоянной жадностью к знаниям, он изучает языки и историю народов, философию и поэзию, живопись и каллиграфию, богословские науки, политику, науки и искусство прикладного характера; он широко пользуется трудами индийских, арабских, персидских, греческих поэтов, философов и мудрецов.

Поднявшись по лестнице дворцовой иерархии до положения первого визиря султана Хусейна Байкары — последнего из Тимуридов, — Алишер Навои стремится к целям, совершенно чуждым понятиям и представлениям феодальной знати и придворных кругов. Все свои способности и знания, все свое творчество Алишер Навои посвящает служению народу и родине.

До Алишера Навои в творчестве узбекских классических поэтов совершенно отсутствовали мотивы любви к народу, к родине, заботы об их судьбе. Одни из современников и предшественников Навои ограничивались проповедью религиозно-мистических учений и взглядов; другие, в соответствии со вкусами знати, не признавали ничего, кроме любовной, эротической лирики и славословий вину.

Навои глубоко сознавал, что единственной надеждой, единственной опорой для поддержания и укрепления

ния государства, разрушавшегося под воздействием внешних и внутренних сил, может быть лишь народ. Поэт любил свой народ любовью, на какую только было способно его большое сердце. Угнетение народа, насилие над ним он считал самым тяжким злом, самым тяжким преступлением. И он возвышает свой могучий, полный гнева и ненависти голос против всех и всяких тиранов.

В вопросах отношения к народу поэт-визирь не отступает даже перед разоблачением своего друга детства — султана Хусейна Байкары. «Ты у народа взял иглу, так не забудь вернуть, она — кинжал и грудь твою пронзит когда-нибудь. О, цари! Большую жизнь и мощь дает тебе престол, но ты пути добра отверг, путь гнева предпочел!» — говорит он, обращаясь к султану Хусейну.

Идея бескорыстного служения народу всеми, начиная от шаха и до нукера, идея подчинения всей государственной системы интересам народа составляют основную, доминирующую линию не только всей общественной и политической деятельности Навои, но и всего его поэтического творчества.

Проблема защиты народа от всякого рода гнета и насилия, забота о его нуждах, вопрос о необходимости самого справедливого отношения к нему являются центральной темой, мотивом мотивов всего творчества Алишера Навои.

В основе непрерывной борьбы, которую Алишер Навои вел с придворными кругами, правителями, высокими должностными лицами и самим султаном Хусейном, борьбы, которая нередко приносила ему тяжкие страдания и испытания,— лежала проблема отношения к народу.

Мерой человеческого достоинства и человеческого совершенства Навои считает искреннее служение народу и родине. Родина для Навои — это великая святыня, пролить кровь и отдать свою жизнь за нее — высокая честь и награда для человека.

Страстная борьба Алишера Навои за родной язык является одной из главных заслуг поэта перед литературой и культурой узбекского народа.

Поэт, почти с детских лет писавший прекрасные стихи на персидском и узбекском языках, прославив-

ший свое имя как талантливый двуязычный певец, впоследствии стал знаменосцем борьбы за родной язык. Добиваясь торжества родного языка, поэт вступает в единоборство со всеми твердо установившимися на мусульманском Востоке взглядами, убеждениями и понятиями о превосходстве персидского языка, ставшими в области литературы непреложным законом, который защищали целые поколения персоязычных поэтов Хорасана и Мавераннахра.

Навои нанес сокрушительный удар господству персидского языка. Своими бессмертными художественными произведениями и научными трудами он доказал, что узбекский язык, до того времени считавшийся грубым и постоянно третируемый феодальной верхушкой, на самом деле по богатству и красоте не уступает языку персидскому.

Навои всюду и всегда настойчиво, с убежденностью смелого искреннего борца призывал своих современников любить свой родной язык, создавать на нем научные труды и художественные произведения и прилагал все усилия к тому, чтобы развивать этот язык, сделать его в своей стране господствующим во всех областях культуры и общественной жизни.

Поэт прекрасно понимал, что язык является важнейшим орудием воспитания народа, развития его культуры.

В эпоху Навои, как и до него, образованные круги общества и феодальная знать находились под сильнейшим влиянием иранской культуры: в этих кругах читали, писали и разговаривали на непонятном, чуждом иранском языке. Так называемый «высший свет» пренебрегал родным языком, родной литературой.

Алишер Навои понимал, что его родной народ, как и всякий народ, должен обладать своей самобытной культурой и литературой и постоянно развивать ее. Он понимал, что поэзия должна отражать сознание народа, его мысли и чаяния. И он часто повторяет эту свою мысль, утверждая, что его произведения — в духе его народа и служат именно этой цели.

Таким образом, в понимании сущности литературного творчества, в понимании роли и значения его в жизни народа, Навои далеко опередил многих и многих своих современников-поэтов.

В то время как для творчества большинства поэтов-современников Навои характерно было слепое подражание старым, избитым образцам поэзии, уход от жизни, от действительности, увлечение религиозно-мистическими мотивами, чисто формалистическими фокусами, голой игрой слов,— для Навои художественное слово являлось не «красивой ложью», не средством выражения неземных чувств и переживаний, как это утверждали многие современники Навои, а средством, с помощью которого народы приобщались к прекрасному, что делало человека человеком, что украшало человека.

Еще в годы юности, беседуя со своим другом Мухаммедом Саидом Пахлаваном о назначении поэзии, Навои выдвигал идею, что поэт в своих произведениях должен отражать явления реальной жизни, выражать чувства и мысли живого человека. Сам непревзойденный мастер художественной формы Навои считал, что в поэзии смысл, содержание являются главным, первостепенным. И этот принцип он отстаивает со всей категоричностью и ясностью в своей «Хамсе».

С течением времени поэт углубляет эти свои взгляды на литературу и ее значение. Литературно-эстетические взгляды Навои по тому времени были новыми, смелыми, прогрессивными, они открывали перед художником слова новые горизонты. Эти взгляды у Навои не оставались в области голой теории. Поэт воплощает их в своих великих творениях.

Алишер Навои создал заслуживающее удивления количество произведений разнообразных по форме и содержанию: от лирических газелей, эпико-романических дастанов, философско-исторических трудов до наставлений по стрельбе из лука. Если взять только область поэзии, то нельзя найти ни одной поэтической формы, ни одного жанра, существовавших в арсенале классической восточной поэзии, где бы волшебный калям Навои не нашел своего применения и где Навои не создал бы достойных удивления произведений.

Один только лирический его диван, известный под названием «Чар-диван», состоит из сорока семи тысяч строк. «Чар-диван» Навои поистине является вечно неувядаемым, живым цветником поэзии. Это замечатель-

ное творение, сотканное из живых, пламенных мыслей и чувств песнопевца всеобъемлющей великой любви и человечности, песнопевца светлых начал жизни и разоблачителя всех злых и темных сил.

Усыпанное звездами небо поэзии Навои и сейчас так же ярко горит, как оно горело и пятьсот лет назад.

«Чар-диван» по тематике, по содержанию чрезвычайно богат и разнообразен. Он включает в себя тысячи газелей, в которых поэт воспевает любовь и тончайшие чувства и переживания любящего сердца, выражает свои пантеистические взгляды на действительность, на природу, на отношение человека к человеку, поет гимн бесконечно разнообразным проявлениям жизни, выражает свои взгляды на социальные проблемы, волновавшие лучших людей его эпохи, свои думы о жизни, о любви, о человеке, его судьбе и т. д.

Как и прославленный лирик Хафиз, Навои является непревзойденным мастером лирических форм.

Навои впервые в истории создал на узбекском языке «Хамсу» (пятипоэме). Форма эта являлась мерой дерзания и творческого размаха для поэта Востока и осуществление ее было под силу только очень немногим выдающимся поэтам, писавшим на персидском языке.

Навои сумел создать этот монументальный памятник поэзии на узбекском языке в течение всего лишь двух лет. Своей «Хамсой» Навои не только прославил свой родной язык, доказал его силу и богатство, не только неизмеримо расширил влияние узбекской классической литературы, но и заставил умолкнуть самых рьяных сторонников и поклонников персидского языка.

Поэмы, составляющие «Хамсу» («Пятерицу») Навои, хотя в основном и совпадают по своим сюжетам с традиционными сюжетами «Пятериц» других прославленных поэтов Востока, все же являются совершенно оригинальными, неповторимо самобытными произведениями.

«Хамса» наиболее полно отражает поэтический гений Навои. Глубина мысли и широта охвата явлений природы и общественной жизни, тонкость и проницательность художника в понимании человеческих переживаний, стремление к выражению правды жизни, совершенство поэтической формы характерны для всех поэм «Хамсы» Навои.

Перед читателем «Хамсы» раскрывается целый водоворот событий, явлений, страстей, самые разнообразные, яркие картины жизни народов, племен, государств, стран, борьба светлых и темных сил и удивительно богатая галерея ярких типов и образов.

Навои в своем творчестве вдохновенным взором охватывает многие страны Азии и Европы. Герои «Хамсы» действуют в Хорезме, в Китае, сказочной Индии, Иране, Армении, в арабских странах, в Греции и т. д.

Жизнь улиц и площадей Герата, грандиозные картины строительства, битвы и походы Александра Македонского по дальним странам, среди десятков народов и племен, подводное царство, куда отправляется его любознательный герой, стремящийся к познанию жизни,— все доступно волшебному перу гениального поэта.

В сказочных сюжетах поэм «Хамсы», где бы ни происходило действие,— в Китае ли, в Сирии, в Аравии ли, в Индии, в Хорезме или в Греции,— Навои откликается на важнейшие социальные проблемы своего времени: необходимость воспитания потребности созидательного труда, значение и роль науки и искусств, проблема отношения человека к народу, родине, свободе личности и т. п., идеи и мысли, которые волновали лучших людей его времени. В своих поэмах Навои рисует картины идеальных общественных отношений. Навои выводит своих героев из тесных рамок общественных отношений, свойственных средневековью и переносит их в прекрасный мир, созданный его мечтой.

Герои Навои являются идеальными, совершенными людьми. Поэт наделяет их многими чертами своего характера. Герои Навои обладают огромной жаждой познания мира, природы. Они готовы всегда отдать свою жизнь за торжество правды и справедливости. В своих сердцах они носят неиссякаемую любовь к прекрасному. Они исполнены гнева и ненависти к злу, насилию, они борются против темных сил мира, против всего того, что унижает человеческое достоинство.

Такими героями являются Фархад, Кейс, Искандер Зулькарнайн, Сухайль, Ахи, Шапур и другие.

Фархад с детских лет изучает все науки своего времени, обогащает себя знаниями многих искусств, у знаменитых мастеров он учится строительному искусству.

Его стремление к созидательному труду так же сильно, как и его любовь к прекрасной Ширин. Очувтившись в Армении — стране Ширин, он целиком отдается строительству жизни, врубаясь в каменную грудь гор, проводит полноводный канал, дающий жизнь пустыне.

Недаром Навон называет реку, которую провел Фархад, Рекой жизни. Великий созидатель, строитель, мудрый Фархад, носящий в своем сердце безмерную, чистую любовь к Ширин, встает на защиту родины своей возлюбленной, подвергшейся опустошительному нашествию злого Хосрова.

Для Фархада смысл жизни заключается в борьбе за торжество справедливости, любви, в борьбе против тирании, насилия и жестокости.

Так же и Кейс, этот поэт и благороднейший человек, является воплощением великой любви и верности. Он избирает тернистый путь, но предпочитает смерть отказу от избранного пути.

Особенно обаятельны и прекрасны женские образы поэм Навон. В то время как ислам всем своим авторитетом узаконил бесправие, рабское положение женщины, Навон в своих мечтах видел женщину, освобожденную от оков патриархальных традиций и религиозных предрассудков, женщину, осуществляющую свою волю и самостоятельно распоряжающуюся своей судьбой.

Женщины в поэмах Навон не пассивные рабыни, не затворницы гарема. Они, как и мужчины, одарены лучшими, идеальными человеческими качествами. Такими являются прекрасная дочь Армении — Ширин, Махинбану, Гульруз, Михр. Такими же качествами обладает прекрасный, нежный цветок Аравии — Лейли.

Женщины поэм Навон обладают самостоятельным умом и чутким прекрасным сердцем. Они способны на подвиг, они не только преданы в любви, не только стойки в дружбе, но столь же стойки и в борьбе за свои права. После смерти Фархада, когда Хосров, одержав победу, требует руки Ширин, возлюбленная Фархада отказывает ему. Она предпочитает смерть унижению своего человеческого достоинства.

В своих поэмах Навон дает образ женщины-воини, женщины-поэтессы, женщины-математика, философа, историка, лингвиста, естествоиспытателя и др.

Есть еще характерная черта взглядов Навои. В эпоху, когда набеги, грабежи и разорение сел и городов иноплеменных народов было обычным явлением, когда ислам разделял народы на правоверных мусульман и неверных, стремился посеять между ними национальную вражду и религиозную рознь, великий поэт смело выдвигал идеи гуманизма. Для Навои было чуждым понятие о превосходстве, об исключительных правах того или иного народа. Великий гуманист Навои стремился обнять светом своей любви все народы, все племена. Он выступал против войны и набегов, которые приводили к опустошению, к разрухе. Он мечтал видеть все народы и племена счастливыми, живущими в братском содружестве.

Кроме бессмертных художественных творений, Навои создал большое количество ценнейших произведений в области науки, философии, этики, языка и в других областях. И на каждом из этих произведений лежит печать гения автора «Чар-дивана» и «Хамсы», каждое из них наполняет наши сердца любовью к имени великого поэта, уважением к его светлой памяти.

Передовой и культурнейший человек своего времени, Навои не ограничивается пропагандой наук, культуры и просвещения в своих произведениях. Он был великим покровителем науки и искусства в Хорасане и Мавераннахре. Все деятели культуры того времени пользовались его материальной и моральной помощью и постоянной поддержкой. Навои поощрял ученых, поэтов и художников своего времени в стремлении двигать науку, литературу и искусство вперед.

В эпоху, когда мусульманское духовенство объявило науку ересью, языческими учениями, подрывающими основы религии, и страшилось даже их призрака, Навои призывал своих современников к овладению знаниями, добытыми учеными разных народов во все времена истории человечества. Навои преклонялся перед учеными, философами древней Греции и в своих произведениях, и в жизни он восхвалял духовные сокровища древнего мира.

До нас дошло много прекрасных произведений, созданных современниками Навои по инициативе поэта и посвященных его имени.

Конечно, и в философских, и в социально-политических взглядах Навои, и в его практической деятельности имеются противоречия, слабости. Политическим идеалом Навои было государство во главе с просвещенным монархом, который должен был заботиться о целостности страны, быть поборником порядка, законности и справедливости.

В силу состояния наук того времени, Навои не мог вырваться из рамок теологического мышления. Разоблачая шейхов и дервишей-мракобесов, он в то же время верил, что могут быть искренние и действительно праведные шейхи и дервиши. В произведениях Навои нередко мотивы песимизма, мотивы бренности мира, отречения от мирской суеты. Однако мы вполне отдаем себе отчет, что эти слабые места в мировоззрении и практической деятельности великого поэта и мыслителя были обусловлены временем, эпохой, в которую он жил.

Бессмертные творения гениального поэта-гуманиста Алишера Навои стали в настоящее время достоянием народных масс нашей необъятной страны. Все прекрасное, прогрессивное из созданного гениальным художником слова и замечательным человеком Алишером Навои навсегда войдет в золотой фонд культуры советского народа.

1948 г.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКИСТАНА ЗА ДВА ГОДА

...За прошедшие два года писатели Узбекистана создали произведения, свидетельствующие о значительных сдвигах в нашей литературе. Движение вперед особенно заметно в нашей поэзии. От высокопарных, декларативно-лозунговых форм, с одной стороны, от интимно-лирических, цветисто-описательных мотивов и приемов, с другой, поэзия переходит к показу жизни, к выражению мыслей и сокровенных чувств советских людей — строителей коммунизма. Поэзия обогащается жизненным содержанием, стремится к широкому охвату событий, и к поэтическим обобщениям.

Для поэзии Советского Узбекистана последних лет является характерной тенденция к реалистическому отображению событий нашей социалистической действительности, тенденция к созданию стихотворений и поэм с типичным для нашей действительности сюжетом.

Узбекская поэзия все шире и глубже срастается с жизнью. И ведущими и молодыми поэтами за два года создано большое количество стихотворений, посвященных актуальным темам советской действительности. Это стихи о хлопке, о замечательных людях колхозных полей, об их трудовом героизме, о новых, социалистических методах труда, о высоких моральных качествах советских людей. Эти стихи проникнуты чувством глубокого патриотизма, любви к социалистической родине, оптимизма, исполнены радости творческого созидательного труда. Во многих стихах читатель узнает образы советских людей — героя-фронтовика, вернувшегося к мирному труду, девушек-стахановок, передовиков социалистического сельского хозяйства и промышленности.

Наши грандиозные стройки — Фархадская ГЭС, Катта-Курганское водохранилище, железная дорога Чарджоу—Кунград — нашли отражение в советской поэзии Узбекистана.

Ведущие поэты Узбекистана создали стихотворения на актуальные темы современности, дали немало произведений боевой публицистической поэзии. Таковы стихи Гафура Гуляма «Огни Узбекистана», острое публицистическое стихотворение «Ассалам», посвященное 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Поэт Шейхзаде выступил со стихами на темы послевоенного строительства.

С поэтическими произведениями, отличающимися острой политической направленностью, выступают в печати поэты Тураб Тула, Аскад Мухтар, Мамарасул Бабаев, Рамз Бабаджан, Шухрат и др. В последнее время и ведущие, и молодые поэты стремятся к созданию крупных поэтических произведений — поэм.

Однако необходимо оговориться, что эти сдвиги в нашей поэзии еще далеко не удовлетворяют требований выросшего советского читателя. Большинству стихотворений еще не хватает глубины, подлинной народности, силы поэтического обобщения.

Наши поэты должны очень много и серьезно работать над повышением своего идейно-политического уровня, глубже изучать жизнь, неустанно работать над усовершенствованием своего мастерства.

Незачем скрывать того обстоятельства, что наряду с полноценными произведениями в печати появляется немало произведений идейно поверхностных и крайне слабых по своим художественным достоинствам.

На произведениях многих наших поэтов лежит печать поспешности, замены подлинно художественного образа поэтическим штампом. Над творчеством некоторых поэтов еще довлеют старые, отжившие формы и приемы поэзии прошлого.

Советский народ предъявляет к своим поэтам требование создать высокохудожественные песни, однако создание песни до сих пор еще не решенная проблема для наших поэтов.

Наши поэты еще не создали песен широко популярных, любимых нашим народом. Попытки создать песню пока не увенчались успехом. Это объясняется тем, что

наши поэты мало интересуются, да и плохо владеют песенным жанром.

Знаменательным событием для советской поэзии Узбекистана является то, что за последние два года нашими поэтами созданы крупные поэтические произведения, поэмы. В этом мы видим стремление наших поэтов к широкому, всестороннему отображению и обобщению явлений современной жизни. Это, несомненно, является показателем серьезного внутреннего сдвига в их творчестве.

В докладе мы сможем лишь в общих чертах охарактеризовать их наиболее интересные произведения.

Поэт Мирмухсин, в прошлом автор небольших лирических стихотворений, выступил с поэмой «Уста Гияс». Это первое крупное произведение узбекской поэзии о колхозной жизни. Молодой поэт в своей поэме рассказывает о старом колхознике-хлопкоробе Уста Гиясе, о его борьбе за укрепление колхоза, борьбе с нерадивостью, с небрежным отношением к имуществу колхоза. По своему строению поэма резко порывает с устаревшими традициями поэзии Востока, написана живым, разговорным языком, с употреблением большого количества поговорок и афоризмов, бытующих в народе. Образ центрального героя поэмы — старого хлопкороба колхозника Уста Гияса сделан Мирмухсином с предельной правдивостью и яркостью. В этом образе отражены высокие качества советского человека, творческое отношение к труду.

Познавательное и воспитательное значение этой поэмы чрезвычайно высоко. По существу, это первое произведение узбекской поэзии, которое рассказывает о жизни старшего поколения дехкан-хлопкоробов и их беззаветной любви к своей освобожденной от байского произвола родине.

Продолжением темы колхозного строительства является вторая поэма Мирмухсина «Зеленый кишлак». В этой поэме Мирмухсин развивает актуальнейшую тему современности — освоение безводной пустыни, превращение ее трудами колхозников в цветущий плодородный оазис. В правдивых, убедительных образах поэт показывает, как советские люди — колхозники, преодолевая трудности, своим самоотверженным трудом преобразовывают лицо пустыни — создается «Зеленый

кишлак» — первые плоды героического труда народа, освоившего новую землю.

«Зеленый кишлак» и «Уста Гияс» свидетельствуют о серьезном творческом росте поэта Мирмухсина. Однако наряду с умением схватить жизненную тему, поэмам Мирмухсина присущи черты натурализма, многословие, прозаичность отдельных картин и эпизодов. Следует отметить также и некоторый схематизм, отсутствие ярких индивидуальных черт в изображаемых поэтом характерах.

Поэтический ровесник Мирмухсина поэт Аскад Мухтар создал поэму на тему индустриализации нашей страны. Впервые в узбекской литературе он вывел образ мастера-металлурга. В убедительных и ярких картинах поэт показывает, как вчерашний колхозник овладевает искусством сталеварения. Недостатком поэмы является то, что сюжет ее не разворачивается на широком трудовом фоне огромного индустриального комбината. Поэт ограничился показом истории лишь главных героев, показом небольшого участка производства.

Поэма М. Бабаева «Садовник» посвящена теме возвращения фронтовика-узбека в родной кишлак и включения его в активную созидательную работу. В живых картинах этой поэмы показаны прекрасные качества советского человека, его любовь к родине, к созидательному труду, его непрерывное стремление к новым и новым успехам для блага народа. Недостаток этой поэмы — сюжетная рыхлость, цветистость стиля, недоработанность отдельных картин и эпизодов.

Поэт Рамз Бабаджан опубликовал поэму «Старые друзья». По теме своей она близка к поэме М. Бабаева «Садовник» и здесь показаны боевые подвиги фронтовика-узбека в Отечественной войне. Герой поэмы, друг знаменитого «Василия Теркина» Твардовского, возвращается после войны на родину. В поэме показан его героический самоотверженный труд в родном колхозе. Этой поэме в некоторой степени присущи те же недостатки, которые отмечены в «Садовнике».

За последнее время созданы большие поэтические произведения — поэмы Джуманияза Шарилова «Максим Горький», «Хорезм», Шукруллы Юсупова «Старик», Шухрата «Сердце женщины». В этих произведениях

ях авторы стремятся отразить различные стороны и высокие моральные качества советских людей.

Все перечисленные поэмы, посвященные актуальным темам, имеют большое воспитательное значение, однако им в большей мере недостает художественного мастерства. Характеры героев страдают схематизмом. Нет широкого фона — живой картины колхоза или большого строительства, завода и т. д. Поэтам нужно овладеть умением глубже и полнее показывать нашу действительность, овладевать методом социалистического реализма.

Наша критика должна серьезно заняться изучением и оценкой этих произведений.

* * *

Перейдем к художественной прозе.

Важнейший жанр нашей литературы — художественная проза — по-прежнему является наиболее отстающим участком. Мы не сможем указать на такие произведения узбекской прозы, которые отличались бы глубоким и широким охватом темы сегодняшнего дня, идейной и художественной полнотой.

Вышла в свет первая часть романа А. Каххара «Две чинары». В этой части своего романа писатель А. Каххар показывает первые годы колхозного строительства в Узбекистане. Трудно в данный момент дать исчерпывающий анализ и оценку этого произведения, потому что опубликовано только начало романа. Те жизненные явления и персонажи, которые изображены в романе, находятся еще в процессе становления, судьбы их только намечены. Цель, которую ставит перед собой автор, прекрасна. А. Каххар хочет показать, каким образом колхозный труд превращает самый отсталый, захолустный кишлак в передовой, богатый, культурный, социалистический кишлак, а также проследить идейно-политический и культурный рост дехкан в условиях коллективного социалистического труда.

Критика по первой части романа уже отметила ряд серьезных недостатков — отсутствие показа классовой борьбы, развернувшейся в период строительства колхозов в кишлаке того времени, неполноценность, мелочность, случайность черт характера некоторых персонажей романа, в частности, его главного героя Сыдык-

джана. Кишлак и его обитатели, показанные А. Каххаром, оторваны от широкого колхозного движения республики. Мы уверены в том, что писатель А. Каххар в своей дальнейшей работе над романом учтет замечания критики и устранил эти недостатки.

Кроме романа «Две чинары», являющегося наиболее крупным прозаическим произведением узбекской литературы, за последнее время появилась небольшая повесть Парды Турсунова «Правильный путь», писательница Айдын Сабилова выпустила сборник очерков и рассказов — «Мардлик — мангулик» — о социалистическом строительстве, новом быте, о колхозной жизни.

В периодической печати и в отдельных сборниках опубликованы повести, очерки и рассказы писателей Хакима Назирова, Саида Ахмада, Мумтоза Мухамедова, Якуба Шукурова и др. Рассказы и очерки посвящены актуальным темам сегодняшнего дня — борьбе за подъем хлопководства, подвигам Героев Социалистического Труда, выполнению послевоенной пятилетки. Но авторы делают лишь первые шаги. Многие из этих произведений страдают большими идейно-художественными недостатками.

Среди перечисленных товарищей есть писатели уже со значительным писательским стажем, но они за последние годы не сделали заметного поворота в своем творчестве. Очень редко выступает в печати писательница А. Сабилова, С. Ахмад и ряд других. Из их последних произведений можно сделать вывод, что они недостаточно работают над собой, над своими произведениями, над совершенствованием писательского мастерства.

Наша проза еще сильно отстает от запросов жизни. Читатели Узбекистана с законным нетерпением ждут больших, полноценных, высокохудожественных произведений — романов и повестей на актуальные, волнующие темы из жизни Советского Узбекистана.

* * *

Многие писатели-драматурги работают над созданием пьес на современную тему — Н. Сафаров закончил пьесу «Заря Востока», — о революционной борьбе трудящихся масс Ташкента, Туйгун написал пьесу «Бах-

тияр» на колхозную тему: В пьесе показана борьба личного и общественного в психологии колхозника. Аскад Мухтар создал пьесу «Добро за добро», в которой поставил перед собой цель — показать молодых мастеров и рабочих-узбеков, овладевающих техникой производства, стремящихся поднять производительность труда, досрочно выполнить заводской план в четвертой пятилетке. Однако эти пьесы имеют ряд существенных недостатков идейного и художественного порядка и требуют серьезной доработки.

Из многочисленных произведений драматургии, созданных писателями Узбекистана за истекший период, по своим художественным достоинствам и воспитательному значению несколько выделяются лишь пьесы «Мухаббат» Туйгуна и «Песня жизни» Уйгуна.

Драматургии Узбекистана еще не добились серьезных творческих успехов, репертуар театров беден. Основными и самыми характерными для большинства драматургических произведений недостатками являются поверхностное отношение автора к теме, схематичность сюжета, надуманность положений, неумение вскрыть образы и характеры в живом и ярком действии. Большим пороком пьес являются бедность языка, отсутствие яркой индивидуализации языка героев.

Примитивность сюжета, неразработанность композиции, бедность языка, свойственные многим драматургическим произведениям, к сожалению, имеют место и в музыкальной драме «Асрлар» такого опытного поэта и драматурга, как Уйгун.

Пробуют свои силы в драматургии поэты Аскад Мухтар и Тураб Тула, написавшие драму на колхозную тему «Мой сын».

Принята к постановке новая пьеса Туйгуна «Счастье семьи», в которой автор пытается решить проблему личного и общественного в условиях колхозной жизни.

Поэт Миртемир написал драму «Президент», в которой дает образ одного из замечательных, любимых народом людей, воспитанника партии Ленина Юлдаша Ахунбабаева.

Принята к постановке пьеса драматурга З. Фатхуллина «В дни испытаний» — о подвиге офицера-узбека, о руководящей роли великого русского народа в Великой Отечественной войне.

Над пьесами современной тематики работают многие писатели и поэты, но нужно признать, что драматургия Узбекистана еще не достигла высоких творческих успехов. Из большого количества драматургических произведений, созданных за два года, только два или три увидели свет. Это доказывает, насколько сильно отстает наша драматургия от запросов жизни и требований идейно и культурно выросшего зрителя.

* * *

В русской литературе Узбекистана за последние два года тоже, несомненно, произошли положительные сдвиги. Положительным фактом является то, что современная тема стала главной и единственной темой наших литераторов. Помимо этого, русские писатели Узбекистана проводят большую систематическую работу по художественному переводу лучших и наиболее актуальных произведений узбекской литературы во всех ее жанрах — в стихах, прозе, художественном очерке, драматургии и критике. Но также несомненен и тот факт, что в творчестве русских писателей Узбекистана еще не вполне преодолены тенденции, мешающие ее движению вперед, имеются идеологические срывы, художественные неудачи, еще недостаточно осмысленные и самими писателями и не подвергшиеся суровой большевистской критике.

Наиболее значительным произведением русской прозы является роман М. Швердина «Санджар непобедимый», напечатанный в 1946 году. Этот роман, поднимающий большую тему борьбы за Советскую власть в Узбекистане и Средней Азии, рисующий ряд эпизодов гражданской войны — борьбу узбекского народа с басмачами — имеет большое познавательное значение. М. Швердин показал, как идеи Ленина, все глубже проникая в народные массы, воодушевляют людей на борьбу против байского произвола. Герой романа Санджар, потомственный бедняк, под влиянием командира-большевика Кошубы становится борцом за народное дело, бесстрашным командиром по борьбе с басмачами. Наряду с этими положительными сторонами роману «Санджар непобедимый» присущи и большие идейно-художественные недостатки.

В самом деле, можно ли писать о борьбе за Советскую власть, не показывая роли большевистской партии в этой борьбе, не показывая внедрения ленинской национальной политики и непосредственного руководства вождями пролетарской революции большевиками Узбекистана? Можно ли в этом романе не дать развернутой картины работы в Узбекистане славных сподвижников Ленина — Фрунзе, Куйбышева? Несомненно, нельзя. Это серьезная идеологическая ошибка, обусловившая недостаточно правильную трактовку исторических событий романа и его героев.

Серьезным недостатком построения романа является то, что автор, увлекшись приключенческим сюжетом, недостаточно внимания уделил психологии своих героев, их нравственному облику. Описание внешних событий заменяет показ душевного мира героев и создает впечатление поверхностности. Серьезные упреки можно предъявить М. Швердину в отношении языка, избыточного тяжелыми оборотами, часто напоминающими сухой газетный очерк.

Свидетельством плохой организации нашей работы и неразвитости самокритики является то, что этот роман после его появления в печати не подвергся глубокому обсуждению в нашем писательском коллективе и развернутую критику его мы услышали лишь на конференции русских писателей летом 1948 года.

В русской поэзии Узбекистана первым опытом создания образов участников послевоенной пятилетки является книга Светланы Сомовой о Фархадстрое, циклы стихов из которой опубликованы в разных изданиях в 1946—1947 годах.

Стихи эти значительны тем, что являются поэтическими очерками, посвященными живым людям, действительным строителям Фархадстроя. Мы узнаем из этой книги имена лучшего машиниста экскаватора А. Абдухаликова, организатора труда М. Мухамедова, табельщицы З. Шамбердыевой, инженера Е. Иванова и других, мы задумываемся над их человеческими судьбами. Эта попытка ввести в поэзию не вымышленного героя, а живого участника грандиозной стройки должна, несомненно, поощряться. В стихах о табельщице С. Сомова пишет от имени своей героини:

Если хочешь разгадать загадки
Новой человеческой души,
Загляни, поэт, в мои тетрадки,
А потом стихи свои пиши!

А в этих тетрадках записана дневная выемка грунта строителями канала. И в этой фразе ключ к ошибкам поэтессы, в самом методе показа современных героев. Предметом ее стихов являются внешние факты работы героев, их подвиги, нормы выработки, а вместо показа их внутреннего мира, новых качеств советских людей Сомова показывает свой внутренний мир, в котором еще не вполне преодолены влияния индивидуализма и даже некоторого символизма. Так, стихотворение «Любовь», рассказывающее о любви машиниста Сабир-Хамидова к своей умершей жене, кончается строками автора о своей собственной мечте, о любви. Стихотворение «Радуга», рисующее радугу, образовавшуюся у подножья плотины, сводится к разговору с другом, не понимающим красоты и величия Фархадской стройки.

В литературных произведениях о нашей действительности мы должны стремиться к показу психологии наших героев, создавать обобщенный образ нового, советского человека, а не навязывать этим героям свои качества. Понять психологию нового советского человека должно помочь повседневное изучение жизни, органическая связь с народом, глубокое знание философии Маркса, Энгельса, Ленина.

Следует отметить, что стихи Светланы Сомовой ни разу не были обсуждены, не были подвергнуты критике ошибки, мешающие ее творческому росту.

За последние два года Светлана Сомова перевела большое количество произведений узбекской поэзии — стихи Гафура Гуляма, антифашистские стихи Тураба Тулы, Мамарасула Бабаева, Аскада Мухтара, поэму «Девушки» Айбека, «Зеленый кишлак» Мирмухсина, эпос «Қырк кыз». Критика еще не дала исчерпывающей оценки переводам Светланы Сомовой, так же как и ее собственному творчеству, которое, несомненно, заслуживает внимания.

Интересное явление русской прозы — произведения Александра Удалова, писателя, обладающего хорошим литературным языком и психологическим чутьем. А. Удалов много поработал с писателем Садыком Ка-

ландаром над романом «Мы на Урале», показывающим работу узбеков на Урале во время Великой Отечественной войны, освоение узбеками новых производственных профессий под руководством русских мастеров. А. Удалов написал новую повесть «От всей души», рисующую возвращение с фронта на родной завод ташкентского юноши, потерявшего в результате ранения зрение. В повести этой благородна сама тема, говорящая о том, что даже самая большая личная трагедия в нашем обществе преодолевается при помощи дружного прекрасного коллектива советских людей.

Поэт Владимир Липко написал большую поэму «О доблести твоей, о славе». Тема ее — кровная дружба народов во время Великой Отечественной войны. В поэме интересен показ формирования характера советского узбекского юноши — его детство, школа, комсомол, новая узбекская семья, влияние русской культуры на развитие юноши, любовь его к русской девушке Марши.

Эта тема впервые так глубоко поднята в русской поэзии, в разработке ее существует некоторая искусственность, возникшая из-за недостаточности знания жизни и психологии узбекского народа. Если опустить географические названия и имена, герои могут быть названы представителями любого народа СССР. Мешает восприятию и некоторая манерность образной системы поэмы...

В последнее время, работая над пьесой о советских людях, изобретателях хлопкоуборочной машины, В. Липко тесно связан с рабочей и инженерно-технической общиной завода. Будем надеяться, что это окажет положительное влияние и на его поэтическое творчество.

Примером коренной перестройки поэтического мироощущения в результате работы над собой является литературная практика поэта Андрея Иванова. Поэту было указано критикой на замкнутость, декоративность и формалистическую ограниченность книги «Струны Азии». Он коренным образом изменил тематику своих произведений. За последние два года его произведения посвящены людям Советского Узбекистана — поэма «Зыбь большой реки», стихи «Конструктор», «У здания горкома комсомола» и пр. Эти произведения, кроме достоинств, имеют и недостатки. В них есть некоторый при-

митивизм и риторика, но они свидетельствуют о стремлении поэта к внутренней перестройке и о правильности избранного им пути. Довольно активно и плодотворно работает В. Мильчаков. За истекшие два года он проявил себя в трех литературных жанрах. Им написаны исполненные гражданского пафоса стихи о войне, о Родине. Переведены с узбекского языка две поэмы, посвященные современной теме — «Уста Гияс» Мирмухсина и «Сталевар» Аскада Мухтара, написана повесть «Разведка идет впереди». Недостатками творчества В. Мильчакова являются незрелость художественной формы его произведений, бедность изобразительных средств, но это писатель преодолевает систематической работой над собой и, несомненно, растет.

Активно работают над собой поэты Михаил Быкадоров, переведший поэму М. Бабаева «Садовник», Сергей Данилов. Несколько рассказов и две повести опубликовала Ирина Гуро, произведения ее характерны острой политической направленностью и добросовестным изучением материала. Интересно то, что написав повесть о партизанах, Ирина Гуро сразу перешла к современной тематике, к показу Героя Социалистического Труда Кумринисы Сагдуллаевой. Я не назвал бы ее произведения повестью. Это, на мой взгляд, художественные очерки, но очерки интересные, говорящие о литературных возможностях автора.

Также опубликованы или находятся в печати произведения новых русских авторов, большинство из которых выявлено литературным семинаром ССП Уз. Это краеведческие очерки об Узбекистане охотника Павлова, рассказы С. Волгина, рассказ и повесть участника партизанской войны Г. Брянцева, стихи летчика С. Ястребова, геолога И. Хельвас, молодых поэтов.

* * *

Литературная критика является у нас самым отстающим участком работы. Изредка появляются в газетах и журналах статьи, отличающиеся поверхностностью анализа художественных особенностей произведений. Статьи наших критиков не проникнуты духом партийной принципиальности, умением пользоваться оружием марксистско-ленинской теории искусства, их статьи еще не помогают писателям осознать и изжить серьезные недостатки

их творчества, увидеть ростки нового, положительного в отдельных произведениях, помочь идейно-политическому и художественному росту писателей.

Многие основные недостатки, свойственные поэзии, прозе и драматургии, на данном этапе развития нашей литературы в значительной мере объясняются крайней слабостью критики. За последнее время в периодической печати начинают появляться рецензии и критические статьи об отдельных произведениях того или иного жанра, но в большинстве случаев идейно-политический и художественный анализ этих статей и рецензий очень неглубок. Часто критики не могут честно, смело и четко пораздельно говорить об идейно-художественных недостатках произведений. Правда, с недавнего времени в области критики мы наблюдаем заметное оживление. Литературоведы, аспиранты, кандидаты наук, увлеченные работой над литературными жанрами древности, постепенно переходят в область советской литературы. Вопросы советской литературы Узбекистана все больше начинают привлекать внимание молодых литераторов.

В области критики начинают работать новые силы — А. Алимухамедов, М. Закиров, Г. Каримов, С. Азимов, С. Касымов и ряд других молодых литературоведов, интересующихся теорией и практикой советской литературы. Нам нужно обратить особое внимание на подготовку кадров марксистско-ленинской критики, вовлечь их в активную плодотворную работу по изучению литературной жизни нашей республики.

* * *

Работа с молодыми писателями. Неоднократно уже отмечалась огромная тяга молодежи Узбекистана к художественной литературе. Не только в Ташкенте, но и во всех городах республики, районных центрах и кишлаках есть молодые писатели и поэты, пробующие свои силы в литературном творчестве. За последние 2—3 года значительно окрепли в творческом отношении многие из них. На страницах центральной и областной печати нередко можно встретить произведения молодых поэтов и прозаиков: Шаназара, Эгама Рахима, К. Мухамадиева, Пулата Мумина, Кудрата Хикмата, Маннона Гани, Мавлона Икрама, Т. Газиева, Н. Расулза, Халима Рустам-

бекова. Молодая поэтесса Саида Зуннунова уже выпустила первый сборник своих стихов.

В Союзе писателей Узбекистана работают семинары молодых писателей, узбекских и русских. Имеются постоянные литературные консультации.

В прошлом году была проведена конференция молодых писателей, и в ближайшее время предполагается созыв такой же конференции.

Однако работа по воспитанию молодых писательских кадров еще не отвечает всем требованиям: отделение ССП Уз имеется лишь в Самарканде. В остальных городах постоянно работающих писательских коллективов мы еще не имеем.

Нужно сказать прямо — постоянная творческая связь и помощь молодым, помимо письменных и устных консультаций, осуществляется слабо. Ведущие писатели нашей республики не связаны с молодыми на периферии. Целые группы начинающих писателей из областей обращаются к нам с просьбой оказать творческую помощь. Союз советских писателей Узбекистана должен уделить особое внимание в первую очередь воспитанию той талантливой молодежи, которая проявила себя в творческом отношении.

* * *

Таковы основные итоги развития литературы нашей республики за два года.

Как видно, наряду с успехами и существенным общим ростом литературы, имеется ряд очень серьезных недостатков, часть которых я постарался обрисовать. Я думаю, что выступающие товарищи со всей прямотой и большевистской принципиальностью вскроют недостатки и промахи как в области литературы, как в творчестве отдельных писателей, так и в работе Союза и его руководства с тем, чтобы острейшим оружием большевистской критики и самокритики направить советскую литературу Узбекистана на путь дальнейшего развития, на путь создания нужных советскому народу произведений.

Анализируя творчество писателей республики за два года, следует признать, что мы сделали еще очень мало.

Не созданы еще романы, повести и рассказы, в центре которых стоял бы герой нашего времени — стаха-

повец индустрии, передовик сельского хозяйства, советский ученый, творящий передовую советскую науку; у нас еще не написаны произведения, в которых со всей полнотой были бы показаны трудовой героизм и новые прекрасные качества лучших, передовых людей нашей социалистической родины.

Советские писатели еще не создали произведений, разоблачающих пережитки прошлого в сознании людей, религиозные предрассудки, вредные отсталые обычаи, мешающие развитию новой жизни.

Наши писатели, за очень редким исключением, почти не откликаются на важнейшие вопросы международной политики, не создали произведений, разоблачающих происки гнусных реакционеров — поджигателей новой войны. Все это свидетельствует о том, что наша литература еще не преодолела узости и известной ограниченности своей тематики. Ведущие писатели Узбекистана за последние годы не проявили достаточной творческой активности. За последние два года ими не созданы крупные произведения, отвечающие запросам советского читателя, воспитывающие наш народ — рабочих, колхозников, интеллигенцию, молодежь в духе коммунизма.

Союз советских писателей Узбекистана должен улучшить руководство работой секций, систематически помогать писателям в овладении марксистско-ленинской наукой, в повышении идейно-теоретического уровня и профессионального мастерства. Особенно следует усилить воспитательную работу с писательской молодежью. Надо обратить серьезное внимание на подготовку кадров марксистско-ленинской критики, вовлечь критиков и литературоведов в активную работу по изучению литературной жизни республики.

Деловая большевистская критика и самокритика помогут нам устранить недостатки и добиваться успехов в развитии литературы Узбекистана. Преодолевая трудности роста, советская литература Узбекистана должна идти к вершинам творчества, указанным нам партией.

1948 г.

СОВРЕМЕННАЯ УЗБЕКСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

В прежние времена узбекский народ не знал театра в современном понимании этого слова. Возникновение национального узбекского театрального искусства относится к последним тридцати годам и является одним из многочисленных проявлений той подлинной культурной революции, которая произошла в жизни узбекского народа после установления советского строя, пробудившего его творческие силы и способности.

В настоящее время в Узбекистане работают 48 театров, старейшие из которых — Узбекский Государственный академический театр драмы имени Хамзы — возник еще в самые первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции. Располагает теперь узбекский народ и прекрасными артистическими кадрами. Узбекские актеры Абрар Хидоятов и Сара Ишантураева справедливо считаются одними из лучших в наши дни в Советском Союзе исполнителей шекспировских ролей. Не только на узбекской сцене, но и на сценах театров других республик СССР большим успехом неизменно пользуются выступления узбекских актеров Шукура Бурханова, Абида Джалилова, Замиры Хидоятовой, Лутфуллы Нарзуллаева, Хикмата Латипова, Миршахида Миракилова. Выросли и кадры узбекских национальных режиссеров, среди которых наиболее популярны Маннон Уйгур, Етим Бабаджанов, Музаффар Мухамедов, Кудрат Ходжаев.

Отцом узбекской драматургии был наш замечательный писатель-революционер Хамза Хаким-заде Ниязи, живший на рубеже двух эпох истории узбекского народа. Начало его творчества относится еще к годам, предшествовавшим Великой Октябрьской социалистической

революции, и в полной мере расцвело после того, как узбекский народ с братской помощью великого русского народа сбросил с себя двойное иго царизма и местных феодалов. Хамза по своим дарованиям был чрезвычайно разносторонен и сочетал яркий талант драматурга с талантом поэта.

Хамза создал ряд драматических произведений, отличающихся драматизмом и динамичностью, яркостью и четкой обрисовкой образов героев. До наших дней одной из наиболее популярных пьес репертуара узбекских театров, постановки которой неизменно проходят при переполненном зале, является драма Хамзы «Бой ила хизматчи» («Бай и батрак»). Центральная фигура драмы — девушка Джамиля, насильственно отданная в жены богачу, уплатившему за нее калым, что до революции было обычным бытовым явлением.

Другим маститым узбекским драматургом старшего поколения является Камиль Яшен. Как и Хамза, Яшен в своих произведениях неизменно поднимает темы большого социального размаха и значения. Он по праву считается ближайшим последователем Хамзы, развившим и претворившим в жизнь его идею о направленности узбекского национального драматического искусства.

Как драматург, Яшен весьма плодовит, его перу принадлежит более десяти пьес. Среди них особенно известна драма «Два коммуниста», шедшая позднее под заглавием «Разгром» и показывающая победу узбекского народа над басмачами — контрреволюционными бандитскими шайками, пользовавшимися поддержкой английских империалистов, и после Великой Октябрьской социалистической революции еще долгое время мешавших мирному созидательному труду узбекского народа. Популярна также пьеса Яшена «Честь и любовь», показывающая изменения, происшедшие в условиях советского строя в прежней мелкобуржуазной психологии узбекских крестьянских масс и их культурный рост под влиянием коллективизации, и драма «Хамза», посвященная жизни этого писателя и учителя самого Яшена.

Яшеном также написана драма «Офтобхон», раскрывающая перед зрителем волнующую картину самоотверженного труда узбекского народа во имя Родины

в годы тягчайших испытаний — во время Великой Отечественной войны. Перу Яшена принадлежит и ряд либретто опер и музыкальных драм, с успехом идущих на сцене. В творчестве Яшена выступает характерная черта всей современной узбекской драматургии — актуальность тематики и непоколебимая вера в победу светлых, прогрессивных идей.

Одним из лучших произведений узбекской драматургии является пьеса И. Султанова «Полет орла», посвященная роли М. В. Фрунзе в борьбе за укрепление Советской власти в Средней Азии. В этой пьесе законченные образы и характеры; это, безусловно, значительный сдвиг в развитии узбекской драматургии.

В произведениях драматурга Туйгуна находит свое яркое отражение величие наших дней в жизни узбекского народа, благодаря советскому строю впервые за свою многовековую историю получившего право на самостоятельное государственное существование. Последняя пьеса Туйгуна «Мухаббат» («Любовь») говорит о пламенной любви узбекского народа к своей родине и посвящена большой, волнующей теме — переходу советской страны после победы над фашистской Германией и империалистической Японией к прерванному войной мирному созидательному труду.

Пьеса «Мухаббат» явилась одним из первых произведений послевоенного времени, свидетельствующих о том, что молодая узбекская драматургия находится сейчас на пути неуклонного подъема, отражающего успехи, достигнутые народами Советского Союза в заживлении ран, нанесенных войной, и в дальнейшем экономическом и культурном строительстве своей родины. Это подтверждает, между прочим, и пьеса «Песня жизни» писателя Уйгуна, известного до этого преимущественно своими замечательными, преисполненными глубоким лиризмом стихами. Герои «Песни жизни» — это рядовые люди Узбекистана: председатель колхоза Нурмат-ата, молодые колхозники Камиль и Кадыр и их русский друг Миша, невеста Камиля — колхозница Таджихон, его мать Маърифат и сестра Ташхон. Автор показывает их в дни войны и затем в дни мира, раскрывает их чувства и высокий моральный облик, ярко рисует их стремление к вершинам челове-

ческого счастья, дать которое людям может только переустройство общества на основах коммунизма.

Последние месяцы ознаменованы в узбекской драматургии появлением и новой пьесы Миртемира «Президент» — о жизни первого председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана Юлдаша Ахунбабаева, скончавшегося в 1943 году. Автор раскрывает жизненный путь этого замечательного человека, до революции батрака, выросшего в крупного государственного деятеля, в главу республики узбекского народа.

Популярны в Узбекистане также произведения драматургов Сабира Абдуллы, Уткура Рашида, Тураба Тулы. И для творчества этих писателей типичны высокий идейный уровень их произведений, стремление отразить сегодняшнюю жизнь узбекского народа, правдивость образов.

Огромное влияние на развитие узбекской драматургии оказало приобщение узбекских писателей к великому русскому драматургическому искусству. Оставаясь глубоко национальными по тематике своих произведений, широко используя вековые традиции узбекской литературы, узбекские драматурги вместе с тем упорно учатся на лучших образцах классической и современной русской драматургии.

Не случайно поэтому, что многие из узбекских драматургов сочетают работу над своими произведениями с переводами произведений русских авторов. Переведены на узбекский язык и ставятся на узбекской сцене произведения Лермонтова, Гоголя, Островского. С успехом показаны на узбекской сцене также лучшие современные советские пьесы — «За тех, кто в море» Б. Лавренева, «Русский вопрос» К. Симонова, «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Переведены и многие произведения Шекспира, Шиллера, Лопе де Вега, Гольдони. Творчески воспринимая все лучшее, что дала драматургия других народов, стремясь отразить сегодняшние чувства и идеалы своего народа и поставить свое искусство на службу народу узбекские драматурги уже внесли ценный вклад в советскую драматургию.

1948 г.

УЗБЕКСКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ ЗА 25 ЛЕТ

Под руководством великой партии Ленина, с помощью своего старшего брата — русского народа, узбекский народ достиг грандиозных успехов во всех областях экономического и культурного развития. Крайне отсталая, забитая, разорванная на клочки, обескровленная под ярмом жестокой эксплуатации, окутанная тьмой мракобесия и невежества, страна за короткий срок превратилась в могущественную социалистическую республику, в маяк социализма на Востоке. Поистине разительна, беспримерна во всей истории человечества та перемена, которая произошла в жизни возрожденного Октябрем узбекского народа. Среди исторических достижений и побед узбекского народа достойное место занимает узбекская советская литература.

Великая Октябрьская революция положила начало новой, советской литературе в Узбекистане, литературе самой передовой, прогрессивной в мире. Первые песни этой литературы, исполненные огнем, пафосом борьбы за новый мир, были созданы в бурные дни великой революции самим освобожденным от векового гнета и бесправия трудовым народом и его талантливейшим певцом Хамзой Хаким-заде Ниязи. Эти стихи и песни не только по своему содержанию, но и по форме своей ничего общего не имели с газелями и другими канонизированными формами и приемами старой поэзии Востока. Новое, революционное содержание требовало ломки старых поэтических форм, отвергало нормы средневековой эстетики. На место мертвого, засоренного арабизмами, фарсизмами книжного, очень трудного для трудящихся масс языка, в новой литературе получает признание и постепенно в борьбе со старым утвержда-

ется язык людей труда — эта изумительная сокровищница вечно живой народной мудрости.

Дореволюционная узбекская литература в основном являлась литературой слишком ограниченного круга «избранных эстетов», в большинстве произведений которой преподавались религиозные предрассудки, мистические легенды, мракобесие с одной стороны, откровенный разврат и порнография с другой. Эта литература разложения и упадка умолкла навеки. Родилась новая, советская литература — острое оружие борьбы за переустройство жизни на новых, социалистических началах, выразительница идей и чаяний трудящихся Советского Узбекистана. Она, подобно нашим могучим рекам, несущим живительную влагу полям и садам, была призвана служить расцвету жизни, счастью человека, его духовного совершенствования.

Узбекская советская литература развивалась в неразрывной связи с советской действительностью, с ее движением вперед, с победой социализма в нашей стране. Очень содержательна история развития этой литературы, очень интересна история зарождения и развития в ней новых форм и жанров — форм жанров современной узбекской художественной прозы и драматургии, творческого роста отдельных ее представителей. Колоссальное значение имеет и изучение вопроса о влиянии русской литературы и литератур других братских народов нашей великой Родины на развитие узбекской советской литературы и на творчество отдельных ее представителей. Несомненно, большой интерес представляют для нас вопросы перевода лучших произведений классической и современной русской литературы на узбекский язык. Все это неразрывно связано между собой. Но, к сожалению, в своем докладе я не могу останавливаться на этих вопросах. Я хочу показать в общих чертах, не углубляясь в детали, некоторые особенности развития узбекско-советской поэзии, потому что и этот участок богат фактами, проблемами творчества отдельных, требующих целых исследований и солидных монографий.

25 лет тому назад, в период национального размежевания, узбекская советская поэзия была еще слишком молодой, она находилась на той стадии, когда многие ее певцы еще сидели в школах за партами, при-

обретая нужные знания, заполняя тетради своими первыми поэтическими упражнениями. Стихи и песни этих новых поэтов иногда появлялись на страницах периодической печати. Они воспевали новую жизнь, радость свободного труда, школу, серп и молот, заводские гудки, говорили о раскрепощении женщин, о ненависти к старому миру — миру гнета и насилия. Правда, в это время на литературном поприще со всем своим творческим пылом работал замечательный поэт, драматург, искренний патриот Советской Родины — Хамза Хакимзаде. Он создавал свои лучшие драмы, песни, очерки и фельетоны, в которых до конца разоблачал, беспощадно бичевал старый мир эксплуатации, рабской тьмы, утверждая все новое, советское, социалистическое. Но вот голос поэтического молодняка возвышается все сильнее и увереннее. Наряду с Гайрати приходят в литературу поэты Хамид Алимджан, Уйгун и другие. Но в поэзии еще нет более или менее крупных произведений, отображающих жизнь правдиво, полнокровно, с нужным мастерством. Молодые поэты находятся на стадии творческих исканий, освобождения от влияния старых приемов, формализма, эстетства. Во многих произведениях еще показ жизни заменяется лозунгами, схемами, риторикой или словесными украшениями, различными красотами природы.

Партия бережно, с отеческой заботой и любовью воспитывает молодые, талантливые кадры советской литературы. В период первой пятилетки, в годы великих перемен, индустриализации и коллективизации страны узбекская советская поэзия поднимается на новую ступень, в ней происходят большие творческие сдвиги. В поэзию вливаются новые творческие силы, ширится тематика, поэзия все теснее связывается с советской действительностью. Одной из характерных особенностей поэзии этого периода является неуклонное стремление к реалистическому отображению исторических достижений советского народа в борьбе за социализм. Другой характерной особенностью поэзии этого периода является партийность, политическая направленность. Именно в этот период создается немало произведений публицистической, боевой политической поэзии. Стихотворения Гафура Гуляма, собранные в двух его сборниках «Динамо» и «Живые песни», стихи Ха-

мида Алимджана («Смерть врагу», «Состязания»), произведения Шейхзаде («Десять стихотворений» и другие) проникнуты пафосом борьбы, творческого подъема, исторических побед советского народа в период первой пятилетки.

Поэзия этого периода наглядно показывает все усиливающееся, благотворное влияние мастеров русской литературы на творчество узбекских поэтов. Сильное влияние на развитие творчества Хамида Алимджана, Гафура Гуляма и Шейхзаде оказала замечательная поэзия Маяковского. Гафур Гулям и Шейхзаде учатся у Маяковского наглядности, выпуклости и действительности образов, Хамид Алимджан вместе с тем ломает традиционную структуру стиха и систему рифм. Гиперболичность, ораторство, декламационность — характерные особенности многих стихотворений этого периода. К сожалению, учеба у Маяковского часто сводилась к поверхностному подражанию технике стиха.

Поэты больше и охотнее писали об угле, железе, машинах, заводских трубах, о кирпичях, чем о замечательных людях, творивших чудеса своим трудовым героизмом в производстве, на новостройках и т. д. Некоторые поэты в своих стихах, посвященных жизни производства — заводов и фабрик, — ограничивались показом технологического процесса и перечислением разных технических терминов. Например, Гайрати пишет:

Маркам — 2886,
2886 — меннинг маркам,
Кучли мотор ва станоклар
Наъраси,
Ҳамласи
Цехлар ичини босади.
Ҳозир мен мотор ёнида
Амр кутамап.
Электр қўнғирғи билан бригада бошлиғи
Амр беради менга.
Рубильникни 20 га босаман.
Станок қизил тасмаларин
Паррақларга босаман.
Зарбдор қиз,
Сен ҳам мускулларингни ишга солиб,
Патронларингни тайёрладингми?

Станок патронларин
Гайка билан мустаҳкамлангиз!
Зарбдор қўлимни растакка
Растакни рубильникка бурдим.

Но лучшие поэты Узбекистана постоянно и упорно работают, учатся мастерству слова у талантливых художников русской литературы. Они создали немало политических произведений, которые в свою очередь оказали заметное влияние на дальнейшее развитие узбекской советской поэзии и на творчество поэтов молодого поколения.

Ведущие поэты Узбекистана достигли этих творческих успехов в непримиримой борьбе со всякими вредными влияниями, со всякими теориями «чистого искусства», «искусства для искусства», пессимистическими, упадочническими настроениями, которые всячески старались культивировать идеологи буржуазного национализма.

Выдающийся советский поэт Хамид Алимджан призывал советских людей к беспощадной борьбе с идеологией представителей эксплуататорских классов.

Мафкуравий

Курашларнинг

Хандақларида

Қилич,

Милтиқ,

Бомба

Бўлсин

Диалектика.

(«Кадр»)

Следующий этап развития узбекской советской поэзии характеризуется появлением ряда политических полотен, когда ведущие поэты пытаются перейти от абстрактной системы образов, от декларативности, от ораторских приемов к более углубленной разработке тематики советской действительности и реалистическому показу картин, явлений живой жизни, стремятся к поэтическим обобщениям.

Нужно признаться, что до Великой Отечественной войны оборонная тематика в нашей литературе не имела места. С первых дней вероломного нападения фашистских орд на нашу отчизну, писатели Узбекистана, как верные сыны народа, поднялись на ее защиту. Слово писателя наполнилось гневом и ненавистью к врагу, строка стала острой, подобной штыку.

К чему сводится тематика, идейное содержание узбекской военной поэзии? Это поэтическое утверждение нерушимой дружбы народов Советского Союза, горя-

чий призыв к патриотизму, к подвигам в борьбе и труде, к жертвам во имя свободы, независимости нашего отечества, глубочайшая вера в нашу победу.

Боевые эпизоды звучали как своеобразные оды в честь героев Отечественной войны, в стихах передавались мысли и переживания бойцов на фронте и их близких, любимых, родных в тылу.

Много и плодотворно работал в годы Отечественной войны замечательный поэт, один из видных руководителей литературной жизни Узбекистана, безвременно ушедший от нас Хамид Алимджан. Он всегда любил горячее, боевое слово, песни, стихи, зажигающие сердца, призывающие массы к подвигам, к преодолению трудностей.

Ведущие поэты Узбекистана в годы Великой Отечественной войны обогатили сокровищницу нашей поэзии новыми произведениями и стали широко популярными среди читательских масс.

Нет надобности перечислять их всех. Укажу лишь на самое выдающееся из того, что создано лучшими поэтами Узбекистана в годы войны.

Это, в первую очередь, стихотворения Гафура Гуляма, собранные в его сборнике: «Иду с Востока», «Я сврей», «Жду тебя, сын мой», «Ты не сирота», «На нашей улице праздник» и другие. Эти произведения далеко известны за пределами нашей республики.

Поэт Шейхзаде в годы Отечественной войны создал замечательные произведения: «Капитан Гастелло», «Нет, я еще не умер», «Поэма об одиннадцати бойцах», «Поэма о первом узбекском генерале Сабире Рахимове».

Среди множества созданных поэтом Уйгуном произведений выделяются: «Узбекистан», «Портрет», «Гроза», а также сборник стихов «Гнев и любовь».

Наиболее интересные и сильные стихотворения Миртемира, написанные им в годы войны — «Это моя Родина», «Крепость Севера», «Месть».

Тонкостью мысли и чувств, изяществом формы отличаются стихи поэтессы Зульфун, собранные в книге стихов «В дни разлуки».

Наряду с количественным ростом узбекской поэзии мы видим признаки серьезного повышения качества и

мастерства. Но вместе с тем поэзия военного времени имела ряд существенных недостатков.

Основной недостаток, основная слабость поэзии этого периода — бледность, некоторый схематизм образов героев. Пезнание военной действительности также обнаружилось во многих произведениях. Подлинного образа бойца или командира, правдивой живой картины фронта еще не создано, хотя об этом писали немало. Еще в большей степени это относится к молодым поэтам.

На узбекскую поэзию военного периода сильное влияние оказал фольклор. Узбекский народ обладает богатейшей сокровищницей устного творчества.

Несомненно, правильный подход к фольклору и умелое использование художественной культуры народа, накопленной тысячелетиями, обогащает поэзию, вливает в нее здоровую, свежую струю. В основе бессмертных произведений Навои, Низами и других мировых классиков лежат народные легенды. Но весь вопрос в том, как пользоваться фольклором?

Имеются два пути. Первый путь — поэт серьезно, вдумчиво, с большой любовью изучает фольклор, творчески его перерабатывает, впитывает мудрость народа и создает произведения высочайшей культуры, изумительной силы. Тогда поэт достигает народности.

Второй путь — это путь слепого подражания, заимствования готовых форм и беспринципная переделка народных сюжетов. Некоторые наши поэты выбрали именно второй путь. Они берут из фольклора, может быть иногда бессознательно, установившиеся в устном творчестве народа эпитеты, сравнения, метафоры и почти целые строки. И в показе современности они придерживаются стиля и формы фольклора. У советского бойца и богатырский меч, и кинжал, и легендарный скакун. Советский боец превращается в тигра, льва и леопарда. В результате вместо нашего героя, советского человека — перед читателем вырастает фигура фантастического сказочного богатыря со всеми доисторическими доспехами.

Меньше проявила себя в годы Великой Отечественной войны проза.

Художественная проза в узбекской литературе не имеет глубоких традиций, которыми обладает поэзия.

В настоящее время проза у нас очень молода. Но она постепенно и неуклонно растет, усваивая формы, приемы, мастерство русских и западных классиков. В области прозы у нас работают Абдулла Каххар, Айбек, Айдын Сабирова, Парда Турсунов, замечательно показал себя и Гафур Гулям. За последние годы выявили себя как прозаики писатели Саид Ахмад и М. Асимов.

Узбекская проза переживает процесс формирования, перехода к зрелости.

1949 г.

ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАМЗЫ ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

Советский народ отмечает шестидесятилетие со дня рождения первого узбекского советского поэта и драматурга Хамзы Хаким-заде Ниязи.

Большую часть своей трагически оборвавшейся жизни поэт провел в условиях колониального Туркестана. Хамза Хаким-заде родился в 1889 году в Коканде, в городе, который за неделю до этого был столицей Ферганского ханства. Это был период, когда экономика, быт и культура, сложившиеся на протяжении веков, на основе феодальных отношений начали, правда очень медленно, изменяться вследствие новой политической и экономической ситуации. Бразды правления переходят из рук хана, его сородичей, беков и высшего духовенства в руки царской администрации во главе с генерал-губернатором, которого народ, с оттенком иронии, называл «ярим подшо», что значит «полуцарь». Наряду с российскими купцами и фабрикантами на сцене общественной и экономической жизни выступают разного рода баи, торговцы, посредники, маклеры, всевозможные агенты торгово-промышленных предприятий и банков, которые с беспредельной жадностью и нахальством начинают грабить трудящиеся массы. В ужасающих размерах происходит разорение дехкан в деревнях, кустарей и ремесленников — в городах. Царское правительство всячески стремилось сохранить феодальные формы эксплуатации, средневековые институты с тем, чтобы превратить их в орудие закабаления трудящихся масс. Оно поддерживало все отсталое и реакционное.

...Распространение и углубление фанатизма, темноты и невежества среди народных масс — вот к чему

прилагали все усилия колонизаторы и местные лакеи. Они воздвигли стену суеверия между народом и просвещением. В самом деле, существование начальной религиозной школы при мечети, духовно и физически калечившей юное поколение, было преступлением. Так называемая высшая школа-медресе была поставщиком мракобесов, которые с помощью ишанов и мулл отравляли сознание народа.

Чем характеризовалась художественная литература? В конце XIX — начале XX века в области художественной литературы наблюдается все же некоторое оживление. Конечно, литература по традиции состояла лишь из одной поэзии. Художественной прозы и драматургии не было даже в зачатке. Но зато было немало поэтов и стихотворцев. Один за другим начинают выходить в свет так называемые «баязы», своеобразные небольшие антологии поэзии. В этой поэзии, крайне бедной своим идейным содержанием, изощренной и эпигонской, при внимательном рассмотрении можно проследить определенные течения и тенденции, выражающие думы и настроения разных социальных слоев. В этой поэзии наиболее сильным является направление, проповедующее религию. Образцом такой поэзии мракобесия, религиозной мистики является творчество Хазины. Этот мулла в своих многочисленных газелях говорит о смирении и покорности, о бренности земной жизни, о необходимости полного отказа от всего мирского. Он вселяет в сердца своих читателей страх перед божьим гневом, приближением конца мира. Для Хазины и его последователей во всех бедствиях и страданиях виновен сам народ, ибо он соскользнул с пути истинно правоверных, за что аллах и карает его. По утверждению Хазины, единственный и верный путь спасения от всех бед и недугов — это укрепление ислама, абсолютное посвящение себя служению богу. Некоторые поэты этого направления не только проповедовали идеи о бессмысленности и ничтожестве жизни, но даже воспевали гимн смерти, выдвигали как идеал для правоверного идею крайне реакционной черной философии, учили, что нужно «жить в смерти», «умертвить себя, находясь в жизни». «Наступит когда-нибудь смерть, не можешь отказаться от нее, потому убей себя сразу, пока бог сам жив. Взгляни на кладбище и бери пример с мерт-

венов. Сделай близким спутником своим горе, а смерть своим другом».

Для многих поэтов религиозно-мистического направления характерна еще ненависть ко всему новому и горькая тоска по минувшей жизни и режиму. Например, самаркандский рифмач Хаджи Сабир в своих газелях презирает все — от газет и заводов до спичек; все это для него признаки наступающего конца мира. Так духовенство, взявшееся за воспитание народа в духе покорности року и господству имущих, отравляло сознание людей не только своей проповедью в мечети, но и устами своих поэтов. Стихотворцы, устрашающие народ божьим наказанием в загробной жизни за веротступничество, неустанно призывали людей любить и уважать духовенство, служить ему, видеть в нем, тени аллаха и пророка, верную опору.

Поэзия мистики и религии удивительным образом гармонировала с совершенно нагой порнографией, бесстыднейшим омерзительным развратом. Откройте любой «баяз» — сборник газелей, на одной и той же странице вы найдете напыщенные оды, посвященные богу и святым, и газели, поэтизирующие гомосексуализм. Кто же был потребителем этой писанины разврата? Это были молодые люди из торговых кругов (любвные стихи часто посвящались им самим), всякого рода выскочки, базарные акулы да отчасти те же самые муллы, которые очень любили пиршества за роскошным дастарханом. Мы видим глубокое разложение морали в среде господствовавших тогда классов, этих паразитов в чалме и шелковых халатах, разжиревших от крови и пота дехкан, рабочих и кустарей.

Третьим направлением в поэзии было направление народное, демократическое, глубокие истоки которого в передовой революционно-демократической культуре и литературе великого русского народа, которое, несмотря на все препятствия и преграды, воздвигнутые царскими чиновниками, местными феодалами, баями и духовенством, продолжало оказывать прогрессивное влияние на умы трудящихся масс колоннального Туркестана. Фуркат и Мукими были талантливейшими представителями поэзии демократической тенденции.

Оба эти поэта, замечательные лирики, продолжая лучшие традиции классической поэзии, создали ряд

произведений социально насыщенных, выражающих ду-
мы и чаяния народа. Если для Мукими характерна
острая сатира, бичующая нравы представителей гос-
подствующих классов, то для творчества Фурката-про-
светителя характерно глубокое понимание роли и зна-
чения русской культуры и искреннее желание приоб-
щить свой народ к этой культуре.

Вот каково было в общих чертах состояние узбек-
ской литературы, когда совсем юный Хамза обучается
в религиозной начальной школе при махаллинской ме-
чети и начинает свои первые упражнения в поэзии.
Родной город Хамзы — город Коканд имел свои ста-
рые литературные традиции. В нем тогда же жили и
творили немало поэтов и людей, прекрасно знающих
восточную поэзию. Они не могли не оказать влияния
на формирование творчества молодого Хамзы. Его пер-
вые литературные опыты относятся к 1905 году. Это
лирические газели о возлюбленной. Отдельные произ-
ведения первого периода творчества показывают, что
юный поэт любил лирические мотивы Мукими и кое-
где старался подражать этому своему старшему совре-
меннику-кокандцу, который, быть может, рядом со шко-
лой, где учился Хамза, в бедной полутемной келье тво-
рил свои чудные газели. После окончания школы Хам-
за Хаким-заде поступает в медресе. Отец поэта по про-
фессии табиб, человек более близкий к духовному сану,
чем к медицине, хотел чтобы его сын, бросив «легко-
мысленное занятие» — поэзию, посвятил себя изучению
богословия, стал знатоком шарната. Но время воспиты-
вает, формирует сознание молодого человека в ином
духе. Сын табиба, студент медресе — этого очага схо-
ластики и мусульманского фанатизма, начинает прояв-
лять интерес к вопросам общественной жизни, полити-
ки и культуры. Хамза выписывает газеты, журналы и
в тайне от окружающих его фанатиков читает их в тем-
ных кельях, куда обыкновенно складывали всякое до-
машнее старье. За такой поступок блюстители ислама
могли не только выгнать его из медресе, но и объявить
кафиром — вероотступником. На формирование миро-
воззрения Хамзы Хаким-заде большое влияние оказала,
безусловно, революция 1905 года, когда социал-демо-
краты — большевики Туркестана возглавляли и нап-
равляли борьбу рабочих с царизмом, вели агитацион-

ную работу среди угнетенных масс местного населения. Постепенно поэт начинает понимать смысл и значение светских наук, просвещения, живой мысли. Его больше не удовлетворяет то, что преподносят своим терпеливым, одурманенным студентам его невежественные мударрисы в качестве единственно истинного знания, т. е. богословие. Для Хамзы Хаким-заде становятся тесными своды медресе, под которыми бородастые студенты годами зазубривают, прикрыв глаза, правила и схоластические тонкости шариата. Между фанатичным табибом и его сыном — молодым поэтом, всей душой стремящимся к настоящим знаниям, к полезной культурно-просветительной деятельности, все усиливается разлад, и, наконец, доходит до ссоры. Хамза Хаким-заде порывает с отцом. Ему трудно без материальной помощи родителей, но он решительный, волевой человек, который должен учиться, приобщаться к культуре, нести народу свои знания. В одной из своих статей в 1920 году поэт рассказывает о том, что в его учебе ему сильно мешал фанатизм родителей.

Интересно отметить, что местные власти — блюстители тюремного режима еще тогда причиняли молодому поэту немало неприятностей за его взгляды. Уже в 1910—1911 годах Хамза Хаким-заде в литературе и печати выступает как энергичный, пламенный, бескорыстный просветитель. В этот период Хамза Хаким-заде видит корень зла — отсталость страны, фанатизм, тяжелое положение народа и т. д. в отсутствии просвещения, в отсутствии новометодных школ. Он в своих стихах, песнях, статьях и письмах утверждает, что просвещение — это та чудотворная сила, которая откроет глаза народу, устранил бедность, принесет ему счастье и процветание. Иногда поэт в своих стихах наивно обращается к баям с призывом быть щедрыми, открыть для детей школы, объясняет им пользу просвещения. Хотя Хамза Хаким-заде в тот период и находился под влиянием джадидов, его борьба за просвещение носит гуманистический характер, и он радуется о детях простого народа. Известно, что джадиды, эти идеологи местной буржуазии, хотели внедрить просвещение в верхах, они заботились об образовании детей имущих классов с тем, чтобы новое поколение буржуазии, эти будущие фабриканты и заводчики знали, как умножить свои ка-

питалы, как вести свои дела по-европейски. Хамза Хаким-заде прежде всего заботился о сыновьях народа, тех бедняках, которые, по его выражению, «бродят голые, голодные, дрожа от холода».

В 1911 году в Коканде Хамза открывает новометодную школу для бедных детей и сирот и сам ведет занятия. Благодаря его кипучей энергии и большой любви к народному делу при школе организуются и вечерние курсы для взрослых. Хамза Хаким-заде гарантирует обучение грамоте и арифметике в течение двух-четырёх месяцев. Вы легко можете представить себе, какую злобу питали к Хамзе важные муллы, которые своим бессмысленным методом в четыре года не сумели научить детей грамоте, а уж насчет арифметики и говорить нечего.

Хамза не только нес знания в народ, но и постоянно работал над собой. Поэту были совершенно чужды национальные ограничения и религиозные предрассудки. Он с любовью изучает русский язык, русскую литературу, выступая в печати, смело говорит о значении русского языка и русской культуры для мусульман, для молодежи; постоянно поддерживает связь с русскими педагогами в Коканде, наконец, в эпоху безраздельного господства религиозного фанатизма поэт женится на русской девушке. Озлобленное духовенство поднимает невероятный шум и вой. Царские сатрапы и местные фанатики закрывают школу Хамзы. Преследуемый властями поэт вынужден покинуть родной город.

В 1914 году после возвращения из путешествия по странам Востока, Хамза Хаким-заде снова предается своему любимому занятию — учить детей. Он открывает «Дом сирот» в Коканде, мужественно преодолевая всевозможные трудности.

Хамза, народный учитель, посвятивший себя делу народного образования, несмотря на окружающие его темные враждебные силы, постоянно заботился о духовной пище своих учеников. В то время не было ни детской литературы, ни учебников и учебных пособий. В старой школе после Корана ученикам давали для зубрежки книги о правилах шарната, да еще сборники стихов Бедиля и Навон, написанные на отвлеченные темы. Хамза Хаким-заде создает большое количество стихов, песен, басен, рассказов в стихах. Очень интересна

тематика стихов цикла: «Уқи!» («Учись!»), «Қалам» («Перо»), «Китоб» («Книга»), «Илм» («Наука»), «Мактаб» («Школа»). В этих стихотворениях поэт внушает школьникам те идеи, которые он считает могучим двигателем общественного развития.

Эти дидактические стихотворения блещут яркими образами, замечательными сравнениями. Вот как объясняет поэт значение слова «қалам».

Қорадир гарчи юзи, нури ҳақиқатдир ўзи,
Чунки босган ерда зулматни зиё қилди қалам.
Хотя его след черный, но (калам) сам свет истины,
Потому что, где наступает калам, там тьму освещает.

Все эти стихотворения, песни, рассказы, басни написаны в 1914 году специально для школьников. Таким образом, Хамза Хаким-заде бесспорно является нашим первым детским писателем.

Хамза Хаким-заде смело берется и за художественную прозу. В 1915 году он пишет небольшую по объему повесть «Янги саодат» («Новое счастье»). И эта повесть ставит перед собой дидактическую цель. В «Новом счастье» автор рассказывает о том, как нищая семья благодаря энергии и настойчивости под благотворным влиянием просвещения добивается счастливой, зажиточной жизни. По композиции и по своим приемам это довольно наивная вещь. И это вполне естественно, потому что ни предшественники, ни современники Хамзы не писали ни повестей, ни романов. В области художественной прозы не существовало никакой традиции. Но важно то, что Хамза впервые в истории узбекской литературы понял значение художественной прозы и взялся за ее создание. Интерес к художественной прозе имел большое значение для дальнейшего развития творчества Хамзы как драматурга.

Неутомимый плодовитый поэт в 1915—1916 годах один за другим выпускает несколько сборников стихов «Оқ гул», «Сариқ гул», «Қизил гул», «Сафсар гул» и т. д. Эти сборники означали определенный этап в развитии творчества поэта. В этих сборниках Хамза отходит от старых канонизированных форм и приемов средневековой поэзии, смело идет на ломку структуры стиха, ищет новых, удобных для выражения жизненного содержания средств и приемов. Хамза обращает свое внимание на устное народное творчество народа, на этот

всеми поэтами-эпигонами забытый источник. Он начинает широко использовать в своем поэтическом творчестве формы и приемы народной поэзии — живой и яркой. И это понятно. Для Хамзы литература — важнейшее народное дело, она является средством воспитания. Литература должна быть очень близка народу. Стихи необходимо не только читать, но и петь. Хамза начинает создавать произведения в духе народной поэзии, многие же его песни написаны на мотивы известных любимых народных песен. Такой поворот в сторону народной поэзии вызывает сильнейшее изменение и в словаре поэта. От искусственного, засоренного арабо-персидскими выражениями и грамматическими формами книжного языка, поэт начинает переходить к живому богатому языку народа.

Вот два отрывка, которые могут характеризовать те изменения, которые произошли в форме, языке и стиле поэзии Хамзы:

Шармисордир юзларн,
Ошга тўймас кўзларн,
Тўйга бориб тўн киймоқ,
Ҳамон фикру сўзларн.
Боғда гуллар очилибдур
Бўлсак эди иккимиз,
Қўл ушлашиб гул остида
Юрсақ эдик иккимиз.

Но замечательное новаторство Хамзы не понравилось многим эпигонам, рифмоплетам, разжевывающим старые истины. Подлые лакеи буржуазии, презиравшие народ и его устное творчество, нападали на талантливого поэта-просветителя и новатора; это они большие творческие достижения, открывающие новые перспективы для всей литературы, объявили нарушенным каких-то священных правил поэзии. В этом сказались классовая узость, тупость буржуазных националистов, их звериный страх перед трудовым народом. «Я пишу просто, ясно для того лишь, чтобы написанное легко понималось нашим темным народом», — так отвечает Хамза клеветникам и продолжает создавать все новые и новые произведения. Борьба в области художественной литературы была специфическим проявлением борьбы между буржуазией и угнетенными массами.

Усиление революционного движения угнетенных царизмом и местными эксплуататорами народных масс,

все более глубокое проникновение идей большевизма в среду рабочих и дехкан не могли не оказать влияния на мировоззрение поэта. В период национально-освободительного движения 1916 года, охватившего широкие народные массы, мы видим Хамзу Хаким-заде вместе с народом. Джадиды и духовенство, как антинародные силы реакции, проявили свою подлую душу. Хамза, как верный сын народа, восставшего против насилия, бесправия, гнета, эксплуатации и рабства, в своих произведениях бичует тиранов, насильников, разоблачает изменников, описывает тяжелое положение мардикеров, их тоску по родине.

Великая Октябрьская социалистическая революция поднимает поэта на гребень новой жизни. Хамза встретил революцию как начало прекрасной солнечной истории своего народа, веками жившего в рабстве. Поэт-патриот встречает Октябрь новыми, полными огня и революционного пафоса песнями. Эти песни — первые произведения узбекской советской поэзии, дышавшие бурей тех великих дней.

Хамза в своих революционных песнях славил революцию, рабочих, большевиков:

Ҳой, ишчилар,
Эзилган меҳнатчилар!
Битсин золим бойлар!

...Ҳаққингни ол, ишчилар,
Яшов давринг сенинг.

...Битсин золим бойлар!
Унга йўлбошчилар!

Бизга кимлар карши турса
Шартта-шартта отамиз.

...Қуrolланинг, ишчилар-чун
Қизил қонга ботамиз.

Хамза пишет свою знаменитую песню «Да здравствуют Советы!».

Поэзия Хамзы этого периода — острейшее оружие классовой борьбы. В каждой песне поэт призывает рабочих вооружиться, быть готовыми к беспощадной борьбе с буржуазией, с «контрой». Хамза мастерски создает образ большевика, героя гражданской войны.

Папоқ кийган қахрамон,
Гавдали қоплон,
Гемир панжанг билан тўк,
Душманингдан қон!

...Дувир-дувир оёқ бос,
Ерлар титратиб,
Душман сари йўлга бос
Оғлар ўинатиб!

Стихи и песни, созданные Хамзой Хаким-заде в годы революции, отличаются действенностью: часто их строки краткие, острые, как штык. Песни эти не рассказывают, не описывают, не изображают, а призывают, восклицают. Слова в них веские, звучные, как пуля разящие.

Хамза служит делу революции, делу партии Ленина как поэт, как композитор, как драматург, режиссер и артист, как общественный деятель, как военком. Хамза служит родной Советской власти, пропагандирует среди рабочих и бедноты великие идеи Ленина. В период ожесточенных боев против сил контрреволюции и английских интервентов Хамза со своей актерской группой отправляется на линию огня. В одной из песен он пишет:

Англичанни или кто другой если будет нашим врагом,
Мы ни на один шаг не пустим его на землю нашей родины.
Бери, рабочий, в руки оружие!

Великий Октябрь и идеи большевистской партии вдохновили Хамзу на подвиги и в творчестве, и в борьбе за торжество новой жизни.

После Октябрьской революции Хамза выступил во всем блеске своего таланта драматурга. Он умел создавать пьесы, большие и малые, создавать их очень быстро, на самые актуальные, волнующие темы. Хамза — отец узбекского театра. Он создал узбекскую драматургию и сумел поднять ее роль и значение. Основные свойства, присущие его лучшим пьесам, это актуальность темы, типичность событий, законченность образов, сильное действие, богатый, красочный, блестящий юмором язык и, наконец, подлинный глубокий реализм.

Хамза наряду с творческой работой как общественный деятель принимает самое активное участие в раз-

личных областях общественной, политической, ху- ственной и культурной жизни. Возьмите хотя бы борьбу, которую вел поэт под руководством партии раскрепощение женщины. Он всей душой отдавался этой борьбе. На эту тему он пишет десятки прекрасных стихотворений и песен, а в своих очерках и фельетонах в страницах печати разоблачает врагов раскрепощения — мулл, ишанов, фанатиков, выступает на собраниях, говорит о вреде паранджи, о правах женщины.

Таким прекрасным, стойким, закаленным и вдохновенным борцом, строителем новой социалистической жизни и культуры был наш талантливый поэт, драматург и композитор Хамза Хаким-заде Ниязи. Партия и правительство высоко оценили заслуги поэта-патриота, верного сына Советской Родины и присвоили ему в 1926 году звание народного поэта.

Значение литературного наследия Хамзы колоссальное, оно достойно систематического и всестороннего изучения. В творчестве Хамзы нашли свое отражение жизнь и движение целых эпох. Творения Хамзы имеют, помимо художественного, огромное воспитательное и познавательное значение. Произведения Хамзы должны стать достоянием всех братских народов нашей великой родины.

Хамзу Хаким-заде убили руками мракобесов и кровавых басмачей буржуазные националисты — эти злейшие враги узбекского народа, продавшие свою душу английским империалистам. Палачи-националисты еще раз опозорили себя перед историей. Но великое дело — победа социализма, которому до последней минуты своей жизни, всей любовью своего большого сердца непоколебимо верно служил поэт, восторжествовало на нашей Советской Родине под мудрым руководством нашей партии.

1951 г.

МАШРАБ

Этот поэт занимает совершенно особое место не только в истории узбекской классической литературы, но и без преувеличения можно сказать, в поэзии народов Востока.

Вся жизнь, все деяния Машраба состоят из удивительных, подчас анекдотичных легенд и рассказов. К тому же легендарность так органически срослась с личностью поэта, что без этих легендарных атрибутов даже трудно представить себе образ Машраба.

В узбекскую литературу и в гущу самых широких читательских кругов народа Машраб вошел как совершенно неповторимая и оригинальная фигура.

Литературоведческая наука должна отыскать в наслоениях легенд человека и его реальные черты. Тогда многое в его прекрасном творчестве станет ясным. Но, к сожалению, до сих пор в этом направлении не сделано почти ничего. Дело это очень сложное, ибо источники XVII—XVIII веков, дошедшие до нас, почти ничего не сообщают о жизни поэта. Собранные до сего времени скудные сведения говорят о жизни поэта следующее.

Машраб родился в 1657 году в г. Андижане в бедной семье. Его настоящее имя — Боборахим. Отец Боборахима умер, когда мальчик был еще в утробе матери. 15-летним мальчиком Машраба отдают в услужение известному ишану, знатоку суфизма Муллабазар-ахуну, у которого Машраб прожил много лет. Одаренный Машраб, по всей вероятности, находясь среди ученых богословов и дервишей, постепенно усвоил основы суфистской философии. После ухода от Муллабазар-ахуна он отправляется в Восточный Туркестан (Кашгар), где много лет подвизается в качестве ученика у видного

нишана Аппак-ходжи. Но очаг мракобесия, религиозно-мистических предрассудков, сухой схоластики для вольнодумца Машраба становится невыносимым.

Поэт вступает в спор с авторитетами религиозных ученых, издевательски выступает против догм шариата. Духовные авторитеты в больших чалмах, в ярких халатах, с четками оказываются бессильными против острой логики вдохновенного поэта-острослова, подчас циника, который порой ставит их в тупик. Это послужило причиной того, что Аппак-ходжа в гневе жестоко наказывает и изгоняет из круга своих учеников приверженцев Машраба.

По очень отрывочным и скудным сведениям можно установить, что поэт, изгнанный за вольнодумство, до конца своей жизни непрерывно путешествует то пешком, то на своем единственном, по его выражению, спутнике-нишаке по городам Средней Азии как странствующий дервизи. Он побывал в Самарканде, Бухаре, Ташкенте и других городах. Известно также, что он побывал и в Индии. В 1711 году Машраб был повешен в г. Балхе по приказу правителя Махмудхана, конечно, не без участия реакционного духовенства.

Эпоха, в которую жил и творил Машраб, была эпохой жесточайшей феодальной эксплуатации, разорения и обнищания крестьян и ремесленников, временем экономического упадка страны. В области создания культурных ценностей этот период также ничем не отличался.

Художественная литература этого периода глубоко проникнута религиозно-мистическим духом. Например, современник Машраба Суфи Аллаяр в своих стихах проповедует религиозные предрассудки, описывает картины загробной жизни, призывает правоверных к покорности перед Небом и властителями на Земле.

О поэзии Машраба мы судим по тем газелям, которые включены в своеобразную повесть, написанную известным автором, — «Девонан-Машраб» («Юродивый Машраб»). Повесть рассказывает о жизни и приключениях Машраба в легендах и анекдотах.

Безусловной истиной является то, что во второй половине XVII — начале XVIII века жил и творил поэт исключительного таланта, который вел жизнь скитальца-вольнодумца, был близок к обездоленным народным

массам и горячо любим ими. Везде и всюду простые люди встречали поэта восторженно, любили слушать его вдохновенные песни, блестящие всеми красками народного юмора стихи, направленные против власть имущих, правителей, феодалов, беков и пресмыкающихся перед ними лакеев. Машрабу были одинаково ненавистны роскошная жизнь эксплуататоров и фальшь, ханжество мусульманского духовенства. Он едко высмеивал вершителей судеб народа. Машрабу свойственно ироническое отношение, даже насмешка к поборникам ислама. В одном из стихотворений о Мекке он пишет:

Без вина и милой в Мекку что тащиться человеку?
Кааба, лавка Ибрагима, годная на слом,— на что мне?

Конечно, Машраб не мог в силу исторических условий освободиться от религиозно-мистических воззрений. Издеваясь над догмами, проповедываемыми ревнителями шариата, поэт глубоко верит в истинность философии суфиев и дервишей. Догмам ислама он противопоставляет любовь к божественной красоте и пантеистические мотивы. Машраб оставил нам в наследство несколько десятков лирических газелей, которые на протяжении веков были очень популярны среди народа. Также известна его книга «Мабдаи-нур» («Источник света»), в которой поэт старается в нравоучительных рассказах толковать взгляды известных суфистских поэтов-философов.

Творчество Машраба ценно всеми своими мотивами, в которых нашли свое выражение протест против притеснителей народа и чаяния обездоленных масс.

1951 г.

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

150-летний юбилей Тараса Шевченко отмечает не только украинский народ, но и вся могучая вольная семья советских народов, все прогрессивное человечество. Творчество Т. Г. Шевченко стало в наше время достоянием всей советской культуры.

Тарас Шевченко — национальная гордость украинской и всей общечеловеческой культуры. Он глубоко украинский национальный поэт, и именно поэтому он великий мировой поэт. Сбылись пророческие слова из «Завещания». В семье великих народов отмечают его 150-летний юбилей.

Узбекский народ читает и любит поэзию Шевченко. Мы, узбеки, гордимся тем, что братский украинский народ породил в мрачную, удушающую пору, когда его могучие творческие силы были скованы царизмом и крепостничеством, такого великого поэта, как Тарас Шевченко.

Я хорошо помню то время, когда впервые познакомился с могучей поэзией Шевченко и навсегда полюбил ее. В начале 20-х годов я учился в педагогическом техникуме, только начинал свой творческий путь. Уже хорошо был знаком с восточными классиками и начинал серьезно заниматься русской и мировой литературой. Тогда еще давали о себе знать последние вспышки гражданской войны в Средней Азии, кое-где продолжали свою бандитскую деятельность последние шайки басмачей, а в культурной жизни шла ожесточенная классовая борьба, борьба между новым и старым, отжившим.

Буржуазно-националистические деятели пытались отравить сознание творческой молодежи, звали ее к отходу от современности, «в храмы чистого искусства».

Они призывали творческую молодежь покорно следовать традициям восточной поэзии, причем подразумевали под ней только придворную феодально-клерикальную поэзию. И вот в этих условиях, когда я делал свои первые шаги в поэзии, творчество великих русских поэтов и писателей, а вместе с ними и Тараса Шевченко, помогло мне выбрать правильный путь — путь активного участия в жизни народа, служения народу. С тех пор я глубоко полюбил поэзию Тараса Шевченко. С особой силой я услышал и почувствовал могучую силу шевченковского слова в суровые дни Великой Отечественной войны.

В то время по-новому зазвучал волелюбивый, могучий голос великого Кобзаря. Его стихи часто читали в Узбекистане по радио, на митингах. В моем доме, когда собирались русские и украинские поэты, тоже звучало шевченковское слово. Оно помогло мне узнать и полюбить украинский народ, его светлую, поэтичную, музыкальную душу. Гордый, поистине прометеевский дух поэзии Кобзаря с первого же моего знакомства и соприкосновения с ним еще в молодости захватил меня и до сих пор вызывает чувство большого уважения, преклонения перед Тарасом Шевченко, его поэзией и жизнью. С какой исключительной глубиной выразил он поэтическую душу своего народа, его стойкость, мужество, вековой протест против рабства, стремление к свободе. Как поражает его поистине великий подвиг: в один из самых жестоких, мрачных и тяжелых периодов царизма бросить вызов крепостникам, проявить твердость, бесстрашие и непоколебимость в этой борьбе.

В поисках путей борьбы за улучшение жизни народа Тарасу Шевченко пришлось многое пережить. Но даже в ссылке — длительной солдатчине, в условиях ее оупляющей, жестокой муштры продолжал он обвинять и разоблачать угнетателей народа, мечтал о счастливом будущем народа, выражал его подлинные чаяния. Ничто не оборвало поэтического парения его могучей, подлинно народной поэзии. Он не отказался от своих убеждений, не примирился с царскими палачами, не стал служить крепостникам. Он много пережил, но зато одарил свой народ, а вместе с ним и все народы мира великим бессмертным наследием.

Такой подвиг мог свершить только поэт, вышедший из народа, сам испытавший ужасающую долю крепостного и чутко откликнувшийся на великое горе народной души.

Тарас Шевченко мечтал о будущей счастливой доле угнетенных народов. Он мечтал о том, что большая дружба свяжет народы, о том, что узы большой братской дружды опояшут мир, и освободившиеся от гнета народы обновят землю, сделают ее радостной и счастливой.

Это время настало с Великим Октябрем, мечты Тараса Шевченко осуществились в нашу советскую эпоху. Тарас мечтал о «великой семье вольных народов» — эта светлая его мечта осуществилась в нашей стране. Ныне на всех континентах планеты сбрасываются цепи колониального рабства.

Он мечтал о том, чтобы и его не позабыли в великой семье народов, помянули добрым словом. Осуществилась и эта мечта Тараса. Он вошел, как свой, как родной, как любимый в дом каждого советского человека, в культуру всех народов нашей страны, в мировую культуру. Народам всего мира дорога поэзия Шевченко, наполненная беспредельной любовью к человеку, к угнетенным народам, поэзия дружбы народов.

Мне доставляет истинную отраду в эти дни шевченковских торжеств приветствовать своих украинских братьев, пожелать друзьям — украинским поэтам приумножать великие шевченковские традиции народности и реализма, шевченковские традиции дружбы и братства народов, воспевать отважное, поэтическое сердце великого Кобзаря.

1964 г.

ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

Несложно выбрать исходную дату накануне юбилея. Если не слишком переоценивать роль собственной персоны, понимаешь, что это в конце концов чистая условность. Решить, когда действительно начался твой писательский путь, куда труднее. С какой бы ранней вещи ни начинать отсчет, сознаешь, что она так или иначе выбрала еще более ранние поиски и попытки.

Писать я начал в школе — и, еще будучи школьником, стал печататься — с двадцать третьего года. Школьные годы подарили мне восточную классику, а в ней главной моей любовью сделались великий гератец Навои и Физули, удивительный лирик, один из титанов азербайджанской литературы. Они-то и дали мне первые уроки поэтики. Между тем мое поколение вошло в сознательную жизнь вместе с революцией, и те грандиозные сдвиги и перемены, которые для многих людей постарше были ломкой всех жизненных норм, для нас стали нормой. Темпы были стремительные, каждый день являл что-нибудь новое, газеты и митинги переводили жизнь на язык лозунгов — и время подсказывало поэзии темы и ритмы, отнюдь не соответствовавшие традиционным формам и их медлительной, громоздкой образной системе. Но иных средств поэтического выражения еще не было; новое содержание механически отливало в старые формы. С этого начинал и я — в своих первых стихах для газет.

Вряд ли нужно объяснять, что это были за стихи.

К поискам лирической простоты впервые обратили меня страницы новой турецкой поэзии. Я познакомился с ними, будучи уже студентом техникума. В Баку издали тогда нескольких турецких поэтов — Яхью Камала,

Резу Тауфика, Абдулхака Хамида; они-то и попали ко мне в руки. Издания эти у меня сохранились, и, перелистав их недавно, я отчетливо вообразил свое тогдашнее первое впечатление... О вещах очень важных и сложных можно было, оказывается, сказать совсем просто; чтобы выразить весь бушевавший внутри тебя напор чувств, всю глубину лиризма, не надо было непременно облачаться в пышные одежды — так же, как не обязателен на тебе шелковый халат, чтобы сказать девушке: «Люблю». А главное — приметы повседневной жизни, обиходная речь, которые, казалось, должны были свести на нет всю возвышенность и обаяние поэтического мира и потому не допускались туда, как простой народ во дворец, на деле как раз и несли с собою подлинное обаяние.

Это открытие, которое теперь кажется очень наивным, было тогда для меня чрезвычайно важно, и на некоторое время вызвало обратную реакцию на все, «чему поклонялся» я до той поры. Немудрено. Надо ведь обладать немалым литературным опытом и выработанным в долгом и пристальном чтении историческим взглядом на искусство слова, чтобы понять: способ выражения, поэтический строй старой лирики не потому отвлечен от обыкновенной жизни и речи, что такая отвлеченность присуща ему вообще, изначально, а потому просто, что обыкновенная жизнь и речь ушла от него, оставив его позади; и сегодня он прекрасен в немалой степени именно как памятник, хотя некогда был живым и животрепещущим явлением, непосредственным и юным.

Стихи, написанные в школе и техникуме, составили первый мой сборник «Чувство». Он вышел в 1926 году, когда я был студентом второго курса ФОНа (факультета общественных наук). Первая книжка — событие для каждого, но я знал уже, что писать надо совсем по-другому. В следующем году я уехал учиться в Ленинград, начал всерьез заниматься русским, знакомиться с русской и мировой классикой, и «открытия», подобные первому, ринулись на меня ошеломляющим потоком. Среди них, однако, нетрудно выделить самое для меня важное; им — по крайней мере, в мире поэзии — было знакомство с Александром Блоком. Если не считать Навои (к которому я потом вновь вернулся, созрев уже не для ученического, а для настоящего понимания), Блок

навсегда, и по сей день, остался моей главной поэтической привязанностью. Меня поражает в нем лирическая наполненность каждой строки; настрой его внутреннего мира сказывается в любом слове. Блок, как никто, ощущал мгновенность жизни, но самое это ощущение умел сделать долгим, вечным — и, читая, вы оказываетесь к этой вечности причастны. Между тем он не превращает своего настроения ни в слишком четкую мысль, ни в чересчур ясную картину; оно остается настроением, намеком, но потрясающе точным в своей лирической, различной приближенности.

Знакомство с Блоком, вероятно, чувствуется уже во втором моем сборнике — «Флейты сердца»; всерьез же то, чему он научил меня, проявилось — с большей или меньшей долей самостоятельности — в третьей книжке стихов, объединившей стихи ленинградского периода. Она называлась «Факел» и вышла в тридцатом году.

Русскому читателю может показаться странным, что, говоря о встречах с русской поэзией, я умолчал о Пушкине; должен сознаться, по-настоящему я открыл его для себя много позже. Это было летом тридцать шестого, накануне пушкинского года. Мы, несколько писателей — Хамид Алимджан, Каххар, Шейхзаде, Уйгун и я, — жили в Чимгане: его так и прозвали тогда в шутку — «писательским гнездом». Заняты мы были главным образом переводами; я работал над «Евгением Онегиным», за который взялся не без страха: слишком велика и ответственна была задача. Но по мере того, как я «влезал» в текст, страх проходил, началось страстное, поистине «запойное» увлечение. Уже озорные и щеголеватые строфы первой главы, перебивавшиеся вдруг пронзительной нотой («где я страдал, где я любил, где сердце я похоронил»), несли с собою ощущение такой эпической полноты и вместе такой изобразительной точности, что это мастерство, в своей внешней предельной простоте, вызывало слезы на глазах. Конечно, я не раз читал «Онегина» и до того, но, переводя, неизбежно задумываешься над каждым словом, фразой, строкой, и я впервые «всем нутром» ощутил за ними гигантскую работу поэзии, бездонную глубину знания жизни. Тем летом я писал и свои стихи, составившие позже «Чимганскую тетрадь» в книге «Песня солнца». Среди них есть стихи о пушкинской поэзии. Впрочем,

к этой теме я возвращался потом не раз. Я задумываюсь над тем, отчего мое увлечение Пушкиным так запоздало? Для тех, к кому он приходит с раннего детства, вместе с букварем, он становится так же близок и привычен, как родной язык; он и вправду столь же прост и прекрасен. Потом, с возрастом, его, вечного спутника, узнают все снова и снова, как бы на новой глубине, новом уровне понимания, и это происходит вроде бы само собой. Но когда вы открываете Пушкина уже взрослым, в пору многих смятенных вопросов, его прозрачная ясность и законченность кажется поначалу далекой; надо прожить кусок жизни, обрести подлинную духовную зрелость, чтобы увидеть в этой ясности ответы на все, или почти на все вопросы, что тебя мучили.

Впрочем, «пушкинская пора» относится уже к другому периоду моей писательской жизни. Первый, начальный, окончился для меня вместе с сборником «Факел». Кстати сказать, с тех пор, с тридцатого года и до пятидесятых, у меня не вышло ни одного сборника лирики. Она отступила на второй план перед поэзией сюжетной, перед собственно поэмами, за которыми последовала уже и проза.

Я говорил до сих пор о том, что дала мне классическая литература. Иногда я раздумываю: в какой мере я испытал литературное воздействие со стороны писателей-современников? Конечно, об этом лучше судить не мне. Ведь всегда кажется, что идешь собственным путем. Вероятно, влияние на меня, чисто человеческое, некоторых больших писателей, с которыми я был знаком и дружен, сказалось на моей работе, но вряд ли это относится к области собственно литературной.

Когда я был еще студентом техникума, один из преподавателей познакомил меня с Абдуллой Кадыри. Этот невысокий коренастый человек, в своем неизменном чапане и бархатной тубетейке, с умным широким лицом дехканина, с которого смотрели небольшие темные глаза, то цепкие, насмешливые, оценивающие, то вдруг отрешенно прищуривающиеся, будто устремив взгляд внутрь себя—был тогда уже широко известным писателем, автором популярных фельетонов и рассказов, а главное — автором большого прекрасного романа, которым мы все зачитывались, первого романа в узбек-

ской литературе! Я чувствовал себя перед ним донельзя смущенно, едва решался пробормотать что-то, и не помню уже, что он тогда мне сказал: нечто безразлично одобрительное. Позже я часто встречался с ним — литературный мир Ташкента был тогда не слишком широк; но узнал я его близко только в начале тридцатых годов, вернувшись из Ленинграда. Кадыри был личностью незаурядной, оставлявшей впечатление редкой цельности и своеобразия. Внешне медлительный, немногословный, так что, казалось, он пробовал слово на вес и брал отнюдь не каждое приходившее на язык, он разговаривал тихо и как бы неохотно, словно собственная речь мешала ему слушать. Он был наделен весьма нечастой для человека напряженного умственного труда способностью в равной мере и к работе физической. Это не было заурядной потребностью каждого интеллигента — отвлечься в физическом труде. В Кадыри, должно быть, жила сильная крестьянская закваска, и работал он именно как крестьянин — постоянно и упорно. Он жил близ Самарканд-Дарбаза, за домом у него был большой фруктовый сад, великолепно ухоженный, с множеством сортов персиков, яблонь, слив, который он сам и обрабатывал. Кстати сказать, литература не всегда его кормила, иногда он жил с семьей тем, что давал сад. В глубине участка у него стояло несколько ульев. Помню, как-то в начале тридцатых годов мы встретили его в распределителе, и он сказал моей жене:

— Тут нам мед полагается, если хотите, возьмите мою долю, у меня мед свой...

Писал он, по его словам, так: сначала в долгой ходьбе по улицам, чаще всего ночным, опустевшим, обдумывал новую вещь, со всеми ее будущими характеристиками и сюжетными ходами. Он мог иной раз пробродить целую ночь — а вернувшись домой, расстилал курпачу, ставил чернильницу, клал бумагу — и писал, лежа на животе...

— Наверное, неудобный способ, — говорил он с улыбкой. — Никому другому не советую. А сам — привык, иначе не могу...

Говорят, что я, мол, не пишу о сегодняшней жизни. Но ведь писатель должен изображать то, что знает лучше всего. А я, как и многие, лучше всего вижу то, чего наглядился в молодости... — Он помолчал и добавил задумчиво: — Современная тема где-то тут, передо мной,

но выйдет ли у меня что-нибудь? Ох, не знаю, не знаю... — и тут же улыбнулся сам себе: — В том-то и беда, что не знаю! Мало знаю. Я человек медленный, мне надо всматриваться долго!

Потом, сам обратившись к прозе, я часто вспоминал эти слова «Надо всматриваться долго...»Его собственная проза поражает в первую очередь как раз знанием жизни, безукоризненным владением той могучей, вдохновенной и озорной стихией народного языка, которая наполняет его романы; при всех известных просчетах — простительных первооткрывателю — он был прирожденным эпическим писателем, мастером широкого дыхания, реалистом в высоком смысле этого слова — человеком, умеющим видеть прошлую жизнь с точки зрения будущего.

Только начиная вспоминать, сознаешь, что прожил долгую жизнь. Скольких я знал людей, которых нет уже на свете!.. Долгие дружеские отношения связывали меня с Фадеевым и Луговским.

Луговской много лет собирал коллекцию оружия.

— В России, — шутил он, — есть поверье: дарить ножи — к худу. Так я — живое опровержение: дарят мне ножи и дарят, а я, как видите, жив-здоров.

Я тоже подарил ему узбекский нож и потом, много лет спустя, увидел этот нож на стене в московской квартире Луговского. Я бы, конечно, не узнал его, но Луговской сам сказал: «Помнишь? Твой подарок...» И я действительно вспомнил чудесные весенние вечера у нас в Ташкенте, году в тридцатом, должно быть; вечера с вином, но где главным возбуждающим напитком было не вино, а наша молодость и та вера в себя и в жизнь, которая в особенности была присуща Луговскому и которой он умел заражать окружающих. Она сохранилась в нем до конца.

С Фадеевым связывало меня не только многолетнее знакомство, дружеское расположение, но и общая работа. В сорок седьмом году мы вместе ездили в Англию в составе депутатской делегации. Летом сорок седьмого я получил от него написанное карандашом письмо.

«Мне нужно, очень нужно с тобой поговорить, дорогой Муса! Не мог ли бы ты задержаться у нас в Москве до 20 октября или еще лучше до 1 ноября — помочь в работе секретариата. Все содержание в Москве, разу-

меется, возьмем на себя, а также проезд туда и обратно и положим заработную плату. Но это вопрос десятый, а главное — очень нуждаемся в помощи. Часть наших людей в отпуску и еще часть должна идти в отпуск. А. Ф.».

В течение совместной поездки и напряженного месяца в секретариате я видел его очень часто в повседневной работе. Он был человеком на редкость деятельным, обладал большим и проницательным умом, широким взглядом на вещи, и при всей силе и властности характера умел прислушиваться к людям, сохранив удивительную простоту в обращении и искреннюю внимательность к окружающим. Вспоминаю один эпизод, мелкий, но характерный. В августе 1952 года мы с женою были проездом в Москве, зашли ненадолго в Союз и встретили там Фадеева. Он стал настойчиво приглашать нас к себе на дачу, но мы уезжали в тот же вечер и задержаться не могли. Когда мы вернулись в гостиницу, нам передали пакет: в нем оказалось новое издание «Молодой гвардии» с милой авторской надписью.

В сорок седьмом году у себя на даче он читал несколько товарищам новые куски «Последнего из удэге». Из присутствовавших там помню Тихонова. Фадеевский роман, так, к великому сожалению, и не дописанный, произвел на меня и тогда, в энергичном авторском чтении, и при знакомстве с книгой впечатление необычайной грандиозности замысла, может быть, единственного в своем роде. Это была бы художественная история человечества в уникальном разрезе, какой могла дать лишь фадеевская родина — Сибирь, самая большая этнографическая загадка мира. И в масштабах этого замысла мне чувствуется человек, которого я знал и которым восхищался — человек большой и незабываемый.

Кстати сказать, замысел фадеевского романа, конечно, очень далекого от меня по материалу, весьма близок мне своей исторической концепцией, тем пониманием взаимоотношений между историей и литературой, которое он в себе несет. Мне нередко приходилось задумываться над этой проблемой — ведь и в своих поэтических вещах и в прозе я так или иначе обращался к истории...

Литература — всегда история. История — всегда литература.

По-видимому, в этих утверждениях нет ничего нового. Общеизвестно, что самый сухой и точный летописец в какой-то мере сочиняет события и людей: он неизбежно пропускает их через себя, прежде чем занести на бумагу, пергамент или глиняные таблички. И, с другой стороны, о какой бы животрепещущей современности ни говорил роман или каким бы «частным» переживаниям личности ни был посвящен — в той степени, в какой он обобщает человеческий опыт, он неизбежно служит и историческим свидетельством. Таковым он является прежде всего для современников — не говоря уже о потомках. В конце концов, летописи начинаются с дневников, и, если разбраться, между ними нет принципиальной разницы. К тому же время идет быстро, особенно в наши дни. Свежие газетные новости, не успеешь оглянуться, превращаются в архивные материалы. И книги, скажем, тридцатых годов, посвященные временам нашего детства или юности и полные для нас самой жгучей злободневности, сегодня воспринимаются молодежью уже как исторические романы...

Повторяю, это общеизвестно, но из этого следует, что писателям, которые избрали своим предметом времена и людей прошлого, вовсе не принадлежит монополия на историю в литературе. Литература — это всегда история. С другой же стороны, главным в историческом романе служит, по-моему, не собственно описание исторических фактов, как бы умело они ни были преподнесены. Ведь, по правде говоря, большинство из нас воспринимает «Войну и мир» только в последнюю очередь как исторический роман, хотя он был замыслен как таковой, населен историческими лицами и событиями и заключен историко-философским трактатом. Могут сказать, что это пример неудачный, ибо он единственный в своем роде; согласен. Но от этого он не становится менее убедителен.

Что же главное в историческом романе? То же, что и во всяком другом: человек.

Народ — творец истории. С этим вряд ли кто решится сегодня спорить. И вряд ли найдется у нас сейчас такой исторический роман, в котором не действовал бы на первом плане человек из народа. Но ведь это само

по себе — еще не решение проблемы. Свести требования к этому — почти то же, что регламентировать полноту изображения современной жизни в романе показом людей тех или иных профессий — скажем, шахтеров, поливальщиков или слесарей-наладчиков. Историческому роману нужен не обязательный «человек из народа», а именно человек, кто бы он там ни был, Петр Первый или Федька Умойся Грязью — человек во всей его человеческой правде, во всей сложности его чаяний и чувств. Собственно, народ потому и творец истории, что состоит из таких вот настоящих людей; а статисты важны для статистики.

В разные времена люди по-разному ограничивали понятие свободы, на разные предметы распространяли смысл слова «верность», разными мерками мерили счастье, имели различные эталоны мужской и женской красоты, завидовали разным вещам и боялись разных напастей. Между прочим, в одни и те же времена на разных точках земли это и поныне выглядит по-разному. Но я осмеливаюсь утверждать, что само по себе стремление к свободе и счастью, сами по себе чувства любви и верности, зависти или утраты, страх смерти и ощущение полноты бытия — свойственны были человеку всегда и ничуть не изменились на протяжении тысячелетий. Ведь только поэтому нас и могут волновать произведения, чьи творцы отделены от нас многими веками. И я думаю, что к какой бы исторической эпохе писатель ни обратился, в конечном счете он никогда не ошибется, если за всеми ее непривычными или даже странными особенностями будет искать чувства и помыслы, которые ему знакомы. Люди всегда люди, с тех самых пор, как они ими стали, а ведь это произошло во времена доисторические.

Но, конечно, эти чувства и помыслы надо искать в прошлом, а не привносить их туда. Здесь-то как раз и скрывается главная трудность. Нужно не просто знать другую эпоху, то есть представлять, чем она отличается от нашей; необходимо еще и понять ее — то есть увидеть, что ее с нашей роднит.

Я хочу, чтобы меня истолковали правильно. При всем том, что есть в них общего, литература и история — вещи разные. И я не собираюсь доказывать, что между литературой, которая обращается к далекому

прошлому, и той, которая рассказывает о современной жизни, нет никаких существенных различий. Напротив, это отличные друг от друга области творчества — и по своему материалу, и подчас по своим изобразительным средствам. Но разницу замечают все. О сходстве многие стараются забыть. Иначе откуда бы взялись произведения, в которых показ человека приносится в жертву, не говорю уже — внешнему развитию событий, но просто внешнему реквизиту изображаемой эпохи? Некогда один археолог замыслил изложить накопившиеся у него сведения о древнем мире в форме связного повествования; у него вышел неплохой роман. С иными историческими писателями происходит обратное: они замышляют написать роман — а получается у них свод сведений об эпохе, да и то, как правило, мало достоверный; историческая правда и правда художественная не могут жить в романе друг без друга...

Возможно, будет выглядеть не очень скромно, если после всего вышесказанного я обращусь к собственному литературному опыту. Но ведь если писателю предлагают поделиться мыслями о литературе, подразумевается, что он будет говорить о вещах, наиболее ему знакомых! В конце тридцатых годов и начале сороковых я работал над двумя романами. Время моей работы над ними разделено промежутком года в два; время действия в них отстоит одно от другого почти в полтысячелетия. Я имею в виду «Священную кровь» и «Навои».

Я уже говорил, что такие романы, как «Священная кровь», представляются молодежи произведениями историческими. Но я-то воспроизвел в нем обстановку времен моего детства. Я вырос в Ташкенте, в старой махалле; улочка наша, отходившая от Баланд-Мечети, называлась Гаукуш и находилась недалеко от нынешней прекрасной магистрали — проспекта Навои. Как я рос, нетрудно себе представить: где-то на страницах романа, в толпе махаллинских мальчишек, которые возятся в сухой пыли около глинобитных дувалов и встречают воплями свадебные арбы, нахожусь и я сам. Но чтобы эти детские впечатления могли послужить основой для книги, надо было увидеть их со стороны так же, как я вижу теперь себя самого в той стайке полуголой чумазой ребятни.

Почти все события романа и все его действующие лица мною выдуманы. Ни Мирзакаримбай со своей многочисленной родней, ни Юлчи со своими друзьями, ни семья Гульнар не похожи на кого-либо, виденного мною в жизни. И, однако, все они родом из махаллы моего детства. Ибо выдуманы они лишь постольку, поскольку писатель вообще выдумывает: ведь наше воображение — из той же колоды карт, что и наша память.

Вопиющая несправедливость, жестокое неравенство, едва прикрываемые чачваном религии («Все мы мусульмане!»), которые определяли тогдашний строй жизни, конечно, бросались в глаза и ребенку. Но они были неотъемлемой частью существования, основой окружающего мира, и лишь впоследствии, когда я однажды пристально взглянул на них из другого мира, я увидел их по-настоящему. Увидел — и содрогнулся. Этот момент и был истоком замысла романа. А сюжет и герои лепились быстро и уверенно, точно под рукою у меня было готовое волшебное тесто...

Свои непосредственные воспоминания я использовал, пожалуй, только в заключительной главе романа — как раз той, которая описывает действительные, принадлежащие истории факты. Речь идет о ташкентских событиях шестнадцатого года, которые как бы естественно завершали трагическую судьбу моего Юлчи. Все описанное в этой главе я увидел собственными глазами, увязавшись за огромной толпой; она двигалась к полицейскому участку и непрерывно росла, как грозный весенний сай, вбирающий в себя все новые и новые бурные притоки. Видел я и осажденное здание участка, и то, как ломали ворота; видел казаков, которые разгоняли толпу, — и оставшихся на земле людей; слышал вопли и выстрелы. Может быть, видел и ту знаменитую старуху, которая пришла защищать своего сына, забираемого царем, — и пала первой жертвой этих событий; а может, я только слышал рассказы о ней; во всяком случае, она представляется мне очень живо. Этот кровавый день — самое сильное впечатление моего детства, все было очень страшно — и запомнилось мне на всю жизнь. У нас ведь никто не знал тогда, что это лишь первый, слабый толчок великого землетрясения.

«Священную кровь» я написал за несколько месяцев. Года два спустя я начал «Навои». И вот здесь я

хочу сказать то, ради чего обратился к этим примерам: перенесаясь от современной для меня темы в глубь прошлого, на несколько веков назад, я вовсе не почувствовал, что «сопротивление материала» всерьез изменилось. Писать мне было так же радостно — и так же трудно...

Сейчас, «ретроспективно», очень легко представить себе, что замысел романа «Навои» порожден той атмосферой острого интереса к творчеству и личности Навои, которая возникла в литературной науке и самой литературе примерно в середине тридцатых годов. Это не так: по крайней мере, не совсем так. Могу сказать безо всякого преувеличения: Навои был спутником почти всей моей сознательной жизни, начиная со школьных лет, когда я впервые услышал и запомнил его строки и рассказы о нем самом. И то и другое равно поразило меня. И с тех пор я постоянно слышал и читал Навои и о Навои, хотя заслуживающие доверия издания или списки найти было непросто. Теперь я понимаю, что народная память давно уже признала за Навои то место величайшего национального поэта, которое наша литературная наука присудила ему, правду говоря, с некоторым опозданием. Может быть, мне удалось с самого начала почувствовать или угадать это всенародное признание: во всяком случае, строки Навои вызывали во мне не только радостное восхищение, но и чувство какой-то особенной гордости.

Начиная с тридцать первого или тридцать второго года, я принялся систематически собирать материалы, относящиеся к Навои, и к тридцать шестому году закончил довольно объемистую исследовательскую работу. В тридцать седьмом году я написал поэму «Навои». Не знаю, подготовила ли поэма почву для романа — скорее наоборот: работа над нею отодвинула необходимость сесть за большую книгу... Так или иначе, необходимость эта зрела во мне долгие годы; должно быть, потому самый роман я написал всего за одну зиму. Он отнял несколько месяцев, как и «Священная кровь».

Говорят, исторический писатель, даже оставаясь в рамках образа, заданного историей, зачастую все же «списывает» его со своих современников — то ли с целью написать памфлет, то ли, наоборот, с целью вознести хвалу, или просто в силу особенностей своего ви-

дения мира. Должен сознаться, со мной ничего подобного не происходило. Садясь писать, я уже ясно видел своих героев — такими, какими они долго выростали во мне, выростали из тех зерен, что сами некогда посеяли на ниве истории.

Я уже не говорю о самом Навои. Передо мною вставал султан Хусейн Байкара, человек, не сумевший совладать с бременем собственной власти, и желчный Бенаи, один из тех нередких, не лишенных таланта людей, драма которых — в неспособности понять настоящие пути истории; и мудрый старец Джами, этот Державин тюркской поэзии, хотя бы в том смысле, что он «благословил» Навои; и деликатный, неприспособленный Зейн-ад-дин, интеллигент до мозга костей, созданный для пиршеств отвлеченной мысли; и простак Арсланкул, родной брат Юлчи, — могучий и безотказный труженик и воин, основа основ всякого народа, пехотинец истории... А на столе у меня лежала карта средневекового Герата, вычерченная мной самим, и я засыпал в Герате, просыпался в Герате, и только по ночам снился мне Ташкент, в котором я жил.

Конечно, не мне судить, насколько удался роман. Но я писал его с радостью. И хотя мне подчас приходилось нелегко — не только с лепкою фразы или поворотом сюжета, но и с самим историческим материалом, огромным и все-таки неполным, я ни разу, кажется, не испытал перед ним чувства беспомощности — такого, знаете, какое бывает, если бьешь-бьешь тугой гвоздь, и уже остался последний удар, и вдруг проклятая железка легко проваливается в какую-то пустоту — и, значит, тащи ее обратно и вбивай снова в другом месте... Материал словно бы доверял мне, а это ощущение дает очень много, и чтобы добиться его, надо немало отдать работе еще до того, как ее начнешь.

«Мерою всех вещей» в романе был для меня образ Навои.

Некоторые критики утверждали (или, по крайней мере, намекали), что он несколько идеализирован. По совести, я не могу с этим согласиться. Конечно, я любил моего героя. Но, положив руку на сердце, могу сказать, что, рисуя его, я старался ни в чем не погрешить против истории, не пытался что-либо замолчать или представить в искусственном свете. Я уже говорил, что

мое личное, «человеческое» отношение к Навои в сущности только отражало то, которое сложилось в народном сознании.

В самом деле: жизнь Навои нам, в общем, хорошо известна. Она изобилует многими превратностями, многими взлетами и падениями; но сам Навои как человек неизменно оставался на высоте. Он не подличал ни чтобы добиться власти, ни чтобы сохранить ее; ему, бесспорно, сослужили службу давние личные отношения с султаном Хусейном Байкарой, но обаяние его личности, глубина его ума были, по-видимому, и без того слишком очевидны. Его имущественное положение избавляло его от необходимости идти на многие унижения и не одобряемые совестью шаги, неизбежные для бедняков, даже если они были люди незаурядные; но в то же время его личное бескорыстие, щедрость, широта души — вне всяких сомнений. Когда все это соединяется в одном человеке, у скептиков невольно рождается мысль, что им подсовывают идеализированного героя. Но что делать, если такова историческая правда? В жизнеописании Алишера действительно нет «темных мест» — в дурном смысле этого слова.

Правда, есть в нем зато одно «белое пятно», и на нем стоит остановиться, потому что именно с ним связаны некоторые сюжетные «разночтения» в художественных «биографиях» Навои, созданных узбекской советской литературой и кино. Я имею в виду так называемую «личную» жизнь поэта. Известно, что он умер холостым, и по тем временам, в его положении, это выглядит действительно несколько странно. Были ли в его жизни женщины, любовь? Казалось бы, ответить на этот вопрос нетрудно: Навои оставил нам свой знаменитый «Чор-Диван», четыре книги великолепной любовной лирики; судя по ним, тема любви не оставляла его всю жизнь — от юных лет до старости. Более того, если судить только по ним, можно вообразить, что всю свою жизнь Навои, кроме любви, вообще ничем не интересовался...

Дело, однако, в том, что эти замечательные стихи не дают права на столь прямое истолкование. Жанры любовной лирики были обязательными для той традиции, которая во многом определила поэтическое формирование Навои; отказавшись от многих «излишеств» суфиз-

ма, Навои многое от него и воспринял. С другой стороны, в суфийской поэзии было традиционным использование жанров любовной лирики для философского иносказания. Очень многое в «Чор-Диване» представляет собою не что иное, как философскую и поэтическую аллегорию. Какая-то часть стихов «Чор-Дивана», бесспорно, выросла из упражнений в тех или иных поэтических формах — ведь сюда вошло и то, что Навои писал еще подростком. Есть ли здесь и стихи, отражающие конкретные любовные переживания поэта, адресованные определенной женщине? Этого, боюсь, мы никогда не узнаем.

Народная фантазия постаралась восполнить этот пробел. Существует легенда (она записана в 1926 году проф. Семеновым), повествующая о некой девушке Гюли, которую любил Навои; ее продали в султанский гарем, и она приняла яд, медленно ее убивший; что же до поэта, то она и ему приготовила заколдованное питье: выпив его, он уж больше не мог смотреть на других женщин... Конечно, в своем настоящем виде эта народная легенда много поэтичнее, нежели в сухом пересказе; и в ней есть тот «второй» план, который с изумлением обнаруживаешь в творениях фольклора, пленивших нас сначала своей предельной безыскусностью. В сущности, питье, которое в легенде выпивает поэт, есть только метафорическое изображение горя, которое отравило его последующую жизнь...

Меня не раз спрашивали: отчего я не воспользовался этой легендой (в то время, как она превосходно — действительно превосходно! — использована в драме Уйгуна и Султанова)? Ведь тем самым я вообще пренебрег важной сюжетной линией, которая позволила бы многое внести в роман...

Что ж, отчасти я пренебрег ею как раз потому, что она была уже использована до меня — хотя, конечно, это причина не решающая. Важнее другое: в исторических документах мне не приходилось встречать ничего, что можно было счесть хотя бы поводом к возникновению легенды. Впрочем, когда я приводил последнюю причину, на лицах слушателей читалась обычно какая-то неудовлетворенность — как будто они ждали более веского объяснения...

Я знаю, в чем тут дело: читателя, который, что ни говори, видит в романе прежде всего плод писательского воображения, смущает такая приверженность к сухим фактам; а еще более — недоверие к народной фантазии, которая, очевидно, сродни его собственной. Я отлично понимаю это чувство; больше того: чувствую необходимость оправдаться. Как исторический писатель, я вовсе не испытываю недоверия к фольклору — напротив. Народные легенды, которые касаются исторических личностей, зачастую сильно поэтизируют реальный образ или, наоборот, усугубляют то темное, что в нем было; но, как правило, никогда не нарушают истинных пропорций — не возводят совершенной наспралины и не прощают очевидной вины. Они, если можно так выразиться, сохраняют чувство исторической справедливости; исключения из правила принадлежат большей частью литературным интерпретаторам фольклора. И я думаю, что народная легенда, наряду с вполне достоверными сведениями, может послужить историческому писателю самым благодарным материалом.

Почему же я в свое время такой легендой не воспользовался? Ответ прост. В романе о Навои, каким он складывался в моем воображении, эта сюжетная линия не была необходимой. Не она определяла героя — им в действительности владела другая страсть: страсть к творчеству.

Я имею в виду не только писание стихов. Может быть, литература была для Навои наилучшей формой творчества, и потому, под конец жизни, когда все другое ушло из его рук, он отдался поэзии не только с радостью, но и с душевным облегчением. Но я всегда был уверен, что ключ к его биографии, подлинная суть его натуры состоит в том, что он был человеком действия; только при этом он еще был наделен неотступной «привычкой мыслить». Для него было внутренней потребностью осмысливать и стремиться усовершенствовать все, с чем он ни сталкивался: поэтическое искусство и государственную власть, положение народа и архитектуру столицы... Ничто из того, что побывало в его руках, не должно было уйти, не изменившись к лучшему. Люди должны оставлять след на земле — должно быть, говорил он себе: нет, не чье-то одно горделивое «я», хотя и каждое «я» имеет право на бессмертие; не одно

«я», а именно люди, все, кто жил вот на этой земле в этот вот отрезок времени. И пусть это будет не просто память величественных завоеваний или поражающей воображение пышности, которая вот она — была и минула, оставив свои каменные одежды; нет! Надлежит оставлять такое наследие, чтобы, обретя его, идущие за нами уверялись не в тщете жизни, а в глубочайшей ее осмысленности; не в том, что все преходяще, а, напротив, в том, что все имеет продолжение, и нужно жить и творить именно ради этого продолжения.

Для нас Навои — прежде всего великий поэт; но, повторяю, я убежден, что самому Навои поэзия представлялась лишь средством усовершенствования мира — средством, может быть, лучшим, чем многие другие, но все же лишь одним из многих. Именно потому он и делил свои силы между поэзией и государственной властью; он был слишком философ, чтобы стремиться к власти ради нее самой, и достаточно бескорыстен (и притом достаточно богат), чтобы не рассчитывать на те бесчестные выгоды, которые она доставляла. Все, что я знаю о Навои — а он сопутствует мне без малого полвека — можно высказать очень коротко: самая жизнь была для него средством воплощения господствовавшей в нем идеи, и эта идея была как бы частью его самого. Эта идея была его страстью.

Так что даже если и была в его жизни какая-то неведомая нам трагическая любовь, я никогда не поверю, чтобы у человека такого склада она могла оказать решающее влияние на ход жизни. Конечно, в сравнительно большом по объему романе могло найтись место и для скромной любовной линии. Но теперь нетрудно понять, почему она не казалась мне необходимой — а стало быть, оказывалась и вовсе ненужной.

Я говорю только о скромной истории моего романа. Я далек от мысли, что выбранный мною путь был единственно правильным. Прекрасная драма Уйгуна и Султанова — лучшее опровержение такой мысли. Но я рад, что могу отметить: невзирая на разные сюжетные решения, несмотря на жанровые отличия, авторы этой драмы пришли, в сущности, к той же концепции центрального образа, что и я сам.

Впоследствии на основе пьесы был написан кино-сценарий (фактически даже несколько киносценариев)

и поставлен фильм. Фильм этот, я думаю, многим известен. Он обладает немалыми достоинствами и принадлежит к числу лучшего, что создано узбекской кинематографией. И все же, мне кажется, он значительно уступает пьесе (да и первому варианту сценария, близкому к пьесе) в правильности понимания или, лучше сказать, точности обрисовки образа Навои.

Концепция как будто остается той же — перед нами драма великого человека, который возводит мощное здание, думая, что нашел прочный фундамент; и в конце жизни видит, что строил на песке. Постройка обрушивается у него на глазах, погребая под обломками его мечту об идеальном государстве, царстве справедливости и красоты. Нет, перед нами отнюдь не мечтатель, а именно человек действия; не донкихотствующий политик, а мастер-строитель. И как раз оттого его драма — подлинная; оттого, когда в прекрасной финальной сцене, проклявши лживую власть и ничтожного правителя, он выходит со своей убитой мечтой в сердце, как Лир — с мертвой Корделией на руках, перед ним покорно и торжественно опускаются копыта стражи.

Однако некоторые необходимые пропорции в фильме все же нарушены. И, мне кажется, это произошло за счет сюжетной линии, связанной все с той же легендарной Гюли. Авторы пьесы подошли к легенде с тем тактом, с каким сама народная фантазия отнеслась к истории: она только дополнила ее, поэтически объяснила то, что оставалось неясным из фактов. Другими словами, в пьесе легенда как бы подключена к истории. В фильме же история во многом переключена в область легенды.

Кстати сказать, фильм «Навои» начинается сценой из отроческих лет Алишера. Я сейчас подумал об этом потому, что в моем романе Алишер впервые появляется уже зрелым, тридцатилетним человеком, на взлете своей государственной карьеры, в лучах поэтической славы. Меня спросили как-то, почему я не показал Навои молодым, в годы становления. Я ответил, что первоначальный замысел был иной, и где-то у меня сохранились наброски глав, которые должны были показать Алишера мальчиком, учеником Джами, и в Самарканде, в наименее известный нам период его жизни; но потом я отказался от этих набросков. Может быть, то

было безотчетное опасение истратить свой «запал» прежде, чем я доберусь до главного... Я уже говорил, что роман был написан в короткий срок.

Сейчас мне было бы труднее ответить на такой вопрос: в моем письменном столе лежит начатая не так давно рукопись — страницы будущей книги, которая должна показать Алишера молодым... Я спрашиваю себя: отчего так получается? Вряд ли, отказавшись четверть века назад от этого кусочка истории, я думал, что еще когда-нибудь вернусь к нему. И уж во всяком случае не предполагал, что это будет накануне моего шестидесятилетия. Причина здесь скорее не «литературная», а чисто человеческая. В молодости и где-то накануне зрелого возраста мы стремимся к познанию окончательных истин, преклоняемся перед спокойной и уверенной мудростью, которую дает процеженный через годы опыт и совершенное знание людей. А где-нибудь на исходе жизни осознаем вдруг, что было в ней самым прекрасным: не результат познания, ибо окончательным он все равно быть не может, а то невозвратимое обаяние первого восприятия, тот «первый бал», то ожидание и жажда главного в жизни, когда еще не знаешь, что же в ней будет главное, и радостно берешь все без разбору; и неновторимый энтузиазм молодости, пока она не чувствует своих пределов и думает, что ей дано все.

И так как писатели (в том числе и исторические) опять же всего лишь люди, то и их интересы меняются в зависимости от возраста. Если покопаться, можно без труда обнаружить, что пожилой писатель не очень-то склонен изображать старых людей (вспомните хотя бы признание Алексея Толстого насчет последней книги «Петра I») и, наоборот, охотно обращается к годам детства или юности, своим и чужим; а романы, доведенные до старости героев, — чаще всего дело рук людей, которым старость пока что не угрожает...

Таковы человеческие слабости. Боюсь, выше я уделал им слишком много внимания. Но что поделаешь, это ведь тоже человеческая слабость: какова бы ни была тема беседы, говорить о том, что тебя больше всего волнует. Впрочем, для писателей, как и для женщин, в этой слабости как раз и кроется сила: только о том, что их волнует, они и должны говорить, какова бы ни была тема.

Это необходимое условие. Потому что (тут я снова повторю мысль, с которой начал), что бы мы ни писали, история всегда стоит за плечом пишущего. И каков будет ее суд, зависит не только от нашего таланта, но и от нашей честности — по отношению к самим себе и к материалу, которым мы пользуемся.

И если уж мы идем на открытое состязание с историей и вторгаемся в ее собственные законные пределы, мы должны быть вдвойне честны. Ибо соблазны легкого пути, всегда подстерегающие писателя, возрастают здесь вдвойне. В самом деле: людям свойствен интерес к прошлому, и так соблазнительно попросту удовлетворить этот поверхностный подчас интерес, поразить диковинными сторонами давно умерших укладов жизни, тайнами цивилизаций, угадываемых лишь по случайным обломкам, следами сражений, в которых нам равно неизвестны победители и побежденные. Или, наоборот, перенести десяток современных манекенов в какую-то страну прошлого и передвигать их там на протяжении нескольких сот страниц... Что они останутся манекенами — так ведь на то и «история», чтобы читатель делал скидку.

Нет, писать настоящие исторические романы — весьма трудное занятие. Но чем оно трудней, тем больше у них читателей.

Очевидно, заканчивая разговор, нужно подвести итоги. Я знаю из опыта многих встреч, что последний вопрос, который задают, звучит всегда одинаково: «Что вы посоветовали бы молодым?» Действительно, этого вопроса всегда ждешь — и, однако, он всегда застает врасплох. В самом деле, какие советы можно дать молодым писателям? Об отношении к жизни и к литературе вообще? Но тут остается высказывать лишь прописные истины. О приемах работы за письменным столом? Но эти приемы связаны с очень личными привычками, каждый вырабатывает их сам для себя, а платя с чужого плеча только стесняет в движениях. Поделиться собственным опытом? Но это я уже сделал. Пожалуй, лишь одно и хотелось бы мне добавить.

Человек должен любить свое дело — это закон любой профессии. Но для человека искусства такой любви еще мало: он, как кто-то удачно заметил, должен еще быть уверен во взаимности. Иначе говоря, он дол-

жен доподлинно знать, что талант дает ему право на любовь, так сказать, небескорыстную. Ибо, что греха таить, наше трудное ремесло доставляет нам и сладкие минуты. Дело даже не в том многократном эхе твоего имени, которое именуют славой. Бесконечно сладко уже одно сознание того, что фразу, родившуюся в твоей голове, построенную и сказанную тобой, прочтут тысячи... как бы они ее там ни оценили! И этот сладчайший яд авторства, проникающий в кровь быстрее всякого другого, отравляет многих..., а иных начисто лишает трезвости — по отношению к самим себе. В этом нетрудно убедиться каждому — вспомним иные книги, встречавшиеся нам на тернистом читательском пути. Но я-то знаю не одни книги; я знаю и самих авторов. Я вовсе не имею в виду тех сравнительно немногочисленных циников, которые отлично знают себе цену, а свое место за писательским столом удерживают лишь как самое удобное для них место под солнцем, приносящее наибольшие моральные и материальные выгоды. Я говорю о людях, искренне любящих литературу и писательство; о людях, вложивших себя в него целиком. За плечами у них иной раз десятки лет, наполненных поисками, на полках — десятки собственных книг; и все же их отношение к литературе напоминает драму одного чеховского героя — «безнадежную любовь к женщине, от которой имеешь двоих детей».

Молодые друзья мои; юноши, «обдумывающие» свое литературное «житье», сохрани вас аллах от такой участи. Нет ничего горше. Проверьте себя не раз — сотню раз; как бы вы ни любили литературу, уверьтесь в ее взаимности, прежде чем сочетаться с нею законным браком.

Ибо здесь возможен только брак по любви.

1965 г.

ИЗОҲЛАР

Октябрь революциясидан кейин вужудга келган янги тарихий-ижтимоий шароит тақозоси билан ижод аҳллари иккинчи она тили — рус тилини ҳам эгаллашга ва шу тилда ҳам адабий-бадний асарлар ҳамда илмий-назарий мақолалар ёзишга киришдилар.

Фақат бадний ижод билангина шуғулланиб қолмай, узоқ йиллар мобайнида СССР Ёзувчилар союзи раисининг ўринбосари, Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг раиси сифатида, депутат ва академик сифатида мамлакатимиз адабий ҳаётида фаол иштирок этган, турли съездлар, анжуманлар, мунозаралар, юбилейлар ва учрашувларнинг иштирокчиси ҳамда ташкилотчиси бўлган Ойбекнинг рус тилида ҳам публицистик асарлар ва адабий-танқидий мақолалар билан чиқиши табиий эди.

Ойбекнинг рус тилида ижод этган асарларининг бир қисми ўз даврида вақтли матбуотда ва турли тўпламларда эълон этилган. Аксарияти, чунончи, Москва радиоси учун ёзилган мақолалари, илмий ишларга тақризлари ва ҳоказолар эса ҳанузга қадар чоп этилмай келади.

Адибнинг матбуотда эълон қилинган рус тилидаги асарларида ҳам, унинг шахсий архивида сақланаётган мақола ва тақризларида, нутқ ва суҳбатларида, адабий лавҳаларида ҳам унинг адабий-танқидий қарашлари ўз ифодасини топган. Шу билан унинг мазкур асарларининг бир жилд остига тўпланиши Ойбек истеъдодининг янги бир қирраси билан танишиш имконини беради.

Биз XV—XIX асрлар ўзбек адабиёти тарихига нигоҳ ташлар эканмиз, кўпчилик ўзбек ёзувчиларининг икки тилда ижод этганларини кўрамиз. Улар ўзбек тилида нечоғли мукаммал ёзилган бўлса, форс-тожик тилида ҳам шунчалик маҳорат билан ижод этишган. Бу ижобий аҳамиятга молик традиция бизнинг даврда ҳам ўзбек совет ёзувчилари томонидан давом эттирилмоқда. Фақат фарқ шундаки, ҳозир улар ўз асарларини ўзбек ва рус тилларида ёзмоқдалар. Ойбек, Ҳамид Олимжон, Шайхзода, Зулфия, Шароф Рашидов, Ҳамид Ғулом, Асқад Мухтор каби адибларимиз ижоди бунга ёрқин мисол бўла олади.

Ойбек ёшлик йилларидаёқ рус тилини эгаллаш муҳим аҳамиятга эга эканлигини тушунган.

«Мусо Тошмухамедовни мен 20-йилларнинг ўрталаридан бошлаб биламан,— деб эслайди унинг дўсти, ҳозирда ЎзССР Фанлар академиясининг академиги К. И. Лапкин.— Муносабатларимиз жуда ҳам қалли бўлмаса-да, нисбатан яқин ва ўзаро ишончга асосланган эди. Мен Ойбекни биринчи бор 20 яшар йилгитлик чо-

ғида, ҳали шахс сифатида ҳам, ёзувчи ва жамоат арбоби сифатида ҳам шаклланмаган кезларидан биламан.

Ойбек жуда секин, донна-донна қилиб гапирар, афтдан, у мянсада тугилган ҳар бир фикрни даставвал хаёлан рус тилига таржима қилар, сўнг баён қилар эди.

Эсимда бор, Ойбек ўшанда иккинчи поғонали бир нечта мактабни, шу жумладан Ленин номидаги мактабни ҳам «таянч» мактабларга ўтказиши тўғрисидаги таклифни киритган. Бу мактабларда ўқиш, айти пайтда ўзбек тилини ўрганишга эътибор кучайгани ҳолда, 4—5-синфдан бошлаб аста-секин рус тилига ўтказилиши лозим эди. Бу таклиф қаршилликка учради. Мактабларни бундай «руслаштириш» кўпчиликка маъқул бўлмади, у ўзбек халқи маданиятининг ривожига тўсқинлик қилиши мумкиндек кўринди. Ойбек бўлса ўз таклифини асосан равишда ҳимоя этарди. У ўша кезлардаёқ бу мактабларнинг биринчи қадиргоҳларидан рус тилидагина эмас, балки ўзбек тилида ҳам олий маълумотни ташкил эта олувчи юқори малакали кадрлар етишиб чиқишини башорат қилган эди.

Эсимда, мактабда «рус тили кўни» ўтказилар, шу кўни ҳамма фақат рус тилида гапирishi лозим эди. Бу каби тadbирларнинг ташкилотчиси ҳар доим Ойбек бўларди».

Рус тили билан шуғулланиш тез орада ўз самарасини берди. Ойбек жаҳон адабиётининг энг машҳур намоёндалари Данте, Байрон, Мольер, Генрих Гейне, Анатоль Франс, Эмиль Верхарн, Н. А. Крылов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, А. М. Горький ва бошқаларнинг асарларини, «Антик адабиёти хрестоматияси»ни ўзига хос ғайрат ва илҳом билан рус тилидан ўзбек тилига таржима қилди. Ойбек жаҳон адабиётининг шоҳ асарларини таржима этиш асносида классиклардан маҳорат «сир»ларини ўрганди ва геннал салафларининг бой бадний тажрибасини эгаллади. Булар ҳаммаси адибнинг ижодий камолотида муайян роль ўйнади.

Бадний диапазоннинг кенгайиши ижод уфқларининг кенгайишини кўзда тутлади. Жаҳон адабиёти, айниқса Шарқ адабиёти тарихининг билимдонни Ойбек у ёхуд бу адабий ҳодисаларга, адабий жараёнини у ёхуд бу жиҳатларига ўз муносабатини билдирмай, адабий-танқидий мақола ва тақризлар ёзмай қололмас эди. Ўзбек адабиётшунослиги ва танқидчилиги эндигина тетапояга кирган бу даврда у ўзбек адабиётшуносларини орасида биринчилардан бўлиб классик меросни, айниқса Алишер Навоий ижодини ўрганишда бевосита иштирок этди.

Шарқ Уйғониш даври адабиётининг йприк арбоби Алишер Навоийнинг шахсияти ўзбек халқининг ижтимоий, маданий, бадний ва илмий тараққиётига мугафаккир шонр ва давлат арбоби сифатида қўшган ҳиссаени ёзувчи Ойбекнинггина эмас, балки адабиётшунос олим Ойбекнинг ҳам диққат-эътиборини ўзига тортди. Аниқроғи, Ойбекнинг Навоий ҳаёти ва ижодини тадқиқотчи сифатида текшириши, бу борадаги тажрибалари унинг бадний ижодида айниқса асқотди.

Ойбек Навоий сиймоси билан шахсан ўзи қизиқибгина қолмай, балки рус ва Европа адабиёти руҳида тарбияланган ёзувчи ва адабиётшунос Александр Дейчнн ҳам бу фусункор адабий оламга олиб кирди. У билан ижодий ҳамкорликда улуғ ўзбек шонрининг ҳаёти ва ижодига бағишланган қатор мақолалар ва кейинчалик монография эълон қилди.

Кўп миллатли совет адабиётининг новаторлик моҳияти шундаки, унда миллийлик билан интернационаллик ажралмас бирликини

ташқил этади. Ойбек адабиёт тадқиқотчиси сифатида ўзбек бадий маданияти масалалари билангина чекланмади. У Дейч сингари ўзининг илмий ижоди географиясини тинмай кенгайтириб, Низомий, Крылов, Пушкин, Шевченко, Чехов, Горький, Маяковский асарларини ўрганди ва тарғиб қилди.

Рус адабиёти ва СССР халқлари адабиёти классикларига бағишланган мақолалар шу билан характерландики, Ойбек уларда Пушкин, Чехов, Маяковский сингари классиклар бадий тажрибасининг умуман ўзбек халқи маданияти учун, хусусан, унинг хусусий ижоди учун аҳамиятини идрок этишга уринди.

Монографик характердаги тадқиқот ва мақолалардан ташқари, Ойбек проблематик мақолалар ҳам ёзган «Ўзбек шеърятининг тараққиёт очерки», «Ўзбек адабиёти юксалишида», «Икки йил ичида ўзбек совет адабиёти», «Ўзбек халқининг бадий адабиёти» каби мақолаларида миллий адабиётнинг қадимги даврдан ҳозирги кунга қадар бўлган тараққиёти тенденцияларини тадқиқ этди.

Публицистик мақолаларнинг бир қисми хорижий мамлакатларга қилинган сафар таассуротларидан иборат. Бу мақолалар Ойбекнинг Покистон ва Англияга бағишланган бадий асарларини чуқурроқ тушунишга ёрдам беради.

Шундай қилиб. Ойбекнинг рус тилидаги адабий-танқидий ва публицистик мақолалари бизни адиб ижодининг янги бир қирраси билан таништирибгина қолмай, унинг камалак нурлар билан товланувчи ижодига теран назар билан ёндошишимизга ҳам ёрдам беради.

Ойбек қаламига мансуб бўлган мазкур мақолаларнинг кўпчилик қисми қўлёзма ва машинкаланган нусхаларига эга бўлиб, улар ёзувчи архивида сақланмоқда. Мақолаларнинг машинкаланган нусхаси Ойбекнинг ўзи ёки рафиқаси томонидан «Москва» маркали портатив машинкада кўчирилган.

Ушбу томда чоп этилаётган айрим мақолаларнинг қўлёзмалари ёзувчи архивида сақланмаган. Мазкур томи нашрга тайёрловчилар уларни турли газета ва журнал саҳифаларидан топдилар.

Республикамиз кутубхоналаридаги «эски» газета ва журналларнинг яхши сақланмагани сабабли Ойбекнинг баъзи бир мақолалари ушбу томга кирмай қолган бўлиши ҳам мумкин.

Бундан ташқари, Ойбекнинг «Замечательный документ нашей эпохи», «О поездке в Лондон», «Отчетный доклад ССП Уз за период с 1/VII—1946 г. по 1/XII—1947 г.», «Отчетный доклад ССП Уз за период с 1/1 — 1947 г. по 1/XII—1947 г.», после постановления ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», «К итогам обсуждения 1-го выпуска трудов Института экономики АН УзССР», «Диалектический материализм как оружие советской литературы», «О положении в узбекском языкознании», «Моё обращение к египетским друзьям» каби мақолалари айрим сабабларга кўра мазкур томга киритилмади. Шунингдек, Ойбек фахрий муаллиф сифатидагина иштирок этган мақолалар ҳам ушбу томдан жой олмади.

АВТОБИОГРАФИЯ

(5-бет)

Биринчи марта «Вопросы литературы» журналининг 1959 йил 4-сонига босилган, кейинчалик 1972 йилда Москвада чоп этилган «Автобиографии советских писателей» китобига ҳам киритилган.

Ёзувчи архивида автобиографиянинг машинкаланган нусхаси сақланган. У оқиш қоғозга ёзилган бўлиб, тўққиз саҳифадан иборат.

ПУБЛИЦИСТИКА

СМЕРТНЫЙ ЧАС ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

(17-бет)

«Правда» газетасининг 1945 йил 14 май сонида босилган.

Ёзувчи архивида мақоланинг автограф нусхаси сақланган бўлиб, у икки саҳифадан иборат сарғиш ёзув қоғозига бинафша сиеҳ билан ёзилган.

ЧИТАТЕЛИ О БИБЛИОТЕКЕ

(19-бет)

Алишер Навоий номдаги Ўзбекистон ССР Давлат кутубхонаси ташкил этилган куннинг 75 йиллиги муносабати билан ёзилган ва «Правда Востока» газетасининг 1945 йил 25 июль сонида босилган.

Мақоланинг автограф нусхаси ёзувчи архивида сақланмаган.

НАГРАДА ОБЯЗЫВАЕТ

(20-бет)

1946 йилнинг 25 июлида «Правда Востока» газетасида эълон этилган бу мақола «Навоий» романи учун Ойбекка биринчи даражали СССР Давлат мукофоти берилиши муносабати билан ёзилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ВЕЛИКАЯ СТРОЙКА

(22-бет)

Ўзбекистондаги биринчи сув ҳавзаси — Каттақўрғон сув омбори қурилиши муносабати билан ёзилган ва «Литературная газета»нинг 1946 йил 7 ноябрь сонида босилган.

1940 йилда бошланган Каттақўрғон сув омборининг қурилиши Улуғ Ватан уруши йилларида вақтинча тўxtатилган ва урушдан кейин давом эттирилган. 1951 йилда биринчи навбати қуриб битказилган Каттақўрғон сув омбори Самарқанд ва Бухоро областларида пахтачиликни ривожлантиришда катта роль ўйнади.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

(24-бет)

Ўзбекистон пахтакорлари IV қурултойининг очилиши (1947, март) муносабати билан ёзилган ва «Литературная газета»нинг 1947 йил 22 март сонида босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.
Ҳамроқул Турсунқулов — Ўзбекистонда қолхоз қурилишининг
йирик вакили, уч марта Социалистик Меҳнат Қаҳрамони.
Замира Муталова — 40-йиллардаги донгдор пахтакор, Социалистик Меҳнат Қаҳрамони.

К СОЛНЕЧНЫМ САДАМ КОММУНИЗМА

(29-бет)

«Литературная газета»нинг 1947 йил ноябрь сонидан босилган ушбу мақола Октябрь революциясининг 30 йиллиги муносабати билан ёзилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.
Турсуной Каримова — донгдор пахтакор, «Олтин водийдан шабадалар» романидаги Комила Салимова образининг прототиби, ҳозир Андижон область Қасаба союзлари комитетининг раиси.

[УЗБЕКСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ]

(32-бет)

1948 йил январь ойида сиёсий ва илмий билимларни тарқатиш Ўзбекистон жамияти (ҳозирги «Билим» жамияти)нинг ташкил этилишига бағишланган нутқ тексти.

Мақоланинг автограф нусхаси ёзувчи архивида сақланмоқда. У бир чизикли ёзув дафтарига қора қалам билан ёзилган бўлиб, тўрт ярим саҳифадан иборат.

ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ

(34-бет)

СССР Конституцияси кунини муносабати билан ёзилган ва «Литературная газета»нинг 1948 йил 4 декабрь сонидан эълон қилинган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ЛИКОВАНИЕ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

(37-бет)

Ойбекнинг Улуғ Октябрь социалистик революциясининг 32 йиллиги муносабати билан ёзилган мазкур мақоласи 1949 йилнинг 7 ноябрида Москва радиоси орқали эшиттирилган. Мақола СССР Министрлар Совети қошидаги Совет Информбюросининг 1949 йил ноябрь ойида қилган илтимосига биноан ёзилган.

Мақоланинг машинкаланган нусхаси ёзувчи архивида сақланмоқда. У тўрт саҳифадан иборат бўлиб оқиш ёзув қоғози (120, 5 × 30)га ёзилган. Бундан ташқари, мазкур мақоланинг «Ўзбекинский народ празднует Великий Октябрь» сарлавҳали икки бетдан иборат қўлёзма нусхаси ҳам мавжуд. У сарғиш ёзув қоғозига бинафша сиёҳ билан ёзилган.

Мақола биринчи марта эълон қилинмоқда.

Қ ВЕРШИНАМ ТВОРЧЕСТВА

(42-бет)

«Правда Востока» газетасининг 1950 йил 1 январь сонида босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

МИР ПОБЕДИТ ВОЙНУ

(43-бет)

Тинчлик тарафдорларининг Иккинчи Бутуниттифоқ конференцияси (1950, 16 октябрь) очилиши муносабати билан ёзилган ушбу мақола 1950 йилнинг 14 октябрида «Правда» газетасида босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ГЛАЗАМИ ДРУГА

(46-бет)

Мақола Ойбекнинг «Покистон таассуротлари» очерки асосида ёзилган.

Мақоланинг автограф нусхаси ёзувчи архивида сақланмоқда. У 20,5×30 см форматдаги ёзув қоғозига бинафша сиёҳ билан ёзилган бўлиб, 26 бетдан иборат.

«Покистон таассуротлари» очеркининг О. Раҳимий томонидан қилинган ва «По ту сторону Гиндикуша» деб номланган тўла таржимаси «Правда Востока» газетасининг 1950 йил 6, 8, 15, 25 октябрь ва 28 декабрь сонларида эълон қилинган.

Мақоланинг ушбу варианты биринчи марта эълон қилинмоқда.

НАРОДЫ КОЛОНИАЛЬНОГО ВОСТОКА БОРЮТСЯ ЗА МИР

(60-бет)

1950 йилда Ойбекнинг Покистонга қилган сафаридан сўнг, тинчлик учун мустамлакачилик сиёсатига қарши қаратилган халқаро ҳаракатнинг кенгайиши муносабати билан ёзилган.

Ёзувчи архивида мақоланинг машинкада кўчирилган нусхаси сақланмоқда. У 20 × 29 см форматдаги оқиш ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, икки саҳифадан иборат.

Мақола биринчи марта эълон қилинмоқда.

МОИ ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

(61-бет)

Ёзувчи архивида мақоланинг машинкада кўчирилган нусхаси сақланмоқда. Мақоланинг қандай нашр ёҳуд қайси йиғилишда сўзлаш учун тайёрланганлиги номаълум.

Мақола биринчи марта эълон қилинмоқда.

**[ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МИТИНГЕ ПО СЛУЧАЮ ПОДПИСКИ
НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ В 1952 г.]**

(63-бет)

1952 йилда чиқарилган СССР халқ хўжалигини тиклаш заёмига ёзилишга бағишлаб УэССР ФА А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институтида ўтказилган митингда сўзланган нутқ. Ушбу нутқ текстининг машинкада кўчирилган нусхаси ёзувчи архивида сақланмоқда. У 20×29 см форматдаги ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, уч саҳифадан иборат.

СЛУЖИТЬ НАРОДУ

(66-бет)

1957 йилда адабиёт ва санъат арбобларининг партия ва ҳукумат раҳбарлари томонидан қабул қилиниши муносабати билан ёзилган ва «Правда Востока» газетасининг 1957 йил 8 сентябрь сониди босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

НАШИ ТВОРЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ

(67-бет)

«Литературная газета»нинг 1958 йил 9 январь сониди босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ОРЛИНЫЙ ВЗЛЁТ

(68-бет)

Совет Иттифоқи Коммунистик Партияси программасининг лойиҳаси эълон қилиниши муносабати билан ёзилган ва «Литературная газета»нинг 1961 йил 24 август сониди босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ ПИСАТЕЛЯ

(69-бет)

1963 йилда бўлиб ўтган адабиёт ва санъат арбобларининг партия ва ҳукумат раҳбарлари билан учрашувидан сўнг ёзилган ҳамда «Звезда Востока» журналининг 1963 йил 4 апрель сониди эълон этилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ЛЖЕЦ-ПОПУГАЙ

(72-бет)

«Литературная газета»нинг 1963 йил 11 июнь сониди босилган. Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ИМЕНИ НАВОИ

(78-бет)

«Неделя» газетасининг 1963 йил 11—17 август сониди босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

НЕУГАСИМОЕ СОЛНЦЕ

(83-бет)

Октябрь революциясининг 46 йиллиги муносабати билан ёзилган ушбу мақола «Правда Востока» газетасининг 1963 йил 6 ноябрь сониди босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

КРЫЛЬЯ ДРУЖБЫ

(87-бет)

Ўзбекистонда бўлиб ўтган рус маданияти декадаси муносабати билан ёзилган ушбу мақола «Звезда Востока» журналининг 1963 йил 11-сониди эълон этилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

БЛАГОТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ

(90-бет)

«Русский язык в узбекской школе» журналининг 1964 йил 5-сониди босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

СПЛОЧЕННЫМ ВСЕ ПО ПЛЕЧУ

(91-бет)

Жаҳон меҳнаткашларининг халқаро бирдамлик куни — 1 Май муносабати билан ёзилган ҳамда «Правда» газетасининг 1965 йил 3 май сониди босилган.

Мақоланинг автограф нусхаси ёзувчи архивида сақланмаган.

ВМЕСТЕ СТРОИМ МИР КРАСОТЫ

(93-бет)

«Правда Востока» газетасининг 1965 йил 20 май сониди босилган.

Мазкур мақола Ўзбекистонда бўлиб ўтган Украина адабиёти ва санъати кунлари муносабати билан ёзилган. Ойбек мақолада тилга олинган Иван Ле, Микола Бажан, Павло Тичина, М. Терешченко каби украин адиблари билан шахсан таниш бўлган. Ёзувчи архивида бу адиблардан Ойбек номига келган хатлар, телеграммалар, унга тақдим этилган китоблар сақланмоқда.

Украинский писатель пишет роман об Узбекистане.— Иван Ленинг «Тоғ ораллиқлари» романи кўзда тутилмоқда.

...тридцать лет назад Хамид Алимджан впервые перевел на узбекский стихи Шевченко.— Шевченко шеърлари улуг украин шоири туғилган куннинг 125 йиллиги муносабати билан бир гуруҳ ўзбек шоирлари, шу жумладан, Ҳамид Олимжон томонидан таржима этилган ҳамда 1939 йилда китоб ҳолида нашр қилинган.

Мы прекрасно знаем и то, как популярны узбекские романы... на Украине.— 1951 йилда М. Гнатовский таржимасида украин тилида нашр этилган «Олтин водийдан шабадалар» романи ва ҳ. к. украин китобхони томонидан қизғин кутиб олинган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА МИТИНГЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ОБРАЗОВАНИЮ ОБЩЕСТВА ДРУЖБЫ НАРОДОВ СССР И ПАКИСТАНА

(96-бет)

1965 йил 12 ноябрда СССР ва Покистон халқлари дўстлиги жамиятининг ташкил этилишига бағишланган митингда сўзланган нутқ.

Ёзувчи архивида мазкур мақоланинг етти саҳифадан иборат қўлёзма ва тўрт саҳифадан иборат машинкаланган нусхаси сақланмоқда. Қўлёзма нусха сарғиш ёзув қоғозига қора снѐҳ билан, машинкаланган нусха 21×30 см форматдаги ёзув қоғозига ёзилган.

УЧИТЕЛЬ

(99-бет)

Ўқитувчилар кунн — 1 октябрь муносабати билан ёзилган мазкур мақола 1967 йилнинг 30 сентябрида «Учительская газета»да босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

НИЗКИЙ ПОКЛОН

(101-бет)

Октябрь социалистик революциясининг 50 йиллиги муносабати билан ёзилган ҳамда «Литературная газета»нинг 1967 йил 7 ноябрь соннда босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

АДАБИЁТШУНОСЛИК

[ПУШКИН И УЗБЕКИСТАН]

(107-бет)

А. С. Пушкин вафотининг 100 йиллигига бағишланган ва Ўзбекистон Ёзувчилар союзининг IV пленумида (1937, 22—26 февраль) сўзланган нутқ тексти.

Ушбу нутқ текстининг ёзувчи архивида сақланаётган қўлёзма ва машинкаланган нусхалари сарғиш ёзув қоғозига ёзилган. Қўлёзма 4 бетдан, машинкаланган нусха эса 3 бетдан иборат.

Биринчи марта «Сельская правда»нинг 1977 йил 5 июнь соннда эълон қилинган.

О ТВОРЧЕСТВЕ МАЯКОВСКОГО

(109-бет)

1940 йилнинг 14 апрелида Ўзбекистон Ёзувчилар союзида бўлиб ўтган ва машҳур совет шоири В. В. Маяковскийга бағишланган кечада қилинган доклад тексти.

Ёзувчининг шахсий архивида мақоланинг қўлёзма ва машинкада кўчирилган нусхалари сақланмоқда. Улар сарғиш ёзув қоғозига ёзилган.

Қўлёзма нусханинг умумий ҳажми 50 саҳифадан иборат. Ундаги 1—31-бетлар сақланмаган; 32—46-бетлар қора сиёҳ, қолган 47—50-бетлар эса бинафша сиёҳ билан ёзилган. Қўлёзманинг охири олти бети яхши сақланмаган, ҳошиялари йиртилиб кетган.

Мақоланинг машинкада кўчирилган нусхаси эса 13 бетдан иборат, охириги қисми сақланмаган.

Мақола биринчи марта эълон қилинмоқда.

К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ НАВОИ

(125-бет)

1940 йилнинг 20—23 март кунлари Тошкентда Ўзбекистон Халқ Комиссарлари Совети қошидаги Навоий юбилейи комитетининг I пленуми бўлиб ўтди. Пленумда Ойбек «К вопросу о мировоззрении Навои» мавзuida доклад қилди. Мазкур доклад тексти «Литература и искусство Узбекистана» журналининг ўша йилги 3-соннда (март) чоп этилди.

Ёзувчининг шахсий архивида мақоланинг қўлёзма ва машинкада кўчирилган нусхалари сақланмоқда. Улар сарғиш 20×30 см форматдаги ёзув қоғозига ёзилган. Қўлёзманинг фақат 9 саҳифаси сақланган бўлиб, у бинафша сиёҳ билан ёзилган. Мазкур қўлёзманинг 2 ва 8-бетлари йўқолган. Мақоланинг машинкада кўчирилган нусхаси эса 13 саҳифадан иборат. Бу нусханинг биринчи бети ҳошиясига араб ёзувида ёзувчининг дастхати билан «Фарҳод ва Ширин» дostonидан олинган қуйидаги байтлар ёзилган:

Улум ичра менга жо бўлди мадҳал,
Топилмас мушкиле мен қилмагон ҳал.
Мунинг ҳам билмагунча асли будин,
Муайян қилмогунча торупудин.
Не имконким, қарор ўлғай кўнгулға,
Тасалли ошкор ўлғай кўнгулға.

Мазкур нусханинг 5-бетига ёзувчи дастхати билан бир бетлик қўшимча киритилган. 10-бетга киритилиши мўлжалланган қўшимча эса сақланмаган. 11—12-бетлар йиртилиб кетгани учун мақоланинг охириги сатрларини ўқиб бўлмади.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКСКОГО НАРОДА

(136-бет)

Биринчи марта «Об узбекской литературе» номи билан «Правда Востока»нинг 1943 йил 17 ноябрь сониди босилган, сўнгра шу йилнинг 15 декабрида «Известия» газетасида чоп этилган.

Ёзувчи архивида мазкур мақоланинг қўлёзма ва машинкаланган нусхалари мавжуд. Қўлёзmaniнг фақат 13 саҳифаси сақланган бўлиб, у сарғиш ёзув қоғозига 1—11-бетгача бинафша сиёҳ билан, қолган 12—13-бетлари қалам билан ёзилган. Мазкур нусханинг 1-бети Алишер Навоий номидаги Адабиёт музейида сақланади.

Машинкаланган нусха «Художественная культура узбекского народа» деб номланган бўлиб, 7 бетдан иборат. У сарғиш ёзув қоғозига ёзилган.

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ И ТАЛАНТЛИВЫЙ ПОЭТ

(141-бет)

«Правда Востока» газетасининг 1944 йил 5 июль сониди босилган. Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ЧЕХОВ И УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

(145-бет)

А. П. Чехов туғилган кунининг 40 йиллиги муносабати билан ёзилган ва 1944 йилнинг 12 июлида Ўзбекистон ССР Фанлар академиясида бўлиб ўтган илмий сессияда қилинган доклад тексти.

Мақоланинг автограф нусхаси сарғиш ёзув қоғозига қалам билан ёзилган бўлиб, у олти саҳифадан иборат. Қўлёзма ёзувчи архивида сақланмоқда.

Доклад тексти «Правда Востока» газетасининг 1944 йил 15 июль сониди босилган.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ УЗБЕКСКОЙ ПОЭЗИИ

(151-бет)

«Антология узбекской поэзии» (М., 1950) китоби учун ёзилган сўз боши. Мақоланинг қўлёзма ва машинкада кўчирилган нусхалари ёзувчи архивида сақланмоқда. 20×29 см форматдаги сарғиш ёзув қоғозига ёзилган қўлёзmaniнг 9 саҳифасигина сақланган. Мақоланинг 20×32 см форматдаги машинкада кўчирилган нусхаси 45 саҳифадан иборат.

Қўлёзмага 1946 йил деб сана қўйилган.

УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА ПОДЪЕМЕ

(170-бет)

СССР Ёзувчилар союзи правленнесининг XI пленумида (1947 йил, 5 июнь) А. А. Фадеев доклади бўйича қилинган қўшимча доклад тексти.

ВКП(б) Марказий Комитетининг 1946 йил 14 августда қабул қилинган қароридан кейинги совет адабиёти масалаларига бағишланган мазкур пленумда Украина, Грузия, Ўзбекистон, Латвия ва Эстония Ёзувчилар союзи правлениелари раисларининг қўшимча докладлари ҳам тингланган ва муҳокама этилган.

Ушбу қўшимча доклад тексти биринчи марта «Литературная газета»нинг 1947 йил 4 июль сониди, сўнгра «Звезда Востока» журналининг 1947 йил 8-сониди эълон қилинган.

Ёзувчи архивида мазкур доклад текстининг 12 ва 16 бетлик машинкада кўчирилган нусхалари мавжуд. Доклад матнининг автограф нусхаси сақланмаган.

СОЦИАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МУКИМИ

(179-бет)

1947 йилнинг 10 июнида Ўзбекистон ССР Фанлар академиясида бўлиб ўтган илмий сессияда қилинган доклад тексти.

Ёзувчи архивида сақланаётган мақоланинг қўлёзма нусхаси 21 саҳифадан иборат бўлиб, 20×29 см форматдаги қоғозга бинафша спёх билан ёзилган. 20,5×29 см форматдаги оқниш ёзув қоғозига ёзилган машинкаланган нусха эса 16 саҳифадан иборат.

Доклад тексти «Научная сессия Академии наук УзССР. 9—14 июня 1947 г.» (Т., 1947) китобида ва «Звезда Востока» журналининг 1947 йил 7-сониди (июль) босилган.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

АЛИШЕРА НАВОИ

(188-бет)

Алишер Навоий таваллудининг 500 йиллигига бағишланган Ўзбекистон ССР Фанлар академиясининг илмий сессиясида қилинган докладнинг стенографик ёзуви.

Илмий сессия 1947 йил 25 июлда ЎзССР ФА президенти Т. А. Саримсоқов раислигида ўтган.

Докладда баён этилган айрим фикрлар Ойбекнинг Навоий ҳаёти ва ижодига бағишланган бошқа мақолаларида ҳам фойдаланилган.

Ушбу доклад асосида ёзилган «Литературное наследие Алишера Навоий» сарлавҳали мақола «Звезда Востока» журналининг 1948 йил 4-сониди (апрель) босилган. Мақоланинг машинкада кўчирилган нусхаси ёзувчи архивида сақланмоқда. У 20,5×30 см форматдаги сарғиш ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, 21 саҳифадан иборат.

Доклад текстининг қўлёзма нусхаси ёзувчи архивида сақланмоқда.

ВЕЛИКИЙ УЗБЕКСКИЙ ПОЭТ АЛИШЕР НАВОИ

(216-бет)

1948 йилнинг 15 майида Алишер Навоий таваллудининг 500 йиллиги муносабати билан бўлиб ўтган тантанали кечада қилинган доклад тексти.

Ёзувчи архивида доклад текстнинг машинкаланган нусхаси сақланмоқда. У 21×30 см форматдаги сарғиш ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, 16 саҳифадан иборат.

Доклад тексти асосида ёзилган «Великий узбекский поэт» сарлавҳали мақола «Правда Востока» газетасининг 1948 йил 17 апрель сонидан эълон қилинган. Шунингдек «Хорезмская правда» газетасининг 21 апрель, «Ленинское знамя» газетасининг 16 апрель сонларида кўчириб босилган.

Доклад текстнинг қўлёзма нусхаси адиб архивида сақланмоқда.

СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКИСТАНА ЗА ДВА ГОДА

(227-бет)

Тошкент шаҳар ёзувчиларининг 1948 йил 3 сентябрида бўлиб ўтган умумшаҳар йиғилишида қилинган доклад тексти.

Йиғилишда ВКП(б) Марказий Комитетининг 1946 йил 14 августда қабул қилган қароридан кейинги ўзбек совет адабиётидаги аҳвол муҳокама этилган.

Ушбу доклад текстнинг машинкаланган нусхаси ёзувчи архивида сақланмоқда. У 20×30 см форматдаги сарғиш ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, 22 саҳифадан иборат.

СОВРЕМЕННАЯ УЗБЕКСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ

(242-бет)

1948 йилда ёзилган бу мақоланинг машинкаланган нусхаси 21×29 см форматдаги сарғиш ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, 8 саҳифадан иборат. Мақоланинг сўнги варағига «И. И. Элизов қайта ишлаган», деб ёзилган. Мақоланинг қандай нашр ёки қандай йиғилишда доклад қилиш учун тайёрланганлиги номаълум.

Биринчи марта эълон қилинмоқда.

УЗБЕКСКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ ЗА 25 ЛЕТ

(246-бет)

1949 йилда Ўзбекистон Совет Социалистик Республикасининг ташкил этилганлигига 25 йил тўлиши муносабати билан Ёзувчилар союзига ўтказилган йиғилишда қилинган доклад тексти.

Ёзувчи архивида доклад текстнинг дастлабки 7 саҳифаси қўлёзма ҳолида, қолган 4 варағи машинкаланган ҳолда сақланган. Қўлёзма 20×30 см форматдаги ёзув қоғозига бинафша сиеҳ билан ёзилган.

Биринчи марта эълон этилмоқда.

ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАМЗЫ ХАКИМ-ЗАДЕ НИЯЗИ

(254-бет)

1949 йилнинг 3 октябрида Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий туғилган кўннинг 60 йиллиги ва вафотининг 20 йиллигига бағишланган кечада қилинган доклад тексти.

Ўзбекистон ССР Министрлар Советининг 1949 йил 4 апрелидаги қарорига мувофиқ Ойбек Ҳамза таваллудининг 60 йиллигини ўтказувчи ҳукумат комиссияси раисининг ўринбосари бўлган.

Ёзувчи архивида доклад қўлёмасининг фақат 12—21-саҳифаларигина сақланган бўлиб, у бир чизиқли ёзув қоғозига бинафша сиёҳ билан ёзилган. Доклад текстининг машинкаланган нусхаси сарғиш ёзув қоғозига ёзилган бўлиб, 20 саҳифадан иборат. Унинг 10—16 саҳифалари сақланмаган.

Мақола мавжуд қўлёзма ва машинкаланган нусхалар асосида биринчи марта чоп этилмоқда.

МАШРАБ

(265-бет)

1951 йилнинг ноябрь ойида Москвада ўтказиладиган ўзбек адабиёти ва санъати муносабати билан чоп этилиши мўлжалланган Машрабнинг «Танланган асарлар» китоби учун ёзилган сўз боши.

1950 йилда ёзилган ушбу мақоланинг қўлёзма нусхаси 20×28,5 см форматдаги ёзув қоғозига бинафша сиёҳ билан ёзилган бўлиб, 6 саҳифадан иборат.

ПЕВЕЦ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

(268-бет)

Мақола Тарас Шевченко таваллудининг 150 йиллиги муносабати билан ёзилган ва «Львовская правда» газетасининг 1964 йил 23 январь сониди босилган.

Мақола автографи ёзувчи архивида сақланмаган.

ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

(271-бет)

Таржимон-шоир А. Наумовнинг Ойбек билан қилган ушбу суҳбати биринчи марта «Дружба народов» журналининг 1966 йил 8-сониди, кейинчалик «Биографии замысла. Беседы с мастерами узбекской литературы, записанные Александром Наумовым» (Тошкент, «Ёш гвардия», 1974) китобида эълон қилинган. Суҳбатнинг қисқартирилган ўзбекча варианты «Ўзбекистон маданияти» газетасининг 1966 йил 1 октябрь сониди, шунингдек Ойбек «Асарлар»ининг 9-томи ҳамда «Мукамал асарлар тўплами»нинг XIV жилдида чоп этилган.

Ушбу суҳбатнинг Навойга бағишланган қисмлари «Дружба народов» журналининг 1968 йил 8-сониди «Чудо слово», «Правда Востока» газетасининг 1968 йил 25 июль сониди эса «Слово о Навои» сарлавҳалари билан ҳам эълон қилинган.

РАСМЛАР РЎИХАТИ

Ойбек. 1952 йил	7
Ойбек. 1944 йил	22
Ойбек Қозоғистонда бўлиб ўтган ўзбек адабиёти ва санъати кунларида. 1962 йил	88
«Об узбекской литературе» мақоласининг қўлёзма нусхаси. Езувчининг шахсий архивидан	135
Ойбек. 1958 йил	169

МУНДАРИЖА

Автобиография	5
Публицистика	
Смертный час фашистской Германии	17
Читатели о библиотеке	19
Награда обязывает	20
Великая стройка	22
Неиссякаемый источник	24
К солнечным садам коммунизма	29
[Узбекское общество по распространению политических и научных знаний]	32
Великая симфония	34
Ликование узбекского народа	37
К вершинам творчества	42
Мир победит войну	43
Глазами друга	46
Народы колониального Востока борются за мир	60
Мои творческие замыслы	61
[Выступление на митинге по случаю подяски на Государственные займы в 1952 г.]	63
Служить народу	66
Наши творческие замыслы	67
Орлиный взлет	68
Интернациональный долг писателя	69
Лжец-попугай	72
Имени Навои	78
Неугасимое солнце	83
Крылья дружбы	87
Благотворное влияние	90
Сплоченным все по плечу	91
Вместе строим мир красоты	93
Выступление на митинге, посвященном образованию Общества дружбы народов СССР и Пакистана	96
[Учитель]	99
Низкий поклон	101

Адабиётшунослик

[Пушкин и Узбекистан]	107
О творчестве Маяковского	109
К вопросу о мировоззрении Навои	125
Художественная литература узбекского народа	136
Пламенный патриот и талантливый поэт	141
Чехов и узбекская литература	145
Очерк развития узбекской поэзии	151
Узбекская литература на подъеме	170
Социальные мотивы в произведениях Мукими	179
Проблемы изучения литературного наследия Алишера Навои	188
Великий узбекский поэт Алишер Навои	216
Советская литература Узбекистана за два года	227
Современная узбекская драматургия	242
Узбекская советская поэзия за 25 лет	246
Жизнь и общественно-литературная деятельность Хамзы Хаким-заде Ниязи	254
Машраб	265
Певец дружбы народов	268
История, литература, современность	271
Изоҳлар	293
Расмлар рўйхати	309

Ойбек Мусо Тошмуҳаммад ўгли.

Мукаммал асарлар тўплами.

19 томлик (Таҳрир ҳайъати: М. Нурмуҳамедов ва бошқ.), Т., «Фан», 1982.

Сарл. олдида: ЎзССР ФА

А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт ин-ти.

19-т. Рус тилида ёзилган публицистик ва адабий-танқидий мақолалар

/[Масъул муҳаррирлар: Н. Владимирова, Н. Каримов.] 312 б.

Айбек М. Т. Полное собрание сочинений. В 19-ти т., т. 19. Публицистические и лит.-критические статьи, написанные на русском языке.

Ўз 2

На узбекском языке

М. Т. АЙБЕК

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В 19 ТОМАХ

ТОМ XIX

РУС ТИЛИДА ЕЗИЛГАН ПУБЛИЦИСТИК
ВА АДАБИЙ-ТАНҚИДИЙ МАҚОЛАЛАР

Ўзбекистон ССР ФА А. С. Пушкин номидаги Тил ва адабиёт институтининг Илмий созети, ЎзССР ФА Тарих, тилшунослик ва адабиётшунослик бўлими томонидан наشرга тасдиқланган.

Муҳаррир *Ҳ. Раунова*
Рассом *В. Тий*
Техмуҳаррир *Ҳ. Бобомухамедова*
Корректор *М. Сағтарова*

ИБ 2551.

Терншга берилди 27.01.82. Босншга рухсат этилди 22.02.82. P05552. Формати 84×108^{1/32}. Босмахона қоғози № 1. Адабий гарнитура. Юқори босма. Шартли босма л. 16,38. Ҳисоб-нашриёт л. 16,3. Тиражи 5000. Заказ 20. Баҳоси 2 с.

ЎзССР «Фан» нашриёти, Тошкент, 700047, Гоголь кўчаси, 70.

ЎзССР «Фан» нашриётининг босмахонаси, Тошкент, М. Горький проспекти, 79.